Р96
Р-49

НТР

Е. РИВКИН

ФИНАНСЫ И КРЕДИТ
В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1 9 3 9
ГОСФИНИЗДАТ

336
Р-49
59г

Б. РИВКИН
Кандидат экономических наук

ФИНАНСЫ и КРЕДИТ
В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
РЕДКИЙ ФОНД

1939
МОСКВА ГОСФИНИЗДАТ

рф-583
Финуниверситет
Библиотека
Ленинградский пр-т

ФИНАНСЫ РОССИИ ВО ВРЕМЯ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ И К НАЧАЛУ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Финансовая система России к моменту Октябрьской социалистической революции была совершенно развалена. Советская власть получила в наследство сильно дезорганизованное денежное обращение, совершенно подорванную систему кредита, большой дефицит государственного бюджета, огромные внешние и внутренние государственные долги, разложившийся финансовый аппарат. Этот развал явился результатом империалистической войны, следствием политики господствующих классов России, помещиков и капиталистов.

По словам товарища Сталина, «...царская Россия была очагом всякого рода гнета — и капиталистического, и колониального, и военного, — взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме. Кому не известно, что в России всесилие капитала сливалось с деспотизмом царизма, агрессивность русского национализма — с палачеством царизма в отношении нерусских народов, эксплоатация целых районов — Турции, Персии, Китая — с захватом этих районов царизмом, с войной за захват»? Ленин был прав, говоря, что царизм есть «военно-феодальный империализм». Царизм был средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат»[1]. Царская Россия являлась величайшим резервом западного европейского империализма, «...она давала свободный доступ заграничному капиталу, державшему в руках такие решающие отрасли народного хозяйства России, как топливо и металлургию...»[2].

Вложения иностранного капитала распределялись по отраслям хозяйства таким образом (в млн. руб.):

Горное дело	834,3
Металлургия	392,7
Строительная промышленность	259,4
Банки и другие кредитные учреждения	237,2
Текстильная промышленность	192,5
Химическая промышленность	83,6
Торговые предприятия	80,7
Все остальные отрасли	162,6

Из всех иностранных вложений, составлявших к концу империалистической войны 2 243 млн. руб., больше половины — 54,7

[1] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, 10-е изд., стр. 4.
[2] Там же, стр. 5.

проц. — было размещено в горной и металлургической промышленности, причем в руках французского капитала находилось почти три четверти добычи угля и производства чугуна. О значительности вложений иностранных капиталов можно судить хотя бы по тому, что валовая продукция всей крупной промышленности России в 1913 г. оценивалась в 5 620 млн. руб. Наибольшие вложения были сделаны Францией, Англией, Германией и Бельгией.

По странам вложения распределялись так (в млн. руб.) [1]:

	Сумма	В % ко всей сумме иностран. капитала в России
Франция	731,7	32,6
Англия	507,5	22,6
Германия	441,6	19,7
Бельгия	321,6	14,3
Соединенные Штаты Америки	117,8	5,2
Голландия	39,5	1,6
Швейцария	33,5	1,5
Швеция	23,8	1,1

55,2 проц. всех иностранных вложений в промышленность России составляли французские и английские капиталы.

К тому же царизм «...был еще агентурой западного империализма для выколачивания с населения сотен миллионов процентов на займы, отпускавшиеся ему в Париже и Лондоне, в Берлине и Брюсселе» [2]. Внешний долг России в 1914 г. составлял 4 066 млн. руб., из которых на 80 проц. были долгом Франции и на 14 проц. — Англии. Ежегодные платежи процентов по внешнему долгу составляли сумму свыше 200 млн. руб. Иностранная задолженность России превышала объем бюджета 1913 г., составлявший 3 436 млн. руб. Царская Россия находилась в зависимости от западного империализма; фактически она представляла собой его полуколонию. Вот почему русский царизм в империалистической войне 1914 г. выступал как наемник англо-французского капитала.

Банкиры Англии и Франции именно поэтому, между прочим, принимали различные меры для спасения финансов России, с самого начала войны стремительно покатившихся по наклонной плоскости.

Вступая в войну, господствующие классы России преследовали и свои собственные империалистические интересы. «Царская Россия стремилась к разделу Турции, мечтала о завоевании проливов из Черного моря к Средиземному морю (Дарданеллы), о захвате

[1] Остальная часть вложений, кроме указанных в таблице, принадлежала Дании, Австрии, Италии и Норвегии; доля каждой составляла менее 1 проц.

[2] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, 10-е изд., стр. 5.

Константинополя. В планы царского правительства входил также захват Галиции — части Австро-Венгрии»[1]. Особенно охотно вступил русский царизм в войну потому, что в тылу у него, внутри страны, нарастало революционное движение огромной силы. Посылая народы на войну, самодержавие надеялось обескровить революцию, придушить ее террором военной диктатуры, прикрытой диким разгулом шовинизма. «Русская буржуазия рассчитывала, начав войну, поправить свои дела: завоевать новые рынки, нажиться на военных заказах и поставках и заодно подавить революционное движение, используя военную обстановку»[2]. Так «...интересы царизма и западного империализма сплетались между собой и сливались в конце концов в единый клубок интересов империализма»[3].

1. Война и финансовая политика самодержавия

К войне царизм готовился давно. Государственные расходы на военные мероприятия возрастали с каждым годом. И все же царская Россия вступила в войну неподготовленной. «Промышленность России сильно отставала от других капиталистических стран. В ней преобладали старые фабрики и заводы с изношенным оборудованием. Сельское хозяйство при наличии полукрепостнического землевладения и массы обнищавшего, разоренного крестьянства не могло служить прочной экономической основой для ведения продолжительной войны»[4].

Царская армия была очень плохо вооружена. Предательство таилось на самых ответственных участках армии. Ряд важнейших постов в армии занимали немецкие шпионы. Некоторые министры и генералы вместе с военным министром Сухомлиновым и царицей поддерживали связь с немцами и выдавали им военные тайны.

Не успев провести мобилизацию, самодержавие, по требованию Франции, начало военные действия. Россия приняла на себя первые удары войны, отвлекла германские полчища от Франции. В первых крупных боях царская армия понесла ряд поражений. Отдельные успехи были кратковременными, и царская армия вынуждена была отступать, терпела поражение за поражением.

К неудачам на фронтах присоединялась разруха в тылу. Готовясь к войне, царское правительство считало, что война продолжится не более 4—6 месяцев и ее можно будет провести исключительно с созданными запасами. Но уже во второй половине 1915 г. запасы иссякли, и на фронт стали отправлять невооруженных новобранцев. Царское правительство занялось военной мобилизацией промышленности. Были созданы военно-промышленные комитеты, совещания и комитеты по обороне, топливу, перевозкам, продовольствию и т. п. Однако ни спешная организация различных комитетов и совещаний, ни предоставление им широчайших полномочий не дали нужных ре-

---

[1] „История ВКП(б)", стр. 155.

[2] Там же, стр. 156.

[3] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 5.

[4] „История ВКП(б)", стр. 156.

зультатов. Представители правительства на этих совещаниях обнаруживали полное незнание, каким образом следует перестроить промышленность. Представители буржуазии, привлеченные к участию в военно-промышленных комитетах, саботировали все попытки регулирования производства, потребления и в особенности доходов. Они использовали совещания главным образом для того, чтобы получать прибыльные военные заказы и расширять свои спекулятивные операции.

Во всех звеньях государственного аппарата процветали взяточничество и хищения. Преступная деятельность государственного аппарата способствовала разрушению народного хозяйства. Быстро ухудшалось состояние сельскохозяйственного производства. Около 14 миллионов работников было взято в армию, оторвано от хозяйства. Посевные площади сокращались, рабочей силы нехватало. Для снабжения армии самодержавие начало реквизицию — главным образом у середняков и бедноты — лошадей, мясного скота и упряжи. Государственными налогами и арендной платой у трудящегося крестьянства изымались последние средства. Значительное количество земель было захвачено уже противником. Масса беженцев также усиливала дезорганизацию народного хозяйства. Сельское хозяйство быстро разрушалось.

Не в лучшем положении находилась промышленность. Война вызвала расширение промышленности, работающей «на оборону». По данным, приведенным в «Истории гражданской войны в СССР», общая стоимость продукции выросла с 5 620 млн. руб. в 1913 г. до 6 831 млн. руб. в 1916 г. За этим ростом военной продукции скрывался упадок основных отраслей промышленности. Предприятия, не работавшие «на оборону», в 1916 г. сократили производство на 21,9 проц. В скором времени прекратился подъем и в области оборонной промышленности, главным образом из-за недостатка топлива и металла. По официальным данным министерства торговли и промышленности, в фабрично-заводской промышленности к сентябрю 1914 г. закрылось 502 и сократило производство 1 034 предприятия. Заводы останавливались из-за недостатка топлива. В Донбассе значительно падала добыча угля. Транспорт не справлялся с перевозками. На транспорте создавались «пробки», что еще больше усиливало разруху. Количество неперевезенных грузов дошло к 1916 г. до 126 000 вагонов. В 1916 г. было потушено 36 доменных печей. Расстройство транспорта усиливало и продовольственный кризис. Хозяйство страны распадалось на ряд изолированных районов.

Несмотря на то, что в первые же месяцы войны было мобилизовано много мужского населения, безработица нисколько не уменьшилась. Наоборот, появились десятки тысяч новых безработных. По одним только официальным, далеко не полным сведениям, число уволенных с фабрик и заводов рабочих (в результате сокращения и закрытия предприятий) доходило до 160 000 человек.

В такое состояние пришло народное хозяйство царской России через некоторое время после начала империалистической войны.

Хозяйственная разруха влияла на финансовую систему, которая с самого начала войны показала всю свою неустойчивость. Первые

же мероприятия, связанные с финансированием войны, привели к тому, что бюджет затрещал по всем швам.

Внешне довоенный бюджет создавал благоприятное впечатление о финансах страны. Бюджеты из года в год «сводились» без дефицита. Отчеты об их исполнении показывали даже превышение доходов над расходами. Таких результатов министерство финансов добивалось путем применения разных финансовых фокусов. Еще со времен министра финансов Витте была усвоена система искусственного преуменьшения сметных исчислений доходных поступлений. Это давало возможность при сведении итогов создавать картину финансового благополучия России, выражавшегося в избытке доходных поступлений.

Много торжественных заявлений раздавалось по поводу растущей из года в год «свободной наличности» государственного казначейства. По официальным данным, «свободная наличность» составляла (в млн. руб.):

В 1910 г.	107	В 1912 г.	473
„ 1911 „	333	„ 1913 „	433

Ленин вскрыл сущность этой «свободной наличности» государственного казначейства. Он указал, что свободная наличность есть результат финансовых махинаций с целью показа русской и особенно европейской буржуазии, что финансы России находятся в хорошем состоянии. Анализируя данные объяснительной записки министра финансов к росписи на 1913 г., Ленин выявил, что одним из основных источников «свободной наличности» были займы. Получив по займам за время с 1908 по 1912 г. 339,5 млн. руб. и выкупив их в тот же период лишь на 252,1 млн. руб., казна пополнилась суммой в 87,4 млн. руб.

Другим источником создания «свободной наличности» было повышение цен на водку. За пятилетие с 1908 по 1912 г. было продано 440½ млн. ведер водки по предельной цене в среднем 8 руб. 48 коп. за ведро вместо 8 руб. 06 коп. — цены предыдущего четырехлетия. На этом повышении цены на водку казначейство получило 185 млн. руб. Наконец, третий источник — 158 миллионов «чистой прибыли» казенных железных дорог за пять лет, «...е с л и н е с ч и т а т ь платежей процентов и погашения на затраченные казной капиталы, размером в 2¼ миллиарда рублей!!» [1]. «Понятно, что такое государственное «хозяйство», когда на миллиардные затраты «не считаются» проценты и погашение, больше похоже на государственное фокусничество. Это — образчик х и щ н и ч е с к о г о х о з я й с т в а» [2].

Таким образом, только эти три источника дали 430,4 млн. руб. Ленин заканчивал свой анализ ироническим вопросом: «Занять деньги, поднять цены на сивуху, «не считать» процентов и погашения на затраченные (на «хозяйство») миллиарды — это ли не ге-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XVI, стр. 347—348.
[2] Там же, стр. 348.

ниальность? Это ли не доказательство «прочности» нашего бюджета?» [1].

Наряду с этим показным «нормальным» бюджетом существовали реальные бюджеты — чрезвычайный и военный. Выделение военного бюджета из общей росписи и искусственное разделение государственного бюджета на «нормальный» и военный было произведено с той же целью сокрытия действительного состояния финансов. После начала войны «нормальный» бюджет быстро отошел на второй план и его значение резко снизилось по сравнению со все возраставшими военными расходами. Интересно отметить, что вскоре же после начала войны «всякие предвидения в отношении предстоящих расходов, вызываемых войною, признавались настолько гадательными, не поддающимися более или менее твердому обоснованию, что расходы эти даже не исчислялись по сметам, а проводились сверхсметным порядком каждый раз по расчету на периоды, не превышавшие 4 месяцев» [2].

Большевики, вскрывая состояние финансов царской России, указывали, что вступление России в империалистическую войну сразу выявит всю неустойчивость и гнилость финансовой системы и тех основ, на которых она зиждется. Это указание большевиков полностью оправдалось. Развал народного хозяйства усиливал развал финансовой системы. В свою очередь развал финансовой системы разрушающим образом влиял на хозяйство. Первые удары войны сразу свели на-нет все показное благополучие финансов царизма. Несколько месяцев войны не только поглотили всю «свободную наличность», за счет которой царские министры считали возможным провести мобилизацию, но и привели к большому прорыву в бюджете.

На таких шатких основах базировалась иллюзорная устойчивость царских финансов.

Характерно, что и в годы империалистической войны усиленно применялись комбинации, рассчитанные на обман, на сокрытие гнилой основы системы государственных финансов и в первую очередь дефицитности бюджета, растущей с чрезвычайной быстротой. Так, в публикуемых министерством финансов обыкновенных бюджетах (не чрезвычайных) показывалось превышение доходов над расходами. Этот эффект достигался путем использования установленного еще в 1890 г. права министерства финансов во время войны относить сметы военного и морского министерств на счет чрезвычайных расходов, вызванных военными обстоятельствами, в так называемый военный фонд. При составлении росписи обыкновенных расходов министерство финансов включало в нее и обычные расходы военного и морского министерств, не относя их в военный фонд. В отчетах об исполнении росписи эти кредиты отсутствовали, так как они были перенесены в военный фонд. Так поступило министерство финансов уже в 1915 г., искусственно понизив действительные рас-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XVI, стр. 348.

[2] Роспись общегосударственных доходов и расходов РСФСР на первое полугодие 1919 г., стр. 8.

ходы по росписи обыкновенных расходов на сумму в 564,9 млн. руб. Вместо фактического дефицита только по одному обыкновенному бюджету в сумме 373,1 млн. руб. было выведено превышение доходов над расходами в 191,8 млн. руб. Так же поступило министерство финансов и в 1916 г., включив сначала расходы на военное и морское министерства в сумме 504 млн. руб. в роспись, а затем исключив их из отчета об исполнении.

Пресловутая «свободная наличность» не спасла от катастрофы и лишь совсем незначительно ослабила стремительное падение бюджета в бездну дефицита. Под ударами войны и разрухи в первые же месяцы войны зашатались финансы Российской империи.

Быстро росли государственные расходы. Уже в 1914 г. они составляли 4 859 млн. руб. при доходах в 2 961 млн. руб. Таким образом, бюджет в целом (и обыкновенный, и чрезвычайный) был фактически сведен с дефицитом в 1 898 млн. руб. (39 проц.). А война только началась.

В 1915 и 1916 гг. бюджетный дефицит значительно вырос. Увеличение бюджетного дефицита характеризуется следующей таблицей[1] (в млн. руб.):

	Годы	
	1915	1916
Расходы		
Обыкновенные	2 643,6	2 921,7
Чрезвычайные (кроме вызванных войной)	195,1	230,0
Чрезвычайные, вызванные войной	8 723,8	14 948,8
Итого	11 562,5	18 100,5
Доходы		
Обыкновенные	2 835,4	3 978,5
Чрезвычайные	165,2	366,8
Итого	3 000,6	4 345,3
Дефицит		
Сумма	8 561,9	13 755,2
В процентах	74	76

Рост дефицита был чрезвычайно большим: с 39 проц. в 1914 г. он вырос до 76 проц. в 1916 г. Забегая несколько вперед, отметим, что в 1917 г. дефицит составил 85 проц. Исполнение бюджетов (в переводе на золотые рубли 1913 г.) дает ту же картину (в млн. руб):

[1] Составлена по данным об исполнении бюджетов, опубликованным в объяснительной записке к росписи общегосударственных доходов и расходов РСФСР на первое полугодие 1919 г.

	Доходы	Расходы	Дефицит
В 1915 г.	2 350	8 900	6 500—74 проц.
В 1916 „	2 170	9 050	6 880—76 „

Обыкновенные доходы бюджета покрыли в 1915 г. только 26 проц. всех расходов, а в 1916 г. — 24 проц. Из таблицы видно, как резко снизились доходы бюджета в сравнении с довоенными годами (3,5 млрд. руб. в 1913 г.).

С самого начала войны доходная часть бюджета претерпела ряд изменений. Еще законом от 22 августа 1914 г. временно была прекращена продажа спирта, вина и водочных изделий. Эта мера была продиктована классовыми интересами российского милитаризма. В условиях почти сплошной военной мобилизации опасно было продолжать продажу водки населению. Царское правительство надеялось на возможность возобновления в скором времени действия водочной монополии, ибо рассчитывало на непродолжительность войны. Этот расчет не оправдался. Временное прекращение продажи спиртных напитков затянулось. Для бюджета это означало, что из него выпали доходы от винно-водочной монополии, имевшие огромный удельный вес в бюджете. Бюджетное «благополучие» роковым образом было связано с доходами от водки. Царский бюджет был поистине «пьяным» бюджетом. Прекратились доходы от водки, и бюджет сразу стал дефицитным.

Сократились также и другие доходы. Железные дороги были заняты главным образом военными перевозками; в результате снизились даже те по существу ничтожные доходы, которые приносил железнодорожный транспорт. Уменьшились доходы от лесного хозяйства в связи со значительным сокращением экспорта леса. Паралич, охвативший внешнюю торговлю, привел к значительному снижению таможенных доходов. Гербовый и другие сборы не давали уже прежних поступлений. Необходимо было искать новые источники для покрытия бюджетного дефицита, для ведения войны. Правительство усилило нажим на трудящихся путем введения ряда новых и повышения существовавших налогов и главным образом повысило косвенное обложение. На все товары широкого потребления были значительно повышены акцизы. Так, например, акциз на сахар был увеличен на 15 проц., спички — на 100 проц., махорку — на 35 проц., дрожжи — на 60 проц. и т. п. Были повышены и прямые налоги: налог на недвижимое имущество, промысловый налог; введено было обложение кинематографов, увеличена оброчная подать.

Из общей суммы доходов в 426,5 млн. руб., поступивших в связи с увеличением обложения в 1915 г. и с введением новых налогов, решающая доля принадлежала доходам, полученным от усиления косвенного обложения. Так, за счет прямых налогов было получено 111,7 млн. руб., или 26,2 проц., а за счет косвенного обложения и пошлин — 314,8 млн. руб., или 73,8 проц. Усиление преимуществен-

но косвенного обложения объясняется тем, что сопротивление трудящихся было более затруднено, чем при повышении прямых налогов. Помещиков и капиталистов повышение налогов почти не коснулось. Положение трудящихся масс, и без того тяжелое, было еще более ухудшено. Покупательная способность трудящихся резко снижалась, уменьшалась общая сумма реализации массовых товаров. Естественно, что такая политика в области налогов, не затрагивавшая доходов эксплоататорских классов, не могла способствовать ликвидации бюджетного дефицита.

Царское правительство приняло ряд чрезвычайных мер для усиления доходов в целях финансирования империалистической войны. Приводимая таблица показывает наиболее значительные источники покрытия бюджетного дефицита (в млн. руб.):

	Годы	
	1915	1916
Дефицит	8 531,9	13 755,2
Учет краткосрочных обязательств гос. казначейства в России	3 176,0	5 610,6
Реализация внутренних займов	2 878,6	4 173,9
Учет краткосрочных обязательств за границей	2 139,9	3 664,8
Итого	8 194,5	13 449,3

Наибольшие доходы были получены по операциям с краткосрочными обязательствами, т. е. путем эмиссии кредитных билетов, главным образом билетов (серий), а также отчасти и обязательств государственного казначейства. По отчету Государственного банка на 1 июля 1914 г. в обращении находилось кредитных билетов на 1 630 млн. руб., золотой монеты — на 464 млн. руб., серебряной (высокопробной и разменной) — на 215 млн. руб. и медной — на 18,5 млн. руб. Всего в обращении было 2 385 млн. руб. В первые же дни войны был издан закон о прекращении обязательного размена кредитных билетов на золото. Царское правительство стало на путь инфляции в целях получения доходов для ведения империалистической войны, а значит и в целях наживы капиталистов за счет ограбления трудящихся масс. Прекращением размена кредитных билетов на золото царское правительство стремилось предотвратить распыление золотого фонда Государственного банка, утечку золота за границу и тезаврирование золота населением внутри страны. 27 июля 1914 г. было расширено эмиссионное право Государственного банка на 1 200 млн. руб. с предоставлением ему права выпуска не покрытых золотом кредитных билетов на 1 500 млн. руб. Естественно, что без прекращения размена билетов на золото нельзя было осуществлять инфляционистскую политику.

Уже в первые месяцы войны золотая монета скрывается из оборота и превращается из орудия обращения в орудие накопления. Несколько позже начало исчезать банковое серебро — рубли и полтинники, затем (к лету 1915 г.) — разменная серебряная монета; наконец, к началу 1916 г. из оборота исчезла и медная монета. Утечка монеты была столь значительной, что для удовлетворения потребности оборота в разменных деньгах казначейство должно было выпустить разменные марки и казначейские знаки.

Золото и серебро, исчезнувшие из обращения, были заменены кредитными и казначейскими билетами.

Стал меняться и самый характер банковой эмиссии. Основная масса кредитных денег направлялась в каналы денежного обращения не в порядке кредитных операций и отнюдь не в связи с ростом вексельного оборота. Вексельный оборот, напротив, стал сокращаться. Упадок основных отраслей промышленности, уменьшение посевных площадей, наступавший транспортный кризис, расстройство товарооборота и, в целом, все увеличивающаяся хозяйственная разруха значительно сужали сферу кредитных операций. Обесценение денег также способствовало тому, что кредит подрывался в корне. Баланс Государственного банка отражал процесс сокращения учетно-ссудных операций. В нем появилось новое и значительное — учет краткосрочных обязательств государственного казначейства. Масса свежеотпечатанных кредитных билетов передавалась для прямых расчетов по военным поставкам и платежам. Банковские билеты отрывались от своей естественной основы — потребности в платежных средствах, — их эмиссия превратилась в простой источник финансирования военного бюджета.

По мере роста всех этих явлений происходило превращение кредитных денег в бумажные.

Бумажными деньгами быстро заполнились каналы денежного обращения.

На 1 января 1915 г. количество бумажных денег в обращении возросло на 180 проц. по отношению к 1 июля 1914 г. и составило 2 950 млн. руб. Через год, т. е. на 1 января 1916 г., эта сумма поднялась до 5 617 млн. руб. и составляла уже 344 проц. 1 января 1917 г. в обращении было бумажных денег 9 100 млн. руб. — рост на 588 проц. за $2^1/_2$ года войны.

Увеличение количества бумажных денег в обращении сопровождалось ростом товарных цен и обесценением рубля. Вначале, пока в наличии были товарные излишки и существовала возможность переброски их, рост цен на товары в результате эмиссии был небольшим. Значительное расхождение между темпом эмиссии и ростом индекса товарных цен было в пользу эффективности эмиссии. Так, в 1914 г. индекс товарных цен по сравнению с 1913 г. возрастает на 28 проц., а эмиссия — на 180 проц. В 1915 г. — соответственно — индекс цен возрос на 20 проц., а эмиссия — на 344 проц. Таким образом, вначале эмиссия не отразилась значительно на ценах: они хотя и росли, но не в таких темпах, как эмиссия. Этому способствовало некоторое оживление рыночной конъюнктуры в начальном периоде инфляции. В числе факторов, действовавших

в таком направлении, были: исчезновение из обращения золотой и затем серебряной монеты, сокращение оборота различных кредитных документов, усиление накопления в денежной форме и рост кассовой наличности.

Уменьшение товарных запасов, сокращение производства и закрытие ряда предприятий, изъятие для военных нужд продукции сельского хозяйства и промышленности приводили к значительному сокращению товарооборота. Недостаток товаров на рынке и выбрасывание в обращение все новых масс бумажных денег усилили темп роста цен, который вскоре начал быстро обгонять темп эмиссии. В 1916 г. при росте эмиссии по отношению к 1915 г. на 62 проц. индекс товарных цен дает повышение на 100 проц. Этот процесс особенно усиливается в 1917 г. Бумажные деньги печатались все в большем количестве, рубль катастрофически обесценивался, страна быстро катилась по пути к финансовому банкротству.

Принимавшиеся к урегулированию денежного обращения меры не давали ожидаемых результатов. Среди кредитных операций на внутреннем рынке большое место занимали выпуски государственных внутренних военных займов, начавшиеся с первых месяцев войны. Военные займы были призваны разрешить две задачи: во-первых, создать источник финансирования войны и, во-вторых, ослабить, задержать процесс инфляции. Займы действительно предоставили значительные средства для покрытия военных расходов. Из таблицы, приведенной на стр. 11, видно, что в 1915 и 1916 гг. от реализации внутренних займов было получено 7 052,5 млн. руб. Внутренние займы покрыли бюджетный дефицит в 1915 г. на 33,6 проц., а в 1916 г. — на 30,3 проц. Однако их роль как источника покрытия бюджетного дефицита с течением времени снижалась и особенно резко упала в 1917 г.

Задержать или ослабить процесс инфляции выпуском военных займов не удалось. Извлечь из обращения значительную часть обесценивающихся денежных знаков оказалось невозможным. У рабочего класса и трудящегося крестьянства займы не пользовались успехом из-за тяжелого материального положения трудящихся и их ненависти к самодержавию и империалистической войне. Крупная буржуазия не вкладывала денег в государственные займы. Она находила более эффективные способы помещать свои средства, например, в дивидендные и другие ценности, которые давали большие возможности для спекулятивных операций. Приобретенные облигации закладывались в коммерческих банках, которые в свою очередь получали ссуды из Госбанка. За 1915 и 1916 гг. эти ссуды составили 1,5 млрд. руб.; источником их снова явилась эмиссия.

В сберегательных кассах, в портфеле ценных бумаг, осело облигаций займов на 2 млрд. руб. Размещенные на эту сумму займы также не влияли на сокращение размеров денежного обращения, ибо средства, на которые приобретались займы, были уже аккумулированы сберегательными кассами. Остальная часть займов была размещена среди средней и мелкой буржуазии. Однако и здесь значительная часть средств вкладывалась в займы за счет накоплений.

Таким образом, ослабление инфляции при помощи военных займов не было достигнуто. Рубль продолжал обесцениваться.

Усилия царского правительства были направлены к тому, чтобы урегулировать кредитные отношения и поддержать курс рубля на заграничных биржах с целью создания благоприятной обстановки для получения новых иностранных займов. Отчасти эти усилия увенчались успехом. В 1915 г. рубль внутри страны обесценился до 45 коп. своей стоимости, а на международных рынках рубль по отношению к доллару обесценился лишь на 29 коп. Характерно, что обесценение валют других воюющих стран составило по отношению к доллару: Англии — лишь 3 проц., Франции — 8 проц., Италии — 16 проц., Германии — 16 проц. и только Австро-Венгрии — 26 проц. Стремясь усилить маневренные фонды для поддержания курса рубля на внешних рынках и осуществить валютное регулирование, министерство финансов обязывало экспортеров передавать казначейству часть валюты, вырученной от продажи экспортированных товаров; министерство также снабжало валютой импортеров, выполнявших военные заказы. Хотя к концу 1916 г. курс рубля упал до 60 коп. и к февралю 1917 г. — до 55 коп. Однако этот заграничный курс оставался все время на более высоком уровне, нежели внутри страны (27 коп. к февралю 1917 г.).

Правительства союзных стран, заинтересованные в том, чтобы Россия бесперебойно поставляла пушечное мясо, всячески способствовали охранению курса рубля за границей от такого же безудержного падения, как это происходило внутри страны. Одной из мер в этом направлении являлось соглашение между Россией и Англией, ставшее известным после падения самодержавия. По этому соглашению английское правительство открыло в пользу России кредиты на 973 млн. долл. Кредиты расходованию не подлежали, но отражались на балансе Государственного банка по статье «Золото за границей». Русское правительство на сумму этих неприкосновенных кредитов депонировало в английском казначействе беспроцентные государственные обязательства. По соглашению взаимные обязательства должны были быть погашены не ранее чем через год по заключении мира.

Соглашение было заключено, во-первых, для создания впечатления обеспеченности золотом новых выпусков кредитных билетов и, во-вторых, для прикрытия факта уменьшения золотого запаса вследствие вывоза части его за границу. По балансу Государственного банка статья «Золото за границей» выросла к 1 января 1916 г. до 646,1 млн. руб., к 1 июля того же года — до 1 683,4 млн. руб. и к 1 января 1917 г. — до 2 146,7 млн. руб. Вместе с тем партии золота вывозились из России в Англию. Англия настаивала на вывозе части золотого запаса России, мотивируя тем, что это золото может ей понадобиться для расчетов с иностранными государствами, главным образом с Америкой. За время войны Государственный банк выдал золота на 376 млн. руб. В результате таких комбинаций реальный золотой запас России уменьшался и перекачивался в Англию, а фиктивное «Золото за границей» увеличивалось, достигнув суммы в 2 146,7 млн. руб.

Англия и Франция довольно широко предоставляли царскому правительству займы для финансирования войны. За время войны царское правительство получило от союзников до 4 млрд. руб. в иностранной валюте. Все полученные средства были использованы на оплату военных заказов России в Англии и Франции, на оплату процентов по займам и частично на закупку вооружения в Америке, Японии и других странах, оставшихся с начала войны нейтральными.

Займы, получаемые Россией, усиливали ее зависимость от союзников. Англия фактически определяла характер расходования кредитов. Она являлась не только кассиром, но и руководителем России в распределении военных заказов. Оплата значительной части заграничных военных заказов России производилась английским казначейством. В мае 1916 г. министр финансов Барк вынужден был признать усиление полуколониальной зависимости России за время войны. Он писал: «Особенно невыгодные условия кредита, предлагаемые ныне Англией, свидетельствуют о том, что с дальнейшим развитием военных событий кредит России у одних только союзных держав становится все более затруднительным и полнейшая наша финансовая зависимость от союзников является чрезвычайно тяжелой» [1].

Своей финансовой политикой самодержавие все более запутывалось. Россия становилась в полное подчинение Англии и Франции. Огромные военные расходы вели страну к полному истощению. Развал денежного обращения и непосильные налоги чрезвычайно тяжело отражались на положении трудящихся.

Длительное военное напряжение вызвало кризис народного хозяйства, который достиг наивысшего развития и наибольшей остроты в феврале — марте 1917 г. Массы рабочих и крестьян, несшие на своих плечах всю тяжесть войны, быстро революционизировались. Армия также революционизировалась. Солдаты уясняли себе сущность войны и ее империалистический характер. Развивалось дезертирство, солдаты отказывались итти в бой, расправляясь с самодурами-офицерами. Своеобразные забастовки охватывали целые подразделения армии. Также восставали массы угнетенных национальностей. Царизм искал выхода только в усилении репрессий, переполняя тюрьмы, производя массовые расстрелы, ссылая на каторгу. Но все это лишь усиливало подъем революционного движения. «Страна стояла перед взрывом. Империалистическая война оказалась могучим ускорителем революции».

Партия большевиков возглавляла революционное движение. Она мобилизовывала массы на проведение революции под лозунгом превращения войны империалистической в войну гражданскую, под лозунгом свержения царизма и установления революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Под руководством Ленина и Сталина партия большевиков боролась со всеми контрреволюционными соглашательскими партиями, которые шли на

---

[1] Очерки по истории Октябрьской революции, т. I, стр. 161. Цит. по „Истории гражданской войны", т. I, стр. 31.

сделку с буржуазией и царизмом. «Только партия большевиков осталась верной великому знамени революционного интернационализма, оставаясь твердо на марксистских позициях решительной борьбы против царского самодержавия, против помещиков и капиталистов, против империалистической войны» [1].

На большевиков обрушился жесточайший террор самодержавия. Наступавшая буржуазно-демократическая революция заставала некоторые организации партии разгромленными. Вожди партии были сосланы либо находились в эмиграции. Буржуазия, еще до февральского переворота, чувствуя силу революционного подъема пролетариата, пыталась совершить дворцовый переворот, заменить одного царя другим, создать конституционную монархию. Это было буржуазии необходимо и для дальнейшего продолжения войны, и для разгрома революции. Меньшевики и эсеры уговаривали и толкали буржуазию на то, чтобы она взяла власть в свои руки. Они пугали ее тем, что власть может попасть в руки рабочего класса и крестьянства. Они активно содействовали образованию буржуазного Временного правительства. В то время как большевики, быстро восстанавливавшие свои организации, боролись на баррикадах за создание советов, меньшевики и эсеры передавали всю полноту власти буржуазии.

Революция пробудила к политической жизни миллионы рабочих и крестьян, но они в значительной мере были во власти мелкобуржуазных иллюзий. Меньшевики и эсеры внушали эти иллюзии, предавая революцию. Пролетариат был менее подготовлен к захвату власти, нежели буржуазия. Власть перешла в руки буржуазии. Создалось буржуазное Временное правительство наряду с советами рабочих и солдатских депутатов, являвшимися органом диктатуры рабочего класса и крестьянства. Но советы вначале возглавлялись меньшевиками и эсерами.

Между тем, партийные организации большевиков все более укрепляются, оправляются от ран, нанесенных реакцией. Съезжаются вожди пролетариата. Быстро растущая партия большевиков все шире разворачивает борьбу и организацию масс на дальнейшее развитие революции.

2. Финансовая политика Временного буржуазного правительства и наступление финансового краха

С первых своих шагов буржуазное Временное правительство заявило о намерении продолжать финансовую политику царского правительства.

В декларации Временного правительства 8 марта 1917 г. было объявлено, что оно «приняло к непременному исполнению все возложенные на государственную казну при прежнем правительстве денежные обязательства, как-то: платеж процентов и погашения по государственным займам, платежи по договорам, содержание служащим, пенсии и всякого рода иные платежи, следующие кому-либо из казны по закону, по договору или на другом законном

[1] „История ВКП(б)", стр. 157.

основании». Буржуазия оставалась верной империалистической политике монархии, ибо это была и ее собственная политика. Временное правительство продолжало войну и всякими обещаниями оттягивало разрешение аграрного вопроса.

Народное хозяйство все более разрушалось. Разваливался транспорт, мизерной была добыча топлива, сокращалось снабжение хлебом. Продолжение войны усиливало всеобщую разруху. Временное правительство проводило политику, которая еще больше углубляла и заостряла кризис. Развалом хозяйства буржуазия и ее правительство стремились дискредитировать идею революции среди широких масс трудящихся.

Растущее революционное движение, усиливающееся влияние партии большевиков и ее вождей Ленина и Сталина на массы, высвобождение масс от мелкобуржуазных иллюзий приводило в ужас буржуазию и ее приспешников — эсеров и меньшевиков. Буржуазия обрушивала удары на большевистскую партию, пыталась ликвидировать завоеванные массами политические свободы. Проводя контрреволюционную политику, буржуазия углубляла реакцию, готовила корниловский заговор, чтобы установить военную диктатуру, и начала гражданскую войну.

Контрреволюционная экономическая политика буржуазного Временного правительства вела к финансовому краху. Продолжавшаяся война поглощала все большую массу народных средств. Темп роста военных расходов в четвертый год войны особенно усилился. В среднем ежедневно военные расходы составляли (в млн. руб.):

В 1915 г.		24
„ 1916 „		40
„ 1917 „	февраль—март	50
	апрель	54
	май—июнь	61
	июль—август	66,6

Значительная часть этих военных расходов являлась прямым перекачиванием средств в карманы капиталистов. По этому поводу Ленин писал: «Война стоит России теперь 50 миллионов рублей в день. Эти 50 миллионов в день идут большею частью военным поставщикам. Из этих 50 миллионов по меньшей мере 5 миллионов ежедневно, а вероятнее 10 миллионов и больше, составляют «безгрешные доходы» капиталистов и находящихся в той или иной стачке с ними чиновников. Особенно крупные фирмы и банки, ссужающие деньги под операции с военными поставками, наживают здесь неслыханные прибыли, наживают именно казнокрадством, ибо иначе нельзя назвать это надувание и обдирание народа «по случаю» бедствий войны, «по случаю» гибели сотен тысяч и миллионов людей» [1].

Военные заказы оплачивались капиталистам по бешеным ценам. Так, например, за 3-дюймовую шрапнель при средней цене 9 руб. 83 коп. частным заводам платили 15 руб. 32 коп.; за 6-дюй-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXI, стр. 173.

Марксистско-Ленинский Ин-т Госбанка СССР

мовую бомбу вместо 48 руб., как это платили казенным заводам, частным платили 70 руб. и т. п.[1].

Заказы нередко не выполнялись вовсе либо выполнялись неполностью, хотя заводы предварительно и получали значительные суммы в виде авансов. Акционеры заранее перекачивали в свою пользу большие суммы денег. То же самое происходило и в других отраслях снабжения армии и по другим видам военного снаряжения и боеприпасов. Капиталистам платили огромные контрибуции в виде гарантий «безубыточности» заказов, хотя гарантии выполнения этих заказов совершенно отсутствовали. Правительство принялось расходовать громадные средства на строительство казенных военных заводов, но в эксплоатацию эти заводы могли быть пущены лишь через несколько лет. Ежедневное увеличение военных расходов вело к необычайному росту дефицита государственного бюджета, причем дефицит вырос в 1917 г. до 85 проц. всего бюджета.

Характерно, что в следующем же году после начала империалистической войны царское правительство не смогло устранить даже кассовый дефицит бюджета, не покрыв займами и другими операциями все обыкновенные и чрезвычайные расходы на сумму в 8,4 млн. руб. В 1916 г. этот непокрытый дефицит составил 305,9 млн. руб. (все расходы — 18 100,5 млн. руб., доходы — 17 794,6 млн. руб.), а в 1917 г. вырос до огромной суммы — в 8 441,9 млн. руб. Таким образом, к моменту Октябрьской революции непокрытый дефицит составил 8 756,2 млн. руб.

Исполнение бюджета 1917 г. характеризуется следующими данными[2] (в млн. руб.).

Доходы		Расходы	
Обыкновенные	4 678,5	Обыкновенные	4 169,9
Чрезвычайные, кроме выручки от займов	320,0	Чрезвычайные, кроме военных	276,0
Остатки от закл. смет прежн. лет	40,0		
	5 038,5		4 445,9
Дефицит	25 568,1		
покрытие дефицита путем реализации внутренних займов	3 729,0	Чрезвычайные—военные	25 560,7
учета краткосрочных обязательств:		Проценты по переучету краткосрочных обязательств	600,0
в России	10 843,7		26 160,7
за границей	2 553,5	Итого расходов	30 606,6
	17 126,2		
Непокрытый дефицит	8 441,9		

В переводе на довоенные рубли исполнение бюджета в 1917 г. составило по доходам 750 млн. руб., по расходам — 5 260 млн. руб.

[1] Сборник журнала „Народное хозяйство", кн. I, стр. 33, М., 1918 г.

[2] Таблица составлена по данным объяснительной записки к бюджету на первое полугодие 1919 г.

с дефицитом в 4 510 млн. руб., превысив за один год (фактически за 10 месяцев) весь бюджет 1913 г. Главнейшим источником покрытия дефицита и в 1917 г. служила попрежнему эмиссия. Буржуазия усиливала грабеж трудящихся масс путем эмиссии. Правительство искало выхода из финансового краха в нажиме на печатный станок.

	Выпуск бумажных денег в обращение (в млн. руб.)
1917 г. Март	1 030
Апрель	476
Май	729
Июнь	869
Июль	1 070
Август	1 273
Сентябрь	1 954
Октябрь	1 933

За время своего существования Временное правительство наводнило каналы обращения массой бумажных денег, общая сумма которых достигла 9 334 млн. руб. Эмиссия в сентябре 1917 г. более чем в 4 раза превысила выпуск денежных знаков в том же месяце 1916 г. (465 млн. руб.). Чтобы еще полнее охарактеризовать размер эмиссии, достаточно указать, что с начала империалистической войны до марта 1917 г., т. е. более чем за $2^1/_2$ года, было эмитировано бумажных знаков на 8 234 млн. руб., а за 8 месяцев существования Временного правительства — почти на $1^1/_2$ млрд. больше.

Одновременно, естественно, расширялось и эмиссионное право Государственного банка. До войны количество не обеспеченных золотом бумажных денег могло находиться в обращении на сумму не свыше 300 млн. руб., в 1914 г. эмиссионное право было расширено на 1 200 млн. руб., в 1915 г. — на 2 млрд. руб., в 1916 г. — на 3 млрд. руб. В одном лишь 1917 г. эмиссионное право Государственного банка расширялось пять раз на общую сумму в 10 млрд. руб. и было использовано полностью. Неслыханно стремительно разрушалось денежное обращение. Еще на 1 марта 1917 г. количество бумажных денег в обращении составляло 10 млрд. руб., а за несколько месяцев 1917 г. оно возросло до 19 млрд. руб.

В связи с этим резко сократился процент золотого обеспечения.

	16 июля 1914 г.	23 октября 1917 г.
Кредитные билеты в обращении (в млн. руб.)	1 633	18 917
Наличный золотой запас Госбанка в России (в млн. руб.)	1 604	1 292
Процентное отношение золота к выпущенным кредитным билетам	98,2%	6,8%

Золотое обеспечение, составлявшее к началу войны 98,2 проц., сократилось к октябрю до 6,8 проц. Это произошло в результате огромного выпуска бумажных денег, с одной стороны, и уменьше-

ния самого золотого запаса — с другой. Исключительный рост эмиссии вынудил изменить технику печатания бумажных денег. Постановлением от 22 августа 1917 г. начался выпуск казначейских знаков достоинством в 20 и 40 руб., так называемых «керенок», упрощенным способом, без обозначения номера и даты. Эти клочки бумаги красноречиво характеризовали финансовую политику Временного правительства. Керенки выдавались государственным казначейством неразрезанными листами.

Быстро падал курс рубля на внешних рынках. В феврале 1917 г. на лондонской бирже он составлял 55 коп., а в октябре снизился до 25 коп. Следует отметить, что международные биржи колебанием курса валюты заставляли Временное буржуазное правительство активизировать военные действия и борьбу с революционным движением.

В этой связи интересно проследить колебания курса рубля на лондонской бирже. В первой половине сентября 1914 г. русский рубль котировался уже с потерей в 12,5 проц.; за 10 ф. ст. платили 108 руб. вместо 94,5 руб. по паритету. Дальнейшее падение курса рубля хотя и продолжалось, однако всячески сдерживалось.

Достигнув в январе 1916 г. 165 руб. за 10 ф. ст., курс рубля сохраняется на этом уровне в течение всего 1916 г. с незначительными колебаниями. Февральская буржуазно-демократическая революция не улучшила курса рубля. Апрельская демонстрация обнаружила неустойчивость Временного правительства. Лондонская биржа реагировала на это непрекращающимся падением курса рубля. В июне 1917 г. Временное правительство погнало солдат в наступление на фронте — курс рубля повышается до 203 руб. за 10 ф. ст. Июльские дни приводят к понижению до 229 руб. за 10 ф. ст. Наступление буржуазии на большевистскую партию вызвало поднятие курса до 218 руб. Затем снова последовало падение. С 15 по 25 августа 1917 г. курс рубля в Лондоне упал с 250 до 302 руб. за 10 ф. ст. и к моменту Октябрьской социалистической революции рубль стоил 25 коп. Царское и буржуазное Временное правительства были тесно связаны с международными биржами и слепо выполняли волю своих классов и биржевиков мира.

Чрезвычайно характерно, как на отношение буржуазии к советам влияли заграничные банкиры. Товарищ Сталин говорил в июле 1917 г.:

«Как могло случиться, что еще вчера бегущая буржуазия отдает сегодня приказы Центральному Исполнительному Комитету? Дело в том, что после поражения на фронте кредит власти пал в глазах заграничных банкиров. По некоторым данным, заслуживающим внимания, тут видна рука Бьюкенена и банкиров, которые отказывают правительству в кредите, если оно не откажется от своих «социалистических» поползновений. Если буржуазия так воспрянула духом, то сила в том, что у власти нет денег. Вторая причина заключается в том, что она лучше, чем мы, организована» [1].

[1] И. В. Сталин, Речь на экстренной конференции Петроградской организации РСДРП(б) 16 — 17 (29 — 30) июля 1917 г. Сборник „На путях к Октябрю", 1925 г., ГИЗ, стр. 91.

Внутри страны колебание рубля происходило значительно быстрее. Лавина денежных знаков затопляла страну, финансовое хозяйство разрушалось. Это вызвало значительное обесценение рубля. За сентябрь и октябрь 1917 г. рубль обесценился еще на 37 проц. своей стоимости, т. е. в полтора раза больше, чем за предыдущие 5 месяцев (25 проц.). В сентябре 1917 г. покупательная способность рубля составляла лишь 10 довоенных копеек, а к концу октября, т. е. к моменту свержения буржуазного Временного правительства, упала до 6—7 коп. При росте денежной массы почти вдвое рубль обесценился в 4 раза.

Усиление темпа обесценения рубля сказалось в падении реального дохода от эмиссии (в пересчете падающих знаков в довоенные рубли). Царское правительство получило большой доход от эмиссии (в млн. руб.):

Годы и месяцы	Выпуск кредитных билетов в обращение	Реальный доход (в довоенных рублях)
1914 г. (VII—XII)	1 316,2	1 303,2
1915 г.	2 670,2	2 093,5
1916 г.	3 480,6	1 718,1
1917 г. (I—II)	767,2	251,1
Всего	8 234,2	5 365,9

Временное правительство при выпуске значительно большей суммы кредитных билетов получило втрое меньший доход (в млн. руб.).

Месяцы 1917 г.	Выпуск кредитных билетов в обращение	Реальный доход (в довоенных рублях)
Март	1 030	340,5
Апрель	476	140,0
Май	729	175,0
Июнь	869	182,3
Июль	1 070	160,0
Август	1 273	202,6
Сентябрь	1 954	269,6
Октябрь	1 933	264,8
Всего	9 334	1 734,8

В условиях всеобщей разрухи эмиссия губительно отражалась на всем народном хозяйстве. Катастрофически падающий рубль способствовал развитию нового глубокого кризиса.

Так обстояло дело с эмиссией — одним из основных источников финансирования войны.

Налоговая политика Временного буржуазного правительства была жалким реформаторством. Известно, что и до 1917 г. налоговый пресс выжимал последние средства трудящихся. Необходимо было итти по линии значительного подоходно-прогрессивного обложения колоссальных барышей, спекулятивных прибылей буржуазии, но вместо этого в ход пускались демагогические заявления (министр труда Скобелев) о том, что правительство будет добиваться отчуждения всей предпринимательской прибыли. Этими заявлениями старались прикрыть истинную политику ограждения прибылей буржуазии от обложения.

Под сильным нажимом революционных масс Временное правительство издает закон о повышении подоходного обложения. Еще 16 января 1916 г. было объявлено о введении с 1 января 1917 г. подоходного налога. Этот налог вводился не в виде общего и единого прямого обложения, а лишь как дополнение к уже существовавшим налогам. Тем самым закон не устранял прежней системы обложения доходов, ориентируясь на низкие ставки существовавших налогов. Кроме того, этот налог носил характер личного и устанавливался в равных ставках независимо от источников дохода. Огромные доходы от 100 000 руб. и выше облагались низкой и одинаковой ставкой в 12,5 проц. Вместо установления резкой прогрессивности при обложении крупных барышей был установлен низкий необлагаемый минимум, расширен контингент плательщиков, и, тем самым, центр тяжести нового налога переносился на плечи маломощного плательщика.

Но и такое незначительное обложение в жизнь не было проведено. Характерно, что циркуляром министра финансов Барка по поводу введенного с 1 января 1917 г. положения о подоходном налоге управляющие казенными палатами удерживались от особого рвения при взимании налогов: «Новизна и сложность впервые вводимого у нас подоходного обложения выдвигают необходимость снисходительного отношения к плательщикам со стороны финансовых органов... Той же снисходительностью должно быть проникнуто отношение к плательщикам во всех тех случаях, когда они окажутся невыполнившими возложенных на них законом о подоходном налоге обязанностей, по незнанию или неправильному усвоению их» [1].

Ясно, что при таком положении подоходный налог не мог дать никаких положительных результатов.

Буржуазное Временное правительство закрепило подоходное обложение в прежнем состоянии и лишь в виде некоторой уступки массам объявило о повышении налоговых ставок. Кроме того, было декларировано введение дополнительного единовременного налога

---

[1] Центральный архив Октябрьской революции, фонд 2281, опись 44, дело № 199, лист 20.

в размере подоходного с обложением того же дохода и в том же порядке. По единовременному налогу на прибыли 1917 г. законом предоставлялась рассрочка на три года. Естественно, буржуазия не спешила вносить налог. Военные прибыли, полученные в предыдущие годы войны, от налогового обложения были совсем освобождены. Буржуазия могла быть довольна своим правительством. Оно было верным блюстителем интересов капиталистов. Сущность подоходного налога была выхолощена. Налог оказался для буржуазии лишь небольшой надбавкой к существовавшим платежам. По закону допускалось исключение из дохода собственника тех расходов, которые были связаны с поддержанием его хозяйства. По имениям, имуществам, сданным в аренду, расходы производились арендаторами. Несмотря на это, закон предоставлял право собственнику уменьшать доходы на сумму расходов по содержанию имуществ.

Закон о подоходном налоге не нарушал интересов буржуазии и помещиков. Даже рабочие клубы и кооперативные организации были обложены подоходным налогом. Установление ставок подоходного налога сроком на 3 года в условиях исключительного роста прибылей заранее предопределяло ничтожный финансовый результат налога и ограничивало возможность попыток увеличения ставок налога на буржуазию в дальнейшем. Этим охранялись не только настоящие, но и будущие доходы капиталистов и помещиков.

Но самое главное, что сводило на-нет даже эти жалкие налоговые реформы, было отсутствие контроля над определением облагаемых доходов, существование коммерческой тайны, личная уния чиновничества и буржуазии, подкуп и взяточничество. После введения подоходного налога некоторые финансовые органы пытались проводить обложение на основе данных о доходах плательщиков. Но эти попытки наталкивались на непреодолимое препятствие — на коммерческую тайну.

Саратовская казенная палата писала в департамент окладных сборов министерства финансов: «...Почти все источники дохода своих будущих плательщиков податной инспектор имеет возможность учесть по имеющимся в его канцелярии данным или на основании особо представляемых карточек по подоходному налогу. Один лишь источник дохода — капитал, который, казалось бы, как требующий наименьшей затраты труда для извлечения от него дохода, должен подлежать учету в первую очередь, остается у податного инспектора незарегистрированным до подачи плательщиком декларации о его доходе...» [1]. Банки отказывались давать сведения о вкладчиках. Они соглашались лишь в отдельных случаях сообщить по запросу податного инспектора некоторые данные о том или ином лице. Податные инспекции совершенно не знали, где хранятся капиталы плательщика.

Саратовская казенная палата в том же письме резонно замечала, что «помещение же капитала в учреждениях вне местожительства плательщика совершенно не раскроет этого источника дохода, если

[1] ЦАОР, фонд 2281, опись 44, дело № 19, лист 38.

на него не укажет сам плательщик, на что едва ли всегда можно рассчитывать. В результате — недообложение крупных доходных источников, а следовательно, ничем не оправдываемая льгота для их владельцев и недобор подоходного налога»[1].

Буржуазия, стремясь к сокрытию своих доходов и устраняя возможность даже незначительного ее обложения, начала перемещать свои ценности на хранение в банковские сейфы. На заявления казенных палат о том, что «с введением подоходного налога в частных банках поднялся спрос на абонемент несгораемых ящиков» и что поэтому следует «возбудить вопрос о допущении чинов податной инспекции в присутствии понятых к осмотру ценностей, принадлежащих частным лицам и хранящихся в несгораемых ящиках кредитных учреждений», последовала резолюция: «Дать разъяснение в смысле невозможности вскрывать ящики». Но все же как-то решить вопрос было нужно. 8 июня на совещании представителей банков в департаменте окладных сборов было решено, что все кредитные учреждения будут сообщать в местные казенные палаты или местным податным инспекторам (где не было палат) сведения «о всех тех лицах, которые получили за минувший год, предшествующий окладному, доход от помещенных в кредитном учреждении денежных вкладов (срочных, бессрочных и условных), простых текущих счетов и ценных бумаг, принятых на управление»[2].

Но уже 13 июня комитет съездов представителей акционерных коммерческих банков писал министру финансов, что решение совещания приведет к положению, при котором «банковые учреждения принуждены будут оглашать все имеющиеся сведения о хранящихся у них капиталах и о совершаемых клиентами операциях, что совершенно нарушит принцип охранения кредитной тайны, столь ревниво оберегаемой во всех почти западно-европейских законодательствах в деле подоходного налога».

Свое требование отмены решения совещания банкиры подкрепляли угрозой прекратить кредитование и финансирование промышленности. В том же письме они указывали, что «при полном раскрытии тайны банковых дел, можно опасаться отлива русских капиталов в иностранные банки, который поведет к сокращению размера активных операций банков вообще и по кредитованию и финансированию отечественной промышленности, в частности; равным образом предполагаемая мера может вызвать перемещение бумаг в несгораемые ящики и хранение их на дому... таким образом все эти передвижения ценностей затронут интересы не только одних банков, но могут невыгодно повлиять и на большое число предприятий, находящихся с ними в денежных отношениях, а вместе с тем и на всю сеть кредитных отношений в стране»[3].

И затем последующим актом участники совещания от 8 июня приписывают к протоколу, что они согласились на предложенные

---

[1] ЦАОР, фонд 2281, опись 44, дело № 19, лист 39.

[2] Из доклада министру финансов. ЦАОР, фонд 2281, опись 44, дело № 19, лист 21.

[3] Там же, лист 19.

меры, считая, что «обязательность сообщения всех имеющихся в кредитных учреждениях сведений является уже предрешенным» [1].

На поддержку «обижаемых» частных коммерческих банков выступает «блюститель» государственных интересов — канцелярия по кредитной части. В письме директору департамента окладных сборов от 26 июня 1917 г. директор кредитной канцелярии писал: «Я не могу не согласиться с теми доводами, которые приведены в представлении комитета банков, и считаю, что подобного рода мера, принятая в условиях переживаемого времени, может привести еще к более усиленному сокрытию населением денежных знаков, стремительному отливу вкладов из банков и полному расстройству денежного обращения в стране. В этом смысле мною и был сделан доклад г. министру финансов, который согласился с представленными мною соображениями и признал необходимым вопрос об изменении ст. 100 положения о государственном подоходном налоге в вышеуказанном смысле оставить пока открытым» [2]. Так «хоронили» дело взимания подоходного налога. Буржуазия налоги не вносила, прибыли свои скрывала от обложения, и все это сходило ей безнаказанно при благосклонном содействии министров Временного правительства.

Но даже слабые формальные попытки прямого обложения вызвали решительное сопротивление всей капиталистической прессы, всех организаций буржуазии. Выступления буржуазии были поддержаны рядом государственных учреждений: особым совещанием по обороне, министерством торговли и промышленности и др. Центральный орган съезда «представителей» промышленности и торговли заявил, что ближайшей задачей Временного правительства должен быть пересмотр налоговых мероприятий. Со всех сторон министру финансов предъявлялись требования о пересмотре законов о налогах. Особую активность проявляли биржи. Московский биржевой комитет телеграфировал об этом министру финансов, министру торговли и промышленности, Петроградскому биржевому комитету. Так как приближались сроки уплаты налога по ставкам закона от 12 июня 1917 г., биржевики Москвы указывали на «настоятельную необходимость созыва совещания при участии представителей промышленности и министерств финансов, торговли и промышленности и труда и внесения в эти законы целого ряда поправок» [3] (подчеркнуто нами — *Б. Р.*).

«Объединение русских банкиров» посылало докладные записки Временному правительству «с ходатайством о пересмотре основ новых налоговых законов» [4]. Астраханский биржевой комитет требовал от министра финансов «возбудить перед Временным правительством ходатайство о пересмотре основ уже введенных в жизнь новых налоговых законов, с привлечением к обсуждению этих вопросов представителей торгово-промышленного класса» [5].

---

[1] ЦАОР, фонд 2281, опись 44, дело № 19, лист 16.
[2] Там же, лист 32.
[3] Там же, дело № 195, лист 6.
[4] Там же, лист 5.
[5] Там же.

Всполошились все организации буржуазии. В результате министр финансов Бернацкий в сентябре 1917 г. представил правительству докладную записку о необходимости изменения законодательства об обложении промышленников и торговцев: уменьшения обложения подоходным налогом, перенесения оплаты единовременного налога с 1917 г. на 1918 г. и т. п. Временное правительство утвердило предложения министра финансов и, таким образом, даже и формально совершенно освободило буржуазию от уплаты налога.

Сущность всей комедии с принятием законов об обложении, а затем с отменой их вскрывалась статьей в «Торгово-промышленной газете» в сентябре 1917 г., где было сказано, что при рассмотрении причин отмены прежних налоговых законов упускаются «из виду те психологические условия, в которых податные июньские новеллы были изданы. Предполагалось, что усиление, выражаясь военным языком, «до отказа» обложения промышленных предприятий приведет к тому, что рабочие перестанут предъявлять предпринимателю чрезмерные требования. Предполагалось, что усиленное обложение промышленности заставит рабочих быть благоразумными и умерить требования. Что же оказалось? Приведенные соображения не оправдались и в этой части обоснование усиленного прогрессивного обложения промышленности отпадало» [1].

Разве неясно, что даже тогда, когда вводились новые или увеличивались ставки старых налогов на помещиков и капиталистов, совсем не имелось в виду взыскание этих налогов. Имелось в виду лишь декларирование роста обложения промышленников, чтобы добиться прекращения требований рабочих повысить зарплату, улучшить охрану труда и т. п. Вся история налоговой политики буржуазного Временного правительства показывает наличие глубокой связи между налоговой и банковой системами, невозможность действительного обложения прибылей без централизации банков, без отмены коммерческой и банковой тайны. Между кредитной канцелярией и комитетом банков существовала личная уния. Попытки Временного правительства и его министерства финансов, направленные на повышение налогов, являлись лишь средством обмана масс.

Наличие огромных необложенных прибылей при беспрерывном выпуске все больших масс денег в обращение, неспособность правительства задержать стремительное падение рубля, нарастание кризиса в народном хозяйстве, страх перед финансовым крахом, — все это породило проект принудительного займа.

Сам по себе проект этого займа под названием «Российский государственный $5^1/_2\%$ военный ликвидационный заем 1917 года» вовсе не представлялся его авторам, буржуазным профессорам, мерой, якобы «губящей всякий кредит или вводящей отчаянную конфискацию», как его оценивали буржуазные газеты.

Они считали, что заем приведет к оздоровлению денежного рынка, «ибо создаст властное вмешательство в скрывающиеся в товарной спекуляции капиталы и даст необходимый ресурс для

[1] „Торгово-промышленная газета“ № 218, 1917 г., статья „Податная политика в условиях настоящего времени“.

государственного казначейства, т. е. предупредит дальнейшую безудержную работу станка, печатающего бумажные деньги»[1]. Предполагалось, что подписка на заем на основе разверстки должна дать 10 млрд. руб., из которых:

По группе плательщиков подоходного налога	4 млрд. руб.
„ „ „ поземельного, с недвижимых имуществ и квартирного налога	0,5 „ „
По группе плательщиков основн. и дополн. промыслового и налога с военной прибыли	1,5 „ „
По доходам от денежных капиталов, гос. и частных процентных бумаг	3,0 „ „
С банков, страховых обществ и др.	1,0 „ „

По группе плательщиков подоходного налога, которые должны были дать наибольшую сумму, проектировалась такая шкала:

Доход (в тыс. руб.)	Обязательная сумма подписки в проц. к доходу
2— 10	10
10— 20	15
20— 50	30
50—100	40
100—200	50
200 и свыше	60

По проекту заем выпускался на 20 лет, с исчислением процентов с 1 декабря 1917 г. по курсу 100 за 100 номинальных, с принудительной подпиской для лиц, имеющих доход сверх 2 000 руб. Кроме того, устанавливались рассрочка, льготные кредиты, два срока подписки и пр. Принудительный заем, конечно, не мог предотвратить финансовый крах или изменить что-либо в разрушенном хозяйстве страны, но он мог провести некоторое изъятие доходов у буржуазии и составить новый источник для ведения войны. Но даже такой, по существу безобидный, проект займа был встречен в штыки. Его объявили неясным, туманным и фантастическим. «Против отчаявшихся смельчаков веско выступила буржуазная печать и заставила их смолкнуть. Созванное в министерстве финансов совещание высказалось против такого займа, ссылаясь на существующее («и без того высокое прямое обложение»[2].

Так обстояло дело с «обложением» больших прибылей. Все тяготы войны целиком и полностью были перенесены на трудящихся, значительно были усилены эксплоатация и грабеж масс. С особой настойчивостью Временное буржуазное правительство проводило повышение косвенных налогов, падающих на трудящихся. Несмотря на полное обнищание рабочего класса, буржуазная пресса указывала на косвенные налоги, как на источник покрытия дефицита. Она заявляла, что косвенные налоги повышены недостаточно, без учета якобы возросшей платежеспособности населения и особенно рабочего класса. Товаров нехватало, надвигалась голодовка, но наличие большого количества денег в каналах обращения дава-

[1] „Вестник финансов, промышленности и торговли", № 24, 1917 г., стр. 427.

[2] „История гражданской войны в СССР", т. I, стр. 215.

ло «повод» буржуазии требовать повышения косвенного обложения. Положение трудящихся было очень тяжелым. Рабочие Москвы и Петрограда в сентябре и октябре 1917 г. получали в виде пайка меньше полфунта хлеба. В ряде районов рабочие определенно голодали. Даже по данным министерства финансов заработная плата в Москве выросла на 515 проц., а цены на основные предметы питания увеличились на 836 проц., на предметы широкого потребления больше чем на 1 000 проц. По тем же данным зарплата в 1917 г. составляла в среднем 57 проц. довоенного уровня.

Вместе с буржуазией политику наглого наступления на рабочий класс осуществляли меньшевики и эсеры, стоявшие во главе советов и вошедшие в состав Временного буржуазного правительства. Вместе с буржуазией они организовали расстрел июльской демонстрации. Они полностью поддерживали освобождение буржуазии от налогов и увеличение косвенных налогов для трудящихся. Воззвания меньшевистско-эсеровских советов призывали массы к поддержке финансовой политики Временного правительства, побуждали массы на жертвы. В августе на Особом государственном совещании Чхеидзе от имени ЦИК советов прочел «декларацию революционной демократии», представлявшую собой попытку изложить экономическую платформу эсеров и меньшевиков, положенную в основу деятельности коалиционного Временного буржуазного правительства. В отношении финансовой политики там было сказано: «Объединенная демократия считает необходимым приложить все усилия к поддержке финансовых мероприятий правительства в направлении успешного взимания налогов и размещения займов свободы». Так осуществлялась корниловщина в области финансовой политики. При голодном и полуголодном существовании рабочего класса, а отсюда при резком падении производительности труда, при полном обнищании рабочего класса росли косвенные налоги. Была введена сахарная монополия, разрабатывался проект чайной монополии, которая по подсчетам должна была дать 740 млн. руб. чистого дохода вместо 160 млн. руб., которые она давала раньше, проект спичечной монополии (предполагалось получить 200 млн. руб. дохода), махорочной, кофейной и других. Все эти монополии были рассчитаны на дальнейший рост обложения продуктов первой необходимости, предметов широкого потребления. Грабежом трудящихся масс, введением ряда монополий правительство рассчитывало ослабить финансовый кризис. Такая политика вела лишь к обострению кризиса.

В проведении экономической корниловщины большую роль играли коммерческие банки. Их политика в 1917 г. была лишь частным проявлением общей экономической контрреволюции с целью дискредитации идеи революции и осуществления монархического переворота.

Наступивший голод вызвал необходимость регулирования производства и распределения. Симулирование «кипучей деятельности» сочеталось с полнейшей беспомощностью органов Временного правительства и дополнялось «активной помощью» акционерных банков.

Проведение хлебной, сахарной и других монополий вызывало потребность в значительных оборотных средствах у государственных органов. Попытки привлечь частные банки к финансированию монополий наталкивались на их сопротивление. Политика объединения русских банкиров была направлена на саботаж даже тех жалких попыток регулирования, которые предпринимались правительством.

Это подтверждается анализом «Обзора деятельности акционерных коммерческих банков» за время с 1 июля 1916 г. по 1 января 1918 г., изданного комитетом съездов представителей банков в 1918 г. Объясняя свое отношение к требованиям государственных органов о финансировании оборотных средств монополий, комитет съездов писал, что «...частные кредитные учреждения стремились по мере возможности удовлетворять этим требованиям, но были стеснены в обстоятельствах настоящего времени, сопряженного с разными неожиданными и непредвиденными событиями, соблюдать величайшую осторожность в смысле высокой ликвидности своих активов»[1]. Под благовидными фразами о стремлении к высокой ликвидности активов скрывалось противодействие попыткам регулирования в условиях военного времени.

Переписка и переговоры между банками и правительственными органами тянулись месяцами. Беспрерывно созываемые совещания не давали результатов. Кредиты, предоставленные банками, были мизерными. Вся мощь коммерческих банков была направлена на усиление бедствий народа. Только Октябрьская социалистическая революция покончила с преступной деятельностью банков, согласованной с деятельностью правительственных органов.

Не дало ожидаемых результатов и другое мероприятие буржуазного Временного правительства — выпуск внутреннего «Займа свободы». Попытка финансировать войну путем внутреннего займа не удалась. Заем также не дал сколько-нибудь значительного эффекта в изъятии из обращения части денежных знаков. Пятипроцентный «Заем свободы» 1917 г. был выпущен сроком на 54 года. Облигации займа принимались в залог по нарицательной цене в обеспечение задатков и ссуд по казенным подрядам и поставкам, в обеспечение рассрочиваемого акциза и таможенных пошлин. Подписная цена была установлена в 85 проц. с правом уплаты по займу 5-процентными краткосрочными обязательствами государственного казначейства, с выдачей ссуд под залог облигаций в размере 75 проц. из льготного процента в 5,75.

К 25 октября 1917 г. было распространено облигаций «Займа свободы» на 3 700 млн. руб., однако эта операция дала правительству очень мало наличных денег.

Чтобы подписаться, например, на 1 000 руб., достаточно было внести наличными всего 100 руб.; остальные 750 руб. записывались банком на специальный текущий счет клиента, как его долг. Но

---

[1] Обзор деятельности акционерных коммерческих банков, 1918 г., стр. 210 — 211.

частные банки не вносили за клиентов не оплаченные ими суммы. Частные банки вносили облигации займа на свои специальные счета в Государственном банке и получали под них такие же ссуды, какие были выданы клиентам. Бремя займа перелагалось в конце концов на Государственный банк, который имел в своем портфеле большую часть облигаций «Займа свободы». Крупная буржуазия, связанная с банками, вовсе не вкладывала деньги в займы — она находила им другое применение.

Часть облигаций (до 1 миллиарда) была размещена в системе сберегательных касс. Весь приток вкладов в сберкассы с 1 апреля по 1 октября 1917 г. выразился в сумме 816 млн. руб. (на 1 апреля вкладов числилось 4 100 млн. руб., а на 1 октября — 4 916 млн. руб.). Из этой суммы за время с 1 мая по 1 сентября было взято 300 млн. руб. посредством учета краткосрочных обязательств государственного казначейства. Отсюда ясно, что подписка сберегательных касс наполовину носила фиктивный характер простого обмена одних государственных процентных бумаг на другие. «Заем свободы» не мог пользоваться успехом также у рабочих и крестьян, несмотря на широкую агитацию за подписку, которую проводили меньшевики и эсеры. Исключительно тяжелое положение трудящихся, растущая ненависть к власти буржуазии, быстро исчезавшее влияние меньшевистско-эсеровских предателей, — все это не способствовало распространению займа. Все большим влиянием пользовалась партия большевиков, решительно вскрывавшая реакционность буржуазии и предательство меньшевиков и эсеров, разоблачавшая империалистический характер «Займа свободы». Эффект от реализации займа оказался незначительным. Из оборота займом извлекалось ежемесячно не более 200—250 млн. руб., а эмиссия кредитных билетов доходила до 2 млрд. руб.

Когда выяснился неуспех подписки, начали на льготных условиях выдавать большие суммы под облигации займа, надеясь этим форсировать распространение займа. С 1 апреля по 1 октября сумма выданных Государственным банком ссуд под залог процентных бумаг возросла до 900 млн. руб. Заем не оправдал возлагавшихся на него надежд.

Чтобы покрыть военные расходы, буржуазное Временное правительство обратилось к иностранным займам. Особенно большие надежды возлагали буржуазия, меньшевики и эсеры на финансовую поддержку Америки. Америка предоставила союзникам военные кредиты до 3 млрд. долл., но из этих кредитов Россия получила лишь 156 млн. долл. Таким образом, надежды буржуазного Временного правительства на американского «спасителя» рушились. Мольбы, обращенные к Америке об открытии больших кредитов для сбалансирования бюджета, ни к чему не приводили.

Между тем, финансовое хозяйство разрушалось, масса поставок на армию не была оплачена, не производилась расплата за реквизированные товары и предметы, счета с заграничными поставщиками не были урегулированы, прекращалась даже выплата зарплаты низшему и среднему составу чиновничества, служащим учрежде-

ний. Временное буржуазное правительство не способно было предотвратить наступившее банкротство. Война поглотила свыше 50 млрд. руб.

Государственный долг возрос до огромных размеров. Темп его роста был следующий [1]:

	Сумма (в млн. руб.)
К 1 января 1914 г.	8 824,5
„ 1 „ 1915 „	10 488,5
„ 1 „ 1916 „	18 876,7
„ 1 „ 1917 „	33 580,8
„ 1 июля 1917 „	43 906,0
„ 1 января 1918 „	60 000,0

Необычайный государственный долг, большой непокрытый бюджетный дефицит, разваленная денежная система, финансовый кризис и банкротство на фоне разрухи всего народного хозяйства — вот часть итогов «деятельности» царского и Временного буржуазного правительств.

Временое буржуазное правительство вело страну к катастрофе. Выход был только в социалистической революции.

---

[1] Дементьев, Государственные доходы и расходы России и положение госказначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 г.

ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ—ОРУДИЕ БОРЬБЫ ЗА ПОДГОТОВКУ И ПРОВЕДЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Партия большевиков вела борьбу за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Еще в 1905 г. Ленин писал, что после свержения царизма пролетариат должен «совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии»[1].

Огромное значение для развития революции имели знаменитые Апрельские тезисы Ленина, давшие партии и пролетариату новую ориентировку в новых условиях борьбы, и «... гениальный план борьбы партии за переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической, за переход от первого этапа революции ко второму этапу — к этапу социалистической революции»[2].

В тезисах Ленин предлагал переход от парламентарной республики к республике Советов. Партия разъясняла «...рабочим и солдатским массам, что до полной победы революции еще далеко, что пока власть находится в руках буржуазного Временного правительства, а в Советах хозяйничают соглашатели, — меньшевики и эсеры, народу не получить ни мира, ни земли, ни хлеба, что для полной победы необходимо сделать еще шаг вперед и передать власть Советам»[3].

Во всей борьбе партии большевиков за победу рабочего класса большое значение имели экономические вопросы, анализ экономического положения и определение задач в этой области. В Апрельских тезисах Ленин указал на необходимость национализации всех земель в стране с конфискацией помещичьих земель, слияния всех банков в один национальный банк и установления рабочего контроля над общественным производством и распределением продуктов.

Развитие революции создало необходимость дальнейшей разработки экономических задач. VI съезд партии, проходивший под непосредственным руководством товарища Сталина в июле — авгу-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 96.

[2] „История ВКП(б)", стр. 177.

[3] Там же, стр. 173.

сте 1917 г., разработал обширную программу экономических мероприятий, действенный, боевой документ — экономическую платформу большевистской партии. Исходным пунктом экономической платформы большевиков являлся основной тезис Ленина о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране. Эта экономическая платформа являлась составной частью общепрограммных требований большевиков в борьбе за проведение социалистической революции, установление диктатуры пролетариата. Только диктатура пролетариата могла вывести страну из разрухи, предотвратить надвигавшуюся катастрофу. VI съезд партии указал, что лишь ликвидация войны и организация производства не для войны и не в интересах кучки финансовых олигархов, а для восстановления разрушенного хозяйства и в интересах рабочих и беднейших крестьян есть единственный выход из состояния разрухи.

Необходимо было провести национализацию земли, и в первую очередь конфискацию помещичьей земли, централизовать и национализировать банки, синдицированные предприятия, страховое дело. Это создавало основу для планирования народного хозяйства. Экономическая платформа большевиков требовала вмешательства в производство в целях планомерного урегулирования производства и распределения, требовала организации правильного обмена между городом и деревней через кооперацию и продовольственные комитеты.

Важнейшим программным требованием большевиков было введение рабочего контроля над производством. Этот лозунг имел огромное значение еще и потому, что он был выдвинут в обстановке полного банкротства капиталистического хозяйства, в условиях развернувшейся бешеной спекуляции со стороны капиталистов, саботажа, локаутов и срыва производства, проводившихся капиталистами. Лозунг о рабочем контроле не был изолирован от борьбы за власть, он был также лозунгом борьбы за власть. Этот лозунг ставился партией большевиков «всегда р я д о м с диктатурой пролетариата, всегда в с л е д за ней» (Ленин). Действительный рабочий контроль могла установить только диктатура рабочего класса.

Рабочий контроль — мероприятие классовой борьбы; это — прежде всего контроль со стороны рабочего класса над классом капиталистов. Естественно, что рабочий контроль не мыслился большевиками вне диктатуры пролетариата. Буржуазия, меньшевики и эсеры решительно боролись против введения рабочего контроля. Меньшевики и эсеры, стараясь обмануть трудящихся, подменяли вопрос о рабочем контроле вопросом о государственном контроле, а так как власть находилась и должна была находиться, по их мнению, в руках буржуазии, то и контроль переходил в ее руки. Они рьяно выступали на защиту своих хозяев — капиталистов. Первая и вторая конференции промышленников в своих решениях сделали упор на борьбу против рабочего контроля. В резолюции конференции, созванной объединением русских промышленников и капиталистов в июне 1917 г., было написано:

«В м е ш а т е л ь с т в о р а б о ч и х в у п р а в л е н и е п р е д-

приятиями, а тем более фактическое подчинение администрации промышленного предприятия рабочим, служащим и посторонним лицам, путем установления выборного начала или самовольного устранения членов администрации, подчинение им же финансово-хозяйственной жизни заводов, путем образования всевозможных контрольных хозяйственных комиссий, приведет лишь к анархии в предприятиях, к бегству из них необходимых деятелей, к новому расстройству их финансового хозяйства и, следовательно, к гибели самих предприятий. Подобные действия должны быть немедленно прекращаемы, как противоречащие интересам всего населения и государства, а тем более не могут быть рекомендуемы правительством или отдельными представителями власти» [1].

В борьбе против рабочего контроля буржуазии помогало Временное правительство, все его органы и, в частности, большинство высших чиновников, которые фактически способствовали проведению саботажа, локаутов и спекуляций.

Перед рабочим контролем стояли серьезнейшие задачи. Органы рабочего контроля должны были вскрывать и пресекать всякие спекулятивные махинации, проверять запасы сырья, продуктов и материалов, запрещать закрытие или сокращение производства. При развертывании борьбы за пролетарскую диктатуру органы рабочего контроля должны были предупреждать и пресекать вредительские действия капиталистов. Участием в рабочем контроле рабочий класс учился управлять хозяйством. Этим готовились кадры руководителей хозяйства. Органы рабочего контроля должны были превратиться в органы управления хозяйством.

Ленин в своей речи на I Петроградской конференции фабрично-заводских комитетов 13 июня 1917 г. призывал к организации рабочего контроля и предупреждал против попыток буржуазного Временного правительства установить фиктивный, бумажный контроль. Он говорил: «Чтобы контроль над промышленностью действительно осуществлялся, он должен быть р а б о ч и м к о н т р о л е м, чтобы во все ответственные учреждения входило большинство рабочих и чтобы администрация отдавала отчет в своих действиях перед всеми наиболее авторитетными рабочими организациями.

Добивайтесь, товарищи рабочие, действительного контроля, а не фиктивного, и все резолюции и предложения такого фиктивного бумажного контроля самым решительным образом отметайте» [2].

Ленин в своей популярной статье «Почему нам нужен контроль над производством» на ярких примерах показал огромные спекулятивные барыши капиталистов, их исключительно высокую наживу на эксплоатации рабочих. В отчетах капиталистических объединений он вскрывал прибыль, прикрытую от народа разными счетами. Так, по отчету общества Коломенского машиностроительного завода за 1916 г. прибыль на 15,5 млн. руб. основного

[1] „Биржевые ведомости" от 3 июня 1917 г.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. XX, стр. 459.

капитала (вместе с облигационным) составляла 7,5 млн. руб., т. е. 48,3 проц., или — округленно — 50 коп. дохода на рубль капитала. Это было почти в 10 раз больше дохода по вкладам в банки или в госзаймы. Из отчета было видно, что капиталисты, распределив прибыль непосредственно между собой по 16 коп. на рубль, отчислили остальную прибыль в капитал погашения имущества, на новые заводские сооружения, на вознаграждение капиталистов — членов правления и т. д. Капитал погашения имущества до 1916 г. путем отчисления от прибылей составил 15 млн. руб.; кроме того, запасный капитал — 3 880 тыс. руб. и все капиталы в целом, включая 1916 г., — около 24 млн. руб. Так как основной капитал составлял 15,5 млн. руб., то значит, кроме получаемых капиталистами ежегодно баснословных прибылей, каждый рубль, вложенный в их предприятие, возрос еще на 1 руб. 54 коп., и это — при исключительном обнищании рабочего класса!

Такой же результат получался и при анализе отчета страхового общества «Волга» за 1916 г., хотя оно и не было предприятием «оборонного» типа: на 1 млн. руб. основного капитала—1 657 тыс. руб. прибыли, или на один рубль капитала — 1 руб. 66 коп. прибыли. Уже эти два примера показывают, какое важное значение имел контроль, как было необходимо прекратить эту бешеную наживу, прекратить ограбление рабочего класса.

Поступившие несколько позднее отчеты ряда предприятий целиком и полностью подтвердили выводы Ленина, сделанные им на основании анализа балансов двух предприятий. По данным отчетов 134 различных предприятий почти всех отраслей промышленности, рост акционерных капиталов за 1913 — 1916 гг. был невелик [1].

Годы	Общая сумма (в млн. руб.)	В % к 1913 г.
В 1913	301,6	100,0
„ 1914	317,8	105,4
„ 1915	324,6	107,6
„ 1916	347,6	115,2

При этом полученные прибыли росли очень быстро.

Годы	Сумма прибыли (в млн. руб.)	В % к 1913 г.	В % к акционерному капит.
1913	55,3	100,0	18,4
1914	55,5	100,4	17,5
1915	88,1	159,3	27,1
1916	157,1	284,1	45,3

[1] Таблицы составлены на основании данных, опубликованных в бюллетенях комитета съездов представителей акционерных коммерческих банков №№ 9 и 10 от 1 и 8 ноября 1917 г. В сводку вошли металлургические, машиностроительные, нефтяные, лесопильные, текстильные, сахарные, пивоваренные, мукомольные и некоторые торговые предприятия.

Прибыль 1915 г. по отношению к предыдущему году выросла наполовину. В 1916 г. она увеличилась вдвое по сравнению с 1915 г. и почти втрое по сравнению с 1914 г., составив 45,3 проц. по отношению к акционерному капиталу. Прибыль за три последних года составила 300,7 млн. руб. Еще более разительны показатели прибылей, если выделить отчеты металлургических обрабатывающих предприятий (в количестве упоминаемых выше 134 предприятий).

Годы	Акционерный капитал (в тыс. руб.)	Прибыль (в тыс. руб.)	Проц. прибыли на акционерный капитал
1913	18 990	2 572	13,5
1914	19 940	4 294	21,5
1915	21 060	10 143	48,2
1916	25 760	20 889	81,1

Здесь прибыль 1913 г. превышена была в 1916 г. в 8 раз и дошла до 81 проц. акционерного капитала. За четыре года (с 1913 по 1916 г.) прибыль составила 37 898 тыс. руб. Если по всей группе предприятий на каждый рубль акционерного капитала было получено в 1916 г. 45 коп. прибыли, а за три года на 1 рубль капитала — около 1 рубля дохода, то по обрабатывающей металлургической промышленности в 1916 г. на 1 рубль капитала — 81 коп., а за три года — 2 руб. Прибыли, распределенные капиталистами непосредственно между собой в виде дивидендов, по всем 134 предприятиям составляли:

Годы	Сумма	В % к 1913 г.	В % к акционерному капит.
1913	27,0	100,0	8,9
1914	22,6	83,7	7,2
1915	32,5	120,3	10,1
1916	50,1	185,0	14,4

14,4 коп. на 1 рубль капитала — это доход, превышавший почти в три раза обычный банковый процент или проценты по государственным займам. Доходы, получавшиеся капиталистами, не исчерпывались только этими прибылями. Значительная часть прибылей скрывалась прежде всего в капитале погашения, запасном и других. Так, капитал погашения и запасный составляли:

Годы	Капитал погашения	Запасный капитал	В % к 1913 г.
	(в млн. руб.)		
1913	112,0	58,3	100,0
1914	125,3	62,0	110,0
1915	144,1	67,6	124,4
1916	169,3	70,6	141,0

Капитал погашения вырос за три года на 50 проц., причем половина всего роста приходится на 1916 г. Такой рост отчислений в капитал погашения вызывался не столько действительной амортизацией либо обесценением рубля, сколько желанием припрятать значительную часть прибыли. Капитал погашения и запасный капитал в 1916 г. составили вместе 239,9 млн. руб. на 347,6 млн. руб. акционерного капитала, т. е. доход по этим статьям составил около 70 коп. на 1 рубль капитала. Еще нагляднее это видно из отчетов другой группы металлургических предприятий, входивших в 132 предприятия:

Годы	Акционерный капитал	Капитал погашения	Запасный капитал
	(в тыс. руб.)		
1914	95 100	57 777	27 940
1915	95 100	68 805	29 458
1916	97 100	79 951	29 781

Капитал погашения вместе с запасным составил с 1916 г. 109 720 тыс. руб. и превысил акционерный капитал (97 100 тыс. руб.) на 12 632 тыс. руб. На 1 рубль вложенных капиталов доход по указанным статьям составил 1 руб. 18 коп.; значительная часть средств по этим статьям была лишь замаскированной прибылью. Такой же неудержимый рост прибылей обнаруживается в результате анализа отчетов за 1912—1915 гг. по 142 предприятиям текстильной промышленности. К 1 января 1916 г. на 438 741 тыс. руб. основного капитала имелось:

Запасный капитал	117 217 тыс. руб.	—26,7 проц.	к основн. капит.
Амортизационный капитал	373 385 „ „	—85,1 „	„ „
Прибыль к распределению за 1915 г.	174 006 „ „	—39,7 „	„ „
Дивиденд	51 399 „ „	—11,7 „	„ „

По отдельным предприятиям прибыль была еще больше. Так, за 1915 г. прибыль составила:

Демидовской мануфактуры	82 проц.
Нарвской „	60 „
Костромской „	73,8 „

По другим отраслям промышленности прибыль составила:

Брянского завода	45 проц.
Завода „Гартман"	73 „
„ „Богатырь"	109 „
Н/Таволжанского сахарн. завода	151 „
Ф-ки Рябушинских	230 „
Сев.-Кав. нефт. об-ва	99 „
Эмба-нефть	95 „

По данным газеты «Биржевые ведомости» от 18 ноября 1916 г., рост прибылей в отдельных металлургических и машиностроительных предприятиях характеризовался следующими данными (в млн. руб.):

Предприятие	1913/14 г.	1914/15 г.	1915/16 г.	Увеличение по сравн. с 1913/14 г.	
				млн. руб.	проц.
О-во машиностр. заводов Гартмана	1,04	1,67	2,06	1,02	98
Никопольско-Мариупольский завод	4,08	5,36	6,60	2,52	61
Тульск. меднопрокатн. и патрон. заводы	2,88	8,39	15,51	12,63	438
Южно-Русск. Днепр. металл. завод	9,64	8,45	12,11	2,47	25

Само министерство финансов в объяснительной записке к росписи на 1917 г. определяло общую сумму прибыли 1916 г. для предприятий, не обязанных публичной отчетностью, в 1 592 млн. руб., т. е. на 69 проц. более, чем в 1915 г.

Из приведенных выше данных видно, что неслыханно высокие прибыли получали владельцы не только тех предприятий, которые выполняли военные заказы, но и других капиталистических предприятий. Используя военную конъюнктуру, ажиотаж, спекуляцию, они беспрепятственно грабили трудящихся, безмерно наживались на обнищании рабочего класса.

С вопросом о рабочем контроле было тесно связано и требование отмены коммерческой тайны. Отмена коммерческой и банковской тайны являлась ключом к осуществлению контроля, являлась «первым словом действительного контроля» (Ленин).

Неудивительно, что капиталисты яростно обрушились на лозунг отмены коммерческой тайны. Капиталисты утверждали, что капиталистическое хозяйство, как хозяйство товарное, основанное на частной собственности на средства производства, создает зависимость отдельных предприятий от рынка, от его законов и капризов, делает незыблемой «священную неприкосновенность» торгового, производственного, банковского дела, не допускает отмены коммерче-

ской тайны. В один голос с буржуазией, вторя ей и помогая обманывать массы, меньшевики и эсеры твердили, что отмена коммерческой тайны приведет к усилению разрухи, ибо капиталисты не будут заинтересованы в производстве и разбегутся, а без них промышленность замрет. Этими «доводами» старались прикрыть два важнейших факта: прежде всего — наличие крупного капиталистического хозяйства, империализма. В условиях империализма, когда монополии диктуют цены, охватывая преобладающее большинство продукции, и этим обеспечивают себе огромные сверхприбыли, — в этот период существование коммерческой тайны способствует наживе и грабежу.

Ленин писал:

«Если торговая тайна неизбежна в мелком товарном хозяйстве, т.-е. среди мелких крестьян и ремесленников, где само производство не обобществлено, распылено, раздроблено, то в крупном капиталистическом хозяйстве охрана этой тайны есть охрана привилегий и прибылей буквально горстки людей п р о т и в всего народа. Это признано уже и законом постольку, поскольку введена публикация отчетов акционерных обществ, но э т о т контроль, во всех передовых странах, а также в России, уже осуществленный, есть именно реакционно-бюрократический контроль, который н а р о д у глаз не открывает, который н е п о з в о л я е т знать в с ю п р а в д у об операциях акционерного общества» [1].

Во-вторых, вопрос о ликвидации коммерческой тайны особое значение приобрел в обстановке войны. Война способствовала накоплению капиталистическими объединениями больших прибылей. Казнокрадство, особенно возросшее во время войны, заостряло вопрос о ликвидации коммерческой тайны. Ленин в той же статье писал:

«Громадное большинство торгово-промышленных предприятий работает теперь не на «вольный рынок», а н а к а з н у, на войну. Я говорил уже поэтому в «Правде», что люди, возражающие нам доводами о невозможности введения социализма, лгут и трижды лгут, ибо речь идет не о введении социализма теперь, непосредственно, с сегодня на завтра, а о р а с к р ы т и и к а з н о к р а д с т в а» [2].

В статье «Надо разоблачать капиталистов» Ленин квалифицировал коммерческую тайну, как прикрытие вакханалии мародерства. «В а к х а н а л и я м а р о д е р с т в а» — нет иного слова для поведения капиталистов во время войны.

Эта вакханалия ведет к гибели всю страну.

Нельзя молчать. Нельзя терпеть.

«Пусть всякий рабочий, который знает и понимает, что делается по этой части на «его» фабрике; пусть всякий банковый, фабричный, торговый служащий, кто не равнодушен к гибели страны; пусть всякий инженер, статистик, бухгалтер напрягут все усилия, чтобы с о б и р а т ь, хотя бы по частям, точные по возможности,

---

[1] В. И. Л е н и н, Соч., т. XXI, стр. 172.

[2] Т а м ж е.

документальные данные об этой вакханалии мародерства, то-есть о ценах и прибылях». И дальше:

«Разоблачение капиталистов есть первый шаг к обузданию капиталистов».

«Разоблачение вакханалии мародерства есть первый шаг в борьбе с мародерами» [1]. В противовес заверениям министра Пешехонова, что сопротивление капиталистов якобы сломлено и можно будет равномерно распределить то, что есть, — Ленин спрашивал: «Нельзя ли бы было, если «сопротивление капиталистов сломлено», провести закон об опубликовании: 1) всех гарантийных писем о ценах на поставки? 2) всех цен на поставки в казну вообще? 3) себестоимости поставляемых в казну продуктов? 4) нельзя ли дать возможность рабочим организациям проверять все этого рода факты?» [2].

Без отмены коммерческой и банковской тайны все слова о рабочем контроле оставались только фразами. Капиталисты всякими способами скрывали свои прибыли. При наличии коммерческой и банковской тайны никакие угрозы обложением доходов не имели для капиталистов существенного значения. Коммерческая тайна служила прикрытием грабительского дела буржуазии, и лишь после отмены этой тайны можно было бы осуществить действительный рабочий контроль.

С введением рабочего контроля и отменой коммерческой тайны было тесно связано одно из важнейших требований экономической платформы большевиков — национализации банков.

Национализация банков предусматривалась еще в «Коммунистическом манифесте». Гениальные авторы его — Маркс и Энгельс — утверждали, что в передовых странах может быть проведена «Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и исключительной монополией» [3].

Капитализм в стадии империализма характеризуется сращиванием промышленного и банкового капиталов — образованием финансового капитала. В России также происходил этот процесс. Банки приобретали паи и акции предприятий, становились хозяевами наиболее важных отраслей промышленности и торговли. Промышленные капиталисты основывали банки, сращивая таким образом промышленные капиталы с банковыми. Банки сосредоточивали в своих руках ряд важнейших нитей деятельности капиталистических предприятий.

В своей классической работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин подверг анализу данные о капиталах крупнейших русских банков, приведенные чиновником русско-китайского банка Агадом. По этим данным оказывалось, что из 3 949,5 млн. руб. капиталов, вложенных 19 русскими банками в торговлю, промышленность, биржевые и финансовые операции к началу 1914 г., более

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XX, стр. 427 — 428.

[2] Там же, стр. 514.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии. Партиздат ЦК ВКП(б), 1933 г., стр. 115.

3 млрд. руб. падали на долю банков, представлявших собой «дочерние» общества парижских и берлинских банков. В петербургских банках вложения французских банков определялись в 55 проц., английских — 10 проц., немецких — 35 проц. Активы петербургских банков распределялись таким образом (в млн. руб.) [1]:

Контроль над торговлей и транспортом		Контроль над производством и промышленностью	
a) Промышленные кредиты	1 350	a) синдикаты по углю (Продуголь),	
b) Судоходство и частные железные дороги	1 509	b) синдикаты по железу (Продамета),	
c) Контроль над участием русских частных покупателей	1 689	c) синдикаты по нефти (General Oil и т. д.),	
		d) синдикаты по металлургии (различные),	
		e) синдикаты по цементу, строительству (различные)	3 687
	4 548		8 235

Таким образом, свыше 40 проц. приходилось на синдикаты. Быстро росла связь русских и заграничных банков при господстве последних и сращивание этого объединенного банкового капитала с объединенным (русским и иностранным) капиталом монополий и синдикатов.

Ленин сделал вывод, что «слияние банков и промышленного капитала, в связи с образованием капиталистических монополий, сделало и в России громадные шаги вперед» [2].

Несомненно, за время войны этот процесс значительно усилился. Банки в широких размерах финансировали учредительство акционерных обществ, проводили крупнейшие биржевые махинации.

Ленин отметил, что банки выросли из «скромной роли посредников в всесильных монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев, а также большею частью средств производства и источников сырья...» [3]. Банки, по выражению товарища Сталина, являлись основным нервом хозяйственной жизни буржуазии, ее душой.

К октябрю 1917 г. банки в России сконцентрировали в своих руках огромные капиталы, достигшие 18 млрд. руб. Состав и использование этих капиталов можно видеть из баланса акционерных коммерческих банков, обществ взаимного кредита и городских общественных банков на 1 октября 1917 г. [4].

Актив		*Пассив*	
Касса	318 985	Капиталы	1 292 483
Текущие счета	534 416	Вклады и текущие счета	9 123 138
Учетно-ссудные операции	7 483 426	Переучет и перезалог	1 000 415
Процентн. бумаги, принадлежавш. банкам	1 134 164	Корреспонденты	1 456 984
Корреспонденты	3 947 939	Прочие пассивы	5 105 377
Прочие активы	4 509 467		
	17 978 397		17 978 397

[1] Цит. по Ленинскому сборнику, т. XXII, стр. 217.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. XIX, стр. 112—113.
[3] Там же, стр. 93.
[4] Журнал „Народное хозяйство" № 4, 1918 г.

В 1917 г. в «Материалах по пересмотру партийной программы» Ленин отметил:

«Высокая ступень развития капитализма, уже достигнутая в банковом деле и в трестированных отраслях промышленности, с одной стороны, а с другой стороны, разруха, созданная империалистической войной и отовсюду вызывающая требование государственного и общественного контроля за производством и распределением важнейших продуктов, побуждает партию требовать национализации банков, синдикатов (трестов) и т. п.» [1].

Национализация банков означала тогда в первую очередь удар по капиталистической спекуляции и мародерству, по расхищению народного богатства. Она создавала возможность действительного обложения прибылей буржуазии и являлась надежным средством ликвидации экономической контрреволюции, в значительной мере питаемой банками. Национализация банков в огромной степени облегчала ликвидацию влияния иностранного капитала на экономику страны, расчищала пути к национализации крупной, синдицированной промышленности и создавала предпосылки для регулирования хозяйственной жизни страны. Кроме того, необходимо было вывести страну из разрухи, из надвигавшегося хозяйственного краха, а для этого также было необходимо национализировать банки.

Ленин разоблачал обман народа буржуазной прессой, которая отождествляла в целях запугивания национализацию банков с конфискацией частных имуществ. В действительности национализация банков сама по себе ничего не меняла в отношении собственности на вклады, векселя и т. п. В своей работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» Ленин писал: «Кто владел 15 рублями по сберегательной книжке, тот остается владельцем 15 рублей и после национализации банков, а кто имел 15 миллионов, у того и после национализации банков остается 15 миллионов в виде акций, облигаций, векселей, товарных свидетельств и тому подобное» [2].

Национализацией банков достигалось огосударствление банкового дела, его монополизация. Тем самым государство получало в свои руки орудие контроля над всей хозяйственной жизнью страны, средство влияния на процесс экономического развития.

Опровергая утверждения различных агентов буржуазии о незрелости страны, о невозможности перейти к национализации банков и принудительному синдицированию, Ленин доказывал возможность и необходимость национализации банков:

«Такие меры, как национализация земли, всех банков и синдикатов капиталистов или, по крайней мере, установление немедленного контроля за ними Советов Рабочих Депутатов и т. п., отнюдь не будучи «введением» социализма, должны быть безусловно отстаиваемы и, по мере возможности, революционным путем осуществляемы. Вне таких мер, которые являются лишь шагами к социализму и которые вполне осуществимы экономически, невоз-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XX, стр. 296.

[2] Там же, т. XXI, стр. 164 — 165.

можно лечение ран, нанесенных войной, и предупреждение грозящего краха, а останавливаться перед посягательством на неслыханно-высокие прибыли капиталистов и банкиров, наживающихся именно «на войне» особенно скандально, партия революционного пролетариата никогда не будет» [1].

Ленин разъяснял всю выгоду национализации банков для трудящихся: огромное сбережение труда, доступность и легкость кредита именно для крестьянства, возможность со стороны государства контроля над всеми главными денежными операциями, регулирование хозяйственной жизни и, наконец, экономия огромных, необходимых стране средств, расхищаемых капиталистами-монополистами.

Лозунг национализации банков имел большое значение для привлечения масс под знамена большевизма. Этот лозунг, вполне понятный массам, был конкретным; он способствовал, как и вся экономическая платформа большевиков, созданию новой расстановки классовых сил для победы пролетарской революции.

Буржуазия развернула против лозунга национализации банков бешеную борьбу. «Правда» требовала, чтобы было раскрыто, в скольких банках участвуют пайщиками, директорами и фактическими хозяевами министры Гучков, Терещенко и Коновалов. Это требование вызвало взрыв негодования со стороны буржуазной печати. Ленин тогда писал:

«Мы решительно ничего не имеем против того, чтобы товарищи банковские служащие опубликовали списки банковых воротил всех партий. Почему, господа, народ не имеет права знать, кто именно является главными хозяевами таких учреждений, как банки, могущественнейших учреждений, от которых зависит вся экономическая жизнь страны, от которых зависит решение вопросов войны и мира?

Чего вы боитесь, господа?» [2].

В статье «Банки и министры» Ленин писал:

«Бывший министр иностранных дел и нынешний товарищ председателя центрального военно-промышленного комитета Н. Н. Покровский вступил членом Совета в Русский для внешней торговли банк. В члены Совета банка вступает также бывший председатель Совета Министров граф В. Н. Коковцев...

Сегодня министр — завтра банкир; сегодня банкир — завтра министр. За «войну до конца» — и сегодня и завтра.

Так обстоит дело не только в России, но и всюду, где царствует капитал. На войне наживается кучка банкиров, которая держит в руках весь мир» [3].

Существовала личная уния министров с капиталистами, банкирами и т. д. Подкуп капиталистами министров очень ярко показан Лениным в его работе «Государство и революция». Один из мини-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XX, стр. 124.

[2] Там же, т. XXX, стр. 328.

[3] Там же, т. XX, стр. 156.

стров коалиционного правительства, Пальчинский, наряду с другими саботировал принятие каких-либо мер для обуздания капиталистов и их мародерства, грабежа казны на военных поставках. Выйдя из правительства, он получил у капиталистов тепленькое местечко с жалованием в 120 000 руб. в год. Это был несомненный подкуп, проявление личной унии правительства с синдикатами. Только национализация банков обеспечивала прекращение расхищения народного дохода капиталистами и их прислужниками.

Также по существу обстояло дело и с лозунгами большевиков о национализации крупной синдицированной промышленности и национализации страховых обществ. Временное правительство, под напором революционного движения, делало отдельные жалкие попытки синдицирования промышленности, объединения банков и т. д. Однако эти попытки наталкивались на сопротивление капиталистов и являлись по существу лишь средством обмана масс, симулированием какой-то деятельности якобы в интересах народа. Национализация банков, синдицированной промышленности, страхового дела могла быть осуществлена только диктатурой пролетариата. Этими мерами создавались командные высоты, база для начала планового социалистического строительства. Предательская политика и роль меньшевиков, эсеров и других партий, враждебных рабочему классу, вскрывалась особенно их отношением к лозунгу национализации банков. Разоблачение предательских действий врагов революции способствовало подготовке пролетарской революции.

Следующим важнейшим вопросом экономической платформы большевиков в области финансовой политики было обложение буржуазии. Требование отмены косвенных налогов и введения прогрессивно-подоходного налога являлось составной частью программных установок партии большевиков с самого начала ее существования.

Ленин в обращении «К деревенской бедноте» (1903 г.), подробно разъясняя программу РСДРП, очень большое значение придавал налоговой политике. Разобрав сущность косвенных налогов, как налогов на бедных, Ленин писал: «И вот, социал-демократы требуют отмены косвенных налогов и установления прогрессивного налога на доходы и наследства». Разъясняя эту формулировку программы партии, принятой II съездом, Ленин продолжал:

«Такой налог, подоходный, или, вернее, прогрессивно-подоходный налог, был бы гораздо справедливее косвенных налогов. Социал-демократы и добиваются поэтому отмены косвенных налогов и учреждения прогрессивно-подоходного налога. Но понятное дело, что все собственники, вся буржуазия не хочет этого и противодействует этому. Только крепкий союз деревенской бедноты с городскими рабочими может отвоевать у буржуазии это улучшение»[1].

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. V, стр. 295.

В дальнейшем Ленин неоднократно возвращался к вопросу о налогах. В России не было подоходного налога, в ней не публиковались данные о росте богатств помещиков и капиталистов. Ленин вынужден был использовать данные других стран, чтобы показать обнищание трудящихся в капиталистическом обществе и роль налогов в этом процессе. Требование отмены косвенных налогов было неотъемлемой частью лозунга введения прогрессивно-подоходного налога. Пользуясь данными американской статистики, Ленин распределил всю сумму косвенных налогов по количеству семей и полученный им результат сравнил с доходом рабочих и капиталистов. Оказалось, что «косвенных налогов рабочие платят по 7 копеек с рубля, а капиталисты по одной трети копейки. Рабочие платят пропорционально в 20 раз больше капиталистов» [1]. Некоторые либерально-буржуазные экономисты готовы были признать подоходно-прогрессивный налог, но совершенно обходили вопрос о размерах этого налога.

На примере подоходного налога в Америке можно было убедиться в том, что и при наличии этого налога значение косвенного обложения не снижалось. Такой подоходный налог был не настоящим, «игрушечным». Ленин доказывал, что эта мера, т. е. введение действительного прогрессивно-подоходного налога,

«...не затрогивая основ капитализма, дала бы сразу громадное облегчение девяти десятым населения; а, во-вторых, послужила бы гигантским толчком к развитию производительных сил общества вследствие роста внутреннего рынка и вследствие избавления государства от нелепых стеснений экономической жизни, вводимых для взимания косвенных налогов...

...Единственная трудность — классовая корысть капиталистов и существование недемократических учреждений в политическом строе буржуазных государств» [2].

Естественно, что введение действительно прогрессивно-подоходного налога возможно было лишь наряду с отменой коммерческой тайны и установлением рабочего контроля. Экономическая мощь буржуазии могла быть подорвана также путем установления высоких налогов на прирост имущества, косвенных налогов на предметы роскоши и др. По поводу налогов товарищ Сталин писал:

«Партия требует... полной демократизации финансового хозяйства и — в первую голову — беспощадного обложения капиталов и имуществ и конфискации скандальных военных барышей» [3].

Борьба за отмену косвенных налогов, падающих на трудящихся, и за введение действительного прогрессивно-подоходного обложения входила в общий план борьбы за победу социалистической революции.

Платформа большевистской партии выдвигала требование аннулировать иностранную задолженность и ликвидировать внутренний долг, с учетом интересов малоимущих держателей государствен-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XVI, стр. 462.

[2] Там же, стр. 463.

[3] И. В. Сталин, Газета „Рабочий", № 4 от 10 сентября 1917 г.

ных займов. Партия боролась с попытками Временного правительства, связанного договорами с иностранными империалистическими державами, получить новый заем (прежде всего у Америки) для продолжения грабительской войны. Временное правительство преклонялось перед иностранной буржуазией. По поводу мифического пятимиллиардного займа у Америки было произнесено много восторженных речей. Буржуазные министры твердили, что заем выведет страну из финансового краха. Между тем, иностранные займы могли только дальше закабалить народы России и втянуть страну в дальнейшие авантюры. В статье «Американские миллиарды»[1] товарищ Сталин, анализируя результаты Московского совещания (с участием правительства, кадетов и оборонцев), которым были одобрены мероприятия Временного буржуазного правительства, направленные к размещению на американском рынке 5-миллиардного займа, писал:

«...Ответ ясен. Коалиция будет существовать на американские миллиарды, за которые придется потом отдуваться русским рабочим и крестьянам.

Американская империалистическая буржуазия, финансирующая коалицию русской империалистической буржуазии (Милюков!), военщины (Керенский!) и мелкобуржуазных верхов, лакейски услуживающих «живым силам» России (Церетели!)—вот она, картина нынешнего положения.

«Симпатии» американского капитала к Московскому совещанию, подкрепленные пятимиллиардным займом, — не этого ли добивались господа, созвавшие совещание?...

Когда-то говорили в России, что свет социализма идет с Запада. И это было верно. Ибо там, на Западе, учились мы революции и социализму.

С открытием революционного движения в России положение несколько изменилось.

Еще в 1906 г., когда революция еще развивалась в России, Запад помог царской реакции оправиться, ссудив ей 2 миллиарда. И царизм действительно окреп тогда ценой нового финансового закабаления России Западу.

По этому случаю замечали тогда, что Запад ввозит в Россию не только социализм, но и реакцию в виде миллиардов.

Теперь раскрывается перед нами более красноречивая картина. В момент, когда русская революция напрягает силы для отстаивания своих завоеваний, а империализм старается добить ее, — американский капитал снабжает миллиардами коалицию Керенского—Милюкова—Церетели, для того, чтобы, обуздав в конец русскую революцию, подорвать разростающееся на западе революционное движение».

Чтобы подавить революционное движение в России, на помощь отечественной буржуазии выступила иностранная буржуазия. Партия большевиков боролась против новых займов и за ликвидацию

---

[1] Газета „Пролетарий", № 6 от 1 сентября 1917 г., Сборн. „На путях к Октябрю", стр. 170 — 172.

государственного долга. Большевики боролись против выпуска нового займа, так называемого «Займа свободы». Товарищ Сталин охарактеризовал этот заем, как заем против свободы. В статье от 24 апреля 1917 г. товарищ Сталин сопоставил две резолюции, оценивающие этот заем, — резолюцию меньшевистско-эсеровских советов с резолюцией рабочих механического отдела Российско-Балтийского чугунного завода:

«Первая без критики принимает «заем свободы», как таковой, как заем в пользу свободы.

Вторая — определяет «заем свободы», как заем против свободы, ибо он «заключается с целью продолжения братоубийственной бойни, выгодной лишь империалистической буржуазии» [1].

На этой основе партия большевиков мобилизовала массы против новых займов — и внешних и внутренних — против дальнейшего закабаления трудящихся, мобилизовала на борьбу за ликвидацию государственного долга, за раскрепощение трудящихся. Как известно, ни внешний, ни внутренний займы успеха не имели.

Таковы основные финансовые вопросы, выдвинутые партией большевиков.

Экономическая платформа большевиков давала ясное последовательно-революционное направление борьбе с хозяйственной катастрофой, с буржуазией, борьбы за диктатуру пролетариата. Она резко противостояла всяким «платформам» других партий. Программы буржуазных партий были направлены к тому, чтобы помочь капиталистическому правительству выйти из кризиса. Они были направлены на то, чтобы любой ценой, даже путем отдельных уступок, отстоять главное — капитализм. Из этого основного положения вытекали конкретные установки. Было ясно, что ни кадеты, ни меньшевики, ни эсеры, ни все они, вместе взятые, не могли найти выход из кризиса, из разрухи и что их политика вела лишь к расширению и углублению хозяйственного хаоса в стране.

Ленин в статье «Задачи революции» в сентябре 1917 г. писал, что оставить у власти буржуазию «...это значит открыть настежь двери, с одной стороны, голоду и неминуемой хозяйственной катастрофе, которую капиталисты умышленно ускоряют и обостряют, а, с другой стороны, военной катастрофе...» [2].

И единственно лишь большевистская партия, вскрывая основную установку всех других партий — сохранение капитализма, сохранение эксплоатации трудящихся, выдвигала революционную программу борьбы с надвигающимся крахом, программу борьбы за пролетарскую революцию.

Экономическая платформа большевиков выражала стремления рабочего класса и трудящихся масс крестьянства. Каждый пункт этой платформы был злободневным, понятным трудящимся массам, отличался необычайной четкостью, ясностью и конкретностью.

---

[1] „Правда" № 29 от 11/24 апреля 1917 г., Сборник „На путях к Октябрю", ГИЗ, 1925 г., стр. 17 — 18.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. XXI, стр. 222.

Каждый пункт экономической платформы большевиков был боевым лозунгом, вокруг которого сплачивалась политическая армия борцов за пролетарскую революцию.

«...каждый лозунг, любое практическое предложение являлись только частью общей платформы, цельной и стройной схемы, вся основа, вся суть которой сводилась к установлению диктатуры пролетариата.

Осуществление программных требований партии могло произойти только на основе диктатуры пролетариата, на основе уничтожения власти капиталистов и помещиков, на основе установления советской власти» [1].

---

[1] „История гражданской войны в СССР", т. I, стр. 230.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ И ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Великая Октябрьская социалистическая революция проходила под руководством и лозунгами, выдвинутыми партией большевиков. Под непосредственным руководством Ленина и Сталина партия большевиков правильно учла международную и внутреннюю обстановку в России и к осени 1917 г. произошла новая расстановка классовых сил. К октябрю в Петроградском и Московском советах партия большевиков уже имела большинство.

10 октября Центральный комитет партии принял по докладу Ленина историческое решение — начать вооруженное восстание. Для практического руководства всем восстанием 16 октября на расширенном заседании ЦК партии был избран Партийный центр во главе с товарищем Сталиным. Злейшие враги народа — террористы, убийцы и диверсанты Троцкий, Зиновьев и Каменев уже тогда, в период подготовки вооруженного восстания, творили черную измену, подло предавали революцию. «Они, так же, как и меньшевики, мечтали о буржуазной парламентарной республике и клеветали на рабочий класс, утверждая, что у него нет сил для осуществления социалистической революции, что он еще не дорос до взятия власти» [1]. На срыв революции было направлено и контрреволюционное предложение Троцкого — ждать до открытия II съезда Советов, «что означало — затянуть дело восстания, заранее расшифровать день восстания, предупредить об этом Временное правительство» [1]. Эти презренные враги народа выдали буржуазии партийную тайну о подготовке и сроке восстания, помогая ее попыткам разгромить партию большевиков.

Но никакие силы не могли остановить победоносного шествия революции. Ленин и Сталин вели рабочий класс к захвату власти. Наступал момент революционной ситуации. 24 октября в письме к членам ЦК партии Ленин писал, что положение критическое, власть буржуазии должна быть свергнута только сегодня и что всякое промедление смерти подобно. Буржуазия собирала силы, организовывалась, чтобы подавить революцию.

Партия во главе с Лениным и Сталиным разоблачила предателей — Зиновьева, Каменева, Троцкого — этих подлых провокаторов, стремившихся к победе буржуазии и сохранению капитализма

[1] „История ВКП(б)", стр. 196.

в России. Большевики еще с большей энергией готовили массы к наступлению.

Военно-революционные комитеты Петроградского, Московского и других Советов рабочих и солдатских депутатов стали органами вооруженного восстания. Захват государственной власти, который был совершен в Петрограде и затем в Москве, обеспечивал победоносный ход революции в стране. Утром 25 октября (7 ноября) 1917 г. Военно-революционный комитет Петроградского совета выпустил составленное Лениным обращение «К гражданам России», в котором говорил, что буржуазное Временное правительство низложено и что государственная власть перешла в руки Советов. В тот же день вечером в Смольном открылся II Всероссийский съезд Советов. Этот съезд явился первым съездом Советов, олицетворявшим верховную власть в стране диктатуры пролетариата.

С этого момента с революционной последовательностью началось осуществление программных требований партии. Твердой рукой партия большевиков под руководством Ленина и Сталина выводила страну из надвигавшейся катастрофы. II Всероссийский съезд Советов, приняв декрет о мире, предложил «всем воюющим народам и их правительствам немедленно начать переговоры о справедливом демократическом мире». Этим полностью было выражено стремление советской власти немедленно покончить с империалистической войной и заключить мир, которого добивались измученные войной трудящиеся массы. Декларируя в декрете мир без аннексий и контрибуций, самоопределение и полное равноправие наций, отмену тайных договоров, осуществляя революционный выход из войны, советская власть наносила удар мировому империализму.

Принятый съездом декрет о земле показал крестьянству, что только Советы, как органы диктатуры пролетариата, способны до конца разрешить аграрный вопрос. Декрет гласил, что «помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа». По общекрестьянскому наказу, принятому в основу декрета, «право частной собственности на землю отменялось навсегда и заменялось всенародной, государственной собственностью на землю. Помещичьи, удельные и монастырские земли передавались в безвозмездное пользование всех трудящихся.

Всего крестьянство по этому декрету получило от Октябрьской социалистической революции более 150 миллионов десятин новых земель...

Крестьяне освобождались от ежегодных арендных платежей помещикам в сумме около 500 миллионов рублей золотом.

Все недра земли (нефть, уголь, руда и т. д.), леса, воды переходили в собственность народа»[1].

Установление советской власти в городе и на селе означало победу пролетарской революции в России и создание государства нового типа. Его задачей являлось подавление сопротивления

---

[1] „История ВКП(б)", стр. 200.

свергнутых эксплоататорских классов, слом старого государственного аппарата управления и создание нового, организация армии пролетарского государства для поражения внутреннего и внешнего врага, строительство социалистического общества.

Декретом от 23 ноября об уничтожении привилегированного положения сословных и гражданских чинов и 5 декабря о суде было ликвидировано привилегированное положение дворянства, чиновничества и церкви. Декретом от 24 декабря было изъято дело просвещения из духовного ведомства и передано в Наркомат по просвещению. Декретом от 5 февраля 1918 г. церковь была отделена от государства. Все эти мероприятия явились в значительной части использованием положительного опыта Парижской Коммуны.

Огромные усилия были направлены на то, чтобы сломать старую буржуазно-феодальную государственную машину, преодолеть саботаж подкупленных буржуазией чиновников старых министерств и других учреждений, создать советские аппараты управления и народные комиссариаты.

Саботаж действовал, главным образом, в самых важнейших, наиболее уязвимых местах, какими были продовольственное дело, банки, финансовая система и т. п.

Условия, в которых приходилось осуществлять революционное переустройство общества на социалистических началах, были очень тяжелыми. Значительная часть фабрик и заводов бездействовала, транспорт был парализован, почтово-телеграфная связь нарушена, продовольствие исчезло. Преодолевая сопротивление врагов рабочего класса, партия Ленина—Сталина проводила социалистические мероприятия, намеченные экономической платформой большевиков.

14 ноября 1917 г. был издан декрет о рабочем контроле, была отменена коммерческая и банковая тайна. Декретом от 18 декабря 1917 г. был создан Высший совет народного хозяйства, на который было возложено, как на орган пролетарской диктатуры, руководство экономической жизнью страны.

1. Значение национализации банков

Для осуществления экономической платформы большевизма одним из важнейших вопросов был вопрос о национализации банков. Для успешного проведения этого мероприятия необходимо было полностью учесть опыт Парижской Коммуны, явившейся прообразом диктатуры пролетариата.

Крупнейшей политико-экономической ошибкой Парижской Коммуны в области финансов было то, что она оставила в руках буржуазии банки — одно из сильнейших орудий борьбы с Коммуной. По этому поводу Энгельс писал: «Труднее всего, конечно, понять теперь ее благоговение, с которым она почтительно остановилась перед дверью Французского банка. Это было и политически крупной ошибкой. Банк в руках Коммуны имел больше значения, чем 10 000 заложников. Это заставило бы всю французскую буржуазию

оказать давление на версальское правительство в интересах мира с Коммуной»[1].

Коммуна испытывала острейшую нужду в деньгах. Осажденный Париж напрягал все силы для отражения врагов. Коммуна нуждалась в больших средствах на оборону, на создание своей армии, на помощь населению, на возобновление работы предприятий. Между тем, в Париже, во Французском банке, находилось на 2 980 млн. франков различных ценностей, из которых на 1 061 млн. было наличными деньгами[2]. К тому времени Французский банк представлял собой большую силу, являясь центральным банком страны. Банк не был подчинен Парижской Коммуне. Больше того, он действовал против Коммуны, находясь фактически в руках версальцев. Его директора выполняли прямые указания контрреволюции из Версаля.

Попытки Коммуны использовать банк в целях революции были нерешительны и непоследовательны. Коммуна наталкивалась на самые различные формы сопротивления. Контрреволюция подкупила и использовала для противодействия Коммуне часть чиновников банка, создала вооруженную охрану банка. Коммуну на каждом шагу обманывали; когда она потребовала выдать драгоценности банка, их спрятали, а Коммуна не произвела обыска. Чтобы предотвратить возможность печатания Коммуной денежных знаков, банк вывез в Версаль все клише. Даже когда Коммуна наладила чеканку монеты, она настолько доверялась банку, что полученные после настойчивых требований слитки — уже в виде монеты — возвращались в банк.

Стремясь оттянуть время, руководство банка придумывало различные доводы против подчинения банка Коммуне. В числе доводов фигурировали и необходимость хранения банковой тайны, и угроза обесценения денег, находящихся в руках у населения Парижа, и предупреждение неминуемости национального бедствия при захвате банка и многие другие. Совет банка категорически воспротивился намерению Коммуны назначить в банк своего директора. Коммуна не настаивала и послала в банк делегата Белэ, оказывая ему безграничное доверие и предоставляя ему полную самостоятельность. Белэ был прудонистом, и буржуазия фактически прибрала его к своим рукам. Он вместе с руководством банка стал бороться против стремления многих членов Коммуны подчинить банк. Он распинался в Коммуне за сохранение банка «нейтральным», за «уважение» к банку, приводя всякие доводы, нашептанные ему агентами буржуазии. Эти доводы находили отклик у части членов Коммуны — бланкистов и прудонистов. Поэтому версальцам и удалось сохранить свои капиталы, сосредоточенные во Французском банке.

Даже из той небольшой суммы денег (16 690 тыс. фр.), которая была получена Коммуной из банка, большая часть (9 400 тыс. фр.) была выдана из остатка, числившегося в банке к моменту револю-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 353.

[2] „Парижская Коммуна 1871 г. в документах и материалах", Л.—М., 1925 г. Из показаний вицедиректора Французского банка маркиза Де-Плек.

ции на счете города Парижа. Между тем, банк систематически и крупными партиями переправлял деньги в Версаль. Находясь в Париже, он финансировал собирание контрреволюционных сил в Версале.

Парижская Коммуна имела огромное историческое значение. Она провела ряд таких революционных мероприятий, которые сделали ее прообразом диктатуры пролетариата. Но она совершила и крупные ошибки. В докладе на международном митинге в Женеве 18 марта 1908 г. Ленин, анализируя ошибки Коммуны, говорил:

«Пролетариат остановился на полпути: вместо того, чтобы приступить к «экспроприации экспроприаторов», он увлекся мечтами о водворении высшей справедливости в стране, объединяемой общенациональной задачей; такие, например, учреждения, как банк, не были взяты, теории прудонистов насчет «справедливого обмена» и т. п. господствовали еще среди социалистов» [1].

Подводя итоги периода Парижской коммуны, Ленин продолжал: «Как ни велики жертвы Коммуны, они искупаются значением ее для общепролетарской борьбы: она всколыхнула по Европе социалистическое движение, она показала силу гражданской войны, она рассеяла патриотические иллюзии и разбила наивную веру в общенациональные стремления буржуазии. Коммуна научила европейский пролетариат конкретно ставить задачи социалистической революции. Урок, полученный пролетариатом, не забудется» [1].

Предсказания Ленина полностью сбылись в Великую Октябрьскую социалистическую революцию в СССР. Советское правительство, используя опыт Парижской Коммуны и создавая командные высоты диктатуры пролетариата, прежде всего принялось за банковскую систему.

С момента революции все частные банки закрылись. Хотя служащие и директора являлись в банки, однако двери банков для публики не открывались. Банки по чекам предприятий денег не выплачивали; это приводило к задержке выплаты заработной платы рабочим. Поэтому уже через пять дней после свержения власти капиталистов и помещиков — 12 ноября 1917 г. — за подписями Ленина и Менжинского было издано постановление об открытии банков со следующего дня. В постановлении Совета народных комиссаров говорилось, что в случае, если банки не будут открыты и не будут выдавать деньги по чекам, директора и члены правлений будут арестованы, и во все банки будут назначены комиссары правительства, которые обеспечат выдачу денег по чекам с печатью фабрично-заводского комитета. После этого все банки сразу открылись.

Некоторое время спустя выяснилось, что и в коммерческих банках, и в Государственном банке в особенности со стороны высшего чиновничества развернулся исключительный саботаж мероприятий советской власти.

В воззвании к населению Ленин писал по поводу саботажа:

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XII, стр. 163.

«Вполне понятно, что помещики и капиталисты, высшие служащие и чиновники, тесно связанные с буржуазией, одним словом, все богатые и тянущие руку богатых встречают новую революцию враждебно, сопротивляются ее победе, грозят прекращением деятельности банков, портят или прекращают работу разных учреждений, мешают ей всячески, тормозят ее то прямо, то косвенно. Всякий сознательный рабочий прекрасно понимает, что такое сопротивление мы встретим неизбежно, вся партийная печать большевиков указывала на это много раз. Трудящиеся классы ни на минуту не испугаются этого сопротивления, ни капельки не дрогнут перед угрозами и забастовками сторонников буржуазии.

За нами большинство народа. За нами большинство трудящихся и угнетенных во всем мире. За нами дело справедливости. Наша победа обеспечена.

Сопротивление капиталистов и высших служащих будет сломлено» [1].

2. Захват и подчинение Государственного банка и казначейства

Прежде всего во весь рост встала задача овладения советской властью Государственным банком. От подчинения Государственного банка советской власти зависело введение контроля над всей кредитной системой и затем — национализации банков. Захват Государственного банка и превращение его из орудия буржуазии в орудие пролетариата означали шаг вперед к национализации банков. От захвата Государственного банка, как центрального эмиссионного банка страны, и освоения его работы зависела возможность регулирования советской властью денежного обращения, использования средств на нужды государства и т. п. Но овладение всесторонне банковской работой затруднялось злостным саботажем со стороны верхушки банковских служащих.

Непосредственно после Октябрьской революции на собрании товарищей министра финансов, директоров департаментов и начальников отделов Госбанка была вынесена резолюция, в которой заявлялось об отказе подчиняться советской власти и входить в служебные отношения с ее представителями. Затем они отказались выполнять распоряжения уполномоченного правительства — заместителя Наркомфина, в частности, предписание правительства отделу кредитных билетов о выдаче уполномоченному правительства 25 млн. руб. «Руководство» банка придумало в оправдание своего поступка «мотивировку»: Центральное управление банка своего оборотного капитала не имеет, а весь разменный капитал отдела кредитных билетов предназначен исключительно для подкрепления разменного капитала контор и отделений и никакие изъятия из него недопустимы. После повторного распоряжения правительства высшее чиновничество банка объявило забастовку.

Советское правительство приняло ряд срочных мер. 21 ноября по докладу тов. Менжинского о саботаже чиновников Госбанка ВЦИК

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXII, стр. 54—55.

констатировал, «что старшие чиновники Министерства финансов и Государственного банка, не признающие советской власти, произвольно распоряжаются достоянием казначейства и Государственного банка, выдавая кредит в одних случаях и в других отказывая Совету Народных Комиссаров в кредитах на самые неотложные и жгучие потребности, прежде всего, на принятие экстренных мер в деле обеспечения продовольствием на фронте...».

Расценивая поведение старших чиновников министерства финансов и, в частности, Государственного банка и государственного казначейства как «преступный саботаж, последствия которого могут самым губительным образом отразиться на существовании миллионов солдат, крестьян и рабочих...», ЦИК предложил Совету народных комиссаров «принять самые энергичные меры для немедленной ликвидации саботажа и контрреволюционеров государственного банка» и призвал «всех остальных служащих, верных делу народа, оказать Советской власти всестороннее содействие в деле обеспечения государственной работы необходимыми денежными средствами» [1]. Продолжение саботажа привело к изданию постановления СНК от 24 ноября за подписями Ленина и Менжинского об увольнении ряда высших чиновников министерства финансов и Госбанка и затем приказа о назначении комиссара на правах управляющего банком.

Затем последовал приказ тов. Менжинского по министерству финансов от 25 ноября 1917 г. о том, что «все служащие и чиновники, не признающие власти Совета Народных Комиссаров, считаются уволенными со службы... служащие и чиновники, желающие продолжать работу и всецело подчиняться революционной власти Совета Народных Комиссаров, должны в понедельник (т. е. 13 (26) ноября) приступить к занятиям» [2].

Несмотря на все приказы и предупреждения, реакционное чиновничество Госбанка, руководимое из единого контрреволюционного центра, объявило забастовку. На работе в банке осталась только часть служащих. Из-за саботажа невозможно было получить необходимые для революции средства.

Такое положение продолжаться не могло. Сроки выплаты заработной платы рабочим приближались. Тогда Совет народных комиссаров за подписями Ленина и Сталина издал декрет, которым предоставил право комиссару Госбанка производить выдачу средств на заработную плату всем предприятиям, по соответствующим документам, из кассы Петроградской конторы за счет Госбанка. Этим же декретом было предписано выполнить прежнее постановление СНК о выдаче 25 млн. руб. из той же кассы. СНК обязал комиссара Госбанка выдавать эти деньги по ордерам особо уполномоченных СНК в пределах суммы аванса «... не проводя, до восстановления всех операций Банка, таких выдач по книгам конторы и замещая

---

[1] ЦАОР, фонд 1235, опись 17, дело № 7, лист 11.

[2] „Газета Рабочего и Крестьянского правительства", Петроград, 25 ноября, 1917 г., № 9.

в оборотной кассе документами соответствующее количество денежных знаков» (декрет).

Декрет от 30 (17) ноября имел огромное значение. Увольнением саботирующей «головки» Петроградской конторы Госбанка и предоставлением права комиссару Госбанка производить выдачи из кассы Петроградской конторы создавалась возможность преодоления саботажа. К концу того же дня в счет аванса были получены первые 10 млн. руб.

Наряду с этим Военно-революционный комитет принимал меры к подчинению Государственного банка пролетарской диктатуре. Военно-революционный комитет в своем приказе указывал, что «продолжение преступного саботажа грозит неисчислимыми бедствиями беднейшему населению республики, чего никоим образом не может допустить революционный народ, а потому для прекращения саботажа чиновничества Военно-революционный комитет требует, чтобы чиновники Государственного банка и всех казначейств немедленно приступили к занятиям. Неисполнение настоящего приказа грозит тяжелыми последствиями для саботирующих...» [1].

Могучей рукой пролетарской диктатуры ломался саботаж. Военно-революционный комитет осуществил захват Государственного банка. На призыв Комитета откликнулась основная масса служащих, и при их помощи комиссары, назначенные для руководства банком, начали организовывать новый аппарат нового советского банка. Государственный банк превращался в орудие диктатуры пролетариата, в одну из ее командных высот. Захват Государственного банка являлся значительной победой советской власти. До захвата в нем совершенно бесконтрольно распоряжались агенты контрреволюционной буржуазии и средства выкачивались на борьбу против советской власти. Захват Государственного банка подрывал финансирование организованного буржуазией саботажа почти во всем государственном аппарате.

В этом смысле показательны обнаруженные значительно позднее протоколы заседаний недобитых остатков буржуазного Временного правительства, стремившегося организовать борьбу против советской власти [2]. Эти заседания происходили тайно в период с 6 по 16 ноября (по нов. стилю) 1917 г. в составе нескольких бывших министров и товарищей министров бывшего Временного правительства, находящихся на свободе. Они занимались, главным образом, организацией саботажа чиновничьего аппарата и хищением государственных средств для финансирования контрреволюции. Именно эта контрреволюционная организация наряду с другими представляла для советской власти опасность, так как она имела свою агентуру среди значительной части чиновничества учреждений, захваченных советской властью, и фактически держала в своих руках некоторые учреждения, которые советская власть еще не успела захватить.

Используя своих агентов в контрреволюционных целях, «испол-

---

[1] „Газета Рабочего и Крестьянского правительства" от 1 декабря 1917 г. № 01.

[2] „Красный архив", т. VI, Центроархив, 1925 г.

няющие обязанности» начали выкачивать наличные средства из кассы Государственного банка. Не решаясь называть вещи своими именами при мотивировке различных ассигнований, они придумывали «благовидные» поводы. Каждое заседание начиналось докладами о Государственном банке и казначействе. Отсюда ясно, какое большое значение придавалось ими сохранению влияния на Государственный банк и казначейство. «Исполняющие обязанности» не удовлетворялись изъятием наличных денег. Они сделали попытку использовать и эмиссионный аппарат в своих целях. 7 ноября они решают: «увеличить эмиссионное право Государственного банка на один миллиард рублей». Советская власть, овладев Государственным банком и государственным казначейством, расстроила планы этой контрреволюционной банды. Все же они сумели похитить из наличности Государственного банка примерно 40 млн. руб.

В следующие же после захвата дни начала налаживаться работа Государственного банка. С каждым днем все больше служащих возвращалось на работу. Уже 3 декабря 1917 г. была удовлетворена значительная часть клиентов, явившихся за деньгами. «Газета рабочего и крестьянского правительства» в № 17 сообщала, что 20 ноября «отдел текущих счетов частично работал и смог пропустить чеков на 2 млн. рублей, преимущественно на нужды армии, рабочих, инвалидов и продовольствия». Несмотря на неявку многих служащих и почти всего состава высшего чиновничества, операции банка развертывались. Выдачи из главной кассы Государственного банка в первые дни после захвата Государственного банка характеризуются следующими данными в тыс. руб.[1]:

Дата	Выдача	Остаток к началу дня	Поступило
29 ноября	10 337	19 175	—
30 „	6 544	8 838	20 000
1 декабря	8 412	22 294	—
2 „	5 230	13 882	—
3 „	14 414	7 952	20 000
4 „	30 058	13 538	40 000
5 „	10 030	23 480	1 476
6 „		14 926	

Как видно из приведенных данных, операции банка все расширялись. 5 декабря в кассу банка поступило 1 470 тыс. руб. не как подкрепление из отдела кредитных билетов, а в виде вкладов, что знаменовало собой налаживание работы банка. Сразу же по окончании открытого саботажа, 5 декабря, впервые начал функционировать отдел переводов. В разные города России было переведено 1 117 тыс. руб., из которых 650 тыс. руб. было внесено в банк на-

[1] „Газета Рабочего и Крестьянского правительства", от 11 декабря 1917 г., № 20.

личными деньгами. В этот же день было выплачено по переводным операциям наличными 354 тыс. руб. и оплачено много мелких чеков разных лиц.

С образованием новых штатов и назначением во все отделы комиссаров для организации их работы наряду с производившимися ранее операциями стали производиться и новые по специальным текущим счетам, обеспеченным процентными бумагами и векселями, переводные операции и т. д.

В тесной связи с Государственным банком находилось главное казначейство бывш. министерства финансов. Получение средств на государственные нужды в Госбанке было связано с проведением определенных операций в казначействе. Сопротивление, длившееся в течение нескольких дней, было сломлено.

Жалование саботирующим чиновникам не выплачивалось. Саботажники прибегали к самым разнообразным уловкам, чтобы заполучить средства. Предъявлялись требования на сотни тысяч рублей для выплаты «наградных», «за особые труды» и прочее, различным высшим чиновникам, на лечение болезней, на воспитание детей и на выезд семей этих чиновников из Петрограда по случаю его «разгрузки». Десятки тысяч были потребованы на жалование личному составу канцелярии Государственной Думы за ноябрь, 118 тыс. руб. ассигновано для выдачи «заштатного содержания» бывш. членам Государственного совета по назначению за ноябрь. Были ассигновки в 50 тыс. руб. на содержание бывш. членов Государственного совета, начиная с января 1917 г. Здесь обнаруживалось стремление наверстать потерянное, использовать для получения денег какую-либо зацепку. Для этих спешных требований характерной была ассигновка Главного военно-морского судебного управления в 20 540 руб. «для выдачи суточных денег председателю и членам комиссии по расследованию дела о генерале Корнилове и его соучастниках...». Были и другие ассигновки подобного же рода. Конечно, деньги саботажникам не выдавались. Захват и подчинение Государственного банка и казначейства способствовали ликвидации открытого саботажа.

Однако саботаж в финансовой системе не был уничтожен с одного удара. Побежденные в открытом столкновении агенты буржуазии в государственном финансовом аппарате продолжали скрытый саботаж еще очень долгое время. Кроме того, источники финансового питания контрреволюции не ограничивались Государственным банком и казначейством. Саботаж и борьбу с советской властью в финансовой области открыто проводили частные коммерческие акционерные банки.

Коммерческие банки в конце империалистической войны были центром кредитования промышленности. Промышленные ссуды на балансе Госбанка фигурировали в скромной сумме — 10,2 млн. руб., а ссуды сельскому хозяйству — в сумме 19 млн. руб. Из общей суммы баланса Госбанка на 23 октября 1917 г. в 24,2 млрд. руб. 15,5 млрд. руб. приходилось на учет краткосрочных обязательств государственного казначейства. Таким образом, возможность воздействия на коммерческие банки через Госбанк была невелика, хотя

в пассиве Госбанка и имелось текущих счетов на сумму в 2,5 млрд. руб., по большей части принадлежавших частным банкам.

Но, как уже указывалось, с момента революции все частные банки были закрыты. 9 и 10 ноября петроградские банки были открыты всего в течение одного часа. Они производили прием и выдачу денег по вкладам и текущим счетам и выдачи с кредитовых остатков специальных текущих счетов, переводы, инкассовые операции, допуск публики к сейфам. На совещании банков было решено выдавать наличными не более 10 тыс. руб., сверх чего выдавать чеки на Государственный банк. Так как некоторые чеки Государственным банком не были оплачены, 12 ноября банки не открывались. В эти несколько дней происходило самое безудержное и бесконтрольное выкачивание денег из частных банков и ценностей из сейфов. Средством борьбы с этим явилось введение рабочего контроля в области финансов на основе декрета от 12 ноября 1917 г.

Органы рабочего контроля следили за тем, чтобы предприятия были обеспечены деньгами, чтобы капиталисты не выкачивали денег из предприятий и тем самым не обескровливали их. Представители рабочего контроля добивались, чтобы на текущем счете предприятия всегда находилась сумма, достаточная для обеспечения нормального хода работы предприятия. Рабочий контроль устанавливал, какой суммой еженедельно или ежемесячно предприятие могло распоряжаться бесконтрольно, все же остальные расходы должны были производиться лишь с ведома комиссии, которая могла задержать уплату денег, когда она считала данный расход вредным для интересов предприятия и народного хозяйства в целом. Особенное внимание комиссии рабочего контроля обращали на выдачу денег совладельцам предприятий, так как тут открывалось широкое поле для злоупотреблений.

Банки в первую очередь должны были обеспечить выдачу со счетов средств на зарплату и притом только при наличии на чеках подписей представителей фабрично-заводских комитетов. Средства, имевшиеся у самих частных банков и выдававшиеся спустя некоторое время Госбанком частным банкам, должны были направляться на зарплату рабочим и в особенности на ликвидацию большой задолженности по зарплате.

Государственный банк призывал фабрично-заводские комитеты:

«Помогите комиссарам банка осуществить контроль денежных выдач. Для этого: 1) пришлите сейчас же в Государственный банк образцы оттисков печати ваших комитетов и подписей секретарей и председателей комитетов; 2) снабжайте всех артельщиков, получающих деньги для заводов и фабрик, удостоверениями на получение денег только в тех случаях, когда деньги действительно нужны заводу. Проверяйте действительную потребность в деньгах и указывайте в ваших удостоверениях: а) сумму денег, подлежащую выдаче; б) документ, по которому будет выдаваться эта сумма; в) цель, на которую пойдут деньги; г) не давайте хозяевам обмануть вас и во всех случаях, когда у вас будут требовать удо-

стоверения на получение денег, строго проверяйте, нет ли у хозяев или у правления заводов других источников для покрытия необходимых расходов»[1].

Так складывался рабочий контроль в результате декрета от 12 ноября 1917 г. и 15 декабря 1917 г.

Рабочий контроль встретил сильное сопротивление со стороны частных банков. 13 ноября совещание представителей частных банков, узнав, что Госбанк будет оплачивать лишь чеки, выписанные на зарплату для фабрично-заводских предприятий и для продовольственных организаций с отметкой фабзавкомов, решило отказаться от «частичных операций», указав на то, «что частные банки не могут делать одни выплаты, а от других воздерживаться и следует либо открыть банки, либо их вовсе не открывать»[2].

Хозяева банков с помощью своей агентуры — меньшевиков и эсеров, еще возглавлявших союз работников частных банков, организовали 14 ноября забастовку чиновников. Одновременно комитет банков, по поручению совещания, угрожал Государственному банку закрыть банки, если их чеки не будут беспрепятственно оплачиваться. Независимо от этого ультимативного требования, 14 ноября саботажники все же решили прекратить забастовку, если «в положении банков не произойдет изменений». Руководители частных банков стремились максимально использовать банковую систему в своих целях, понимая, что до тех пор, пока не захвачен Государственный банк, им бояться нечего.

Предвидя большие события, руководители петроградских частных банков на совещании 17 ноября обсуждали вопрос об объединении действий банков «в интересах текущих потребностей населения». Для всех банков подтверждается обязательность принятых совещанием решений. По существу создается организация, противопоставляющая себя советской власти. С 19 по 26 ноября банки были открыты. Они действовали в полном контакте с Госбанком до его захвата. День и час закрытия Госбанка были днем и часом закрытия частных банков. Затем частные банки присоединились к саботажу чиновников Госбанка: 27, 28 и 29 ноября они были закрыты. Очевидно, предвидя, что изо дня в день может осуществиться полное подчинение Госбанка правительству, стремясь к изъятию средств, находившихся в банках, совещание представителей — хозяев банков — прекратило забастовку, и с 1 декабря банки были открыты.

Спешно происходит изъятие денег. Официально объявляется, что выдачи наличными по текущем счетам и по кредитовым остаткам специальных текущих счетов производятся с ограничением сумм до 1 000 руб. для частных лиц и до 20 000 руб. — для фабрично-заводских и других предприятий. К 7 декабря все средства банков были исчерпаны. 8 декабря, в день выплаты зарплаты, банки открылись, выдали чеки на Госбанк и закрылись.

Не имея еще никакой договоренности с Госбанком, частные бан-

---

[1] „Рабочий контроль", Петроград, 1918 г.

[2] „Бюллетень комитета съездов акционерных коммерческих банков", 1917 г.

ки, осуществляя контрреволюционную политику, разбазарили свои средства и перенесли всю тяжесть выплаты на Госбанк, которым только овладело пролетарское государство. Затем до 12 декабря банки были закрыты. К этому времени в Москве частные банки продолжали операции на условиях, предъявленных Московской конторой Государственного банка. Госбанк ежедневно выдавал 10 млн. руб., которые распределялись совещанием банков. 13 декабря 1917 г. в Петроградской конторе Госбанка было созвано совещание представителей частных банков для согласования с Госбанком их работы в области кредитования промышленности и для уточнения вопроса о подкреплении банков денежной наличностью.

Государственный банк согласен был предоставлять частным банкам наличность при соблюдении ряда условий. Чтобы иметь информацию о состоянии касс частных банков, Госбанк требовал представления ему ежедневных справок о состоянии касс и кассовых ведомостей с полным обозначением характера каждой выдачи. Госбанк мог отпускать ежедневно по чекам всех коммерческих банков 8 млн. руб., причем эту сумму между отдельными банками распределял комитет банков. Госбанк требовал, чтобы выдачу наличными сверх 1 000 руб. банки производили только на производственные цели. Чеки на Государственный банк могли выдаваться на суммы, превышающие 2 000 руб. Чеки должны быть именными и сопровождаться особым заявлением клиента о том, кем деньги берутся, с какого счета и для какой надобности. Эти заявления передавались Государственному банку, который оплачивал выписанные на него чеки лишь по истечении четырех дней по поступлении заявления и чека. Подробные сведения должны были даваться об имеющихся в распоряжении банков ценных бумагах, облигациях и пр.; требовалась также точная информация о том, в каких правлениях акционерных обществ банки имеют своих представителей и какие они занимают должности.

Государственный банк напоминал всем частным банкам, что коммерческой и банковской тайны больше не существует и что Совет народного хозяйства имеет право посылать своих представителей, с участием представителей Государственного банка, в любой частный банк для просмотра всех книг и документов. Условия, предъявленные Государственным банком частным банкам, вытекали из контроля над их деятельностью и подготовляли национализацию банков. Система выдачи средств по директивам и разрешению комиссаров Госбанка в пределах установленных лимитов представляла собой подход к национализации всей банковой системы. 14 декабря банки были закрыты. 15 декабря частные банки согласились действовать на условиях, выдвинутых Госбанком. Были распределены первые 10 млн. руб., полученных из Госбанка. Норма еженедельной выдачи денег была установлена в 50 млн. руб., из которых в первый день недели выдавалось 10 млн. руб., а в последующие — по 8 млн. руб. Распределение денег производилось по соглашению с совещанием банков. С 17 декабря банки были открыты.

Частные банки, вынужденные принять условия, выдвинутые Госбанком, вступили на путь изыскания способов самостоятельной

эмиссии денежных знаков, помимо Госбанка, пытаясь таким путем освободиться из-под его влияния и контроля. Эта их попытка закончилась крахом.

30 ноября 1917 г. совещание банков выносит решение о необходимости образования Союза российских банков. Этот Союз, предполагалось, выпускает особые чеки на предъявителя в круглых суммах, которые беспрепятственно принимались бы всеми банками по всем операциям. Союзу открываются во всех банках текущие счета, и чеки Союза акцептуются банками. Ответственность по всем операциям Союза банки принимают на себя. В течение года по заключении мира чеки разменяются на кредитные билеты. Такой вкратце была «идея» петроградских банкиров. Иначе говоря, делалась попытка организовать монополистическое кредитное объединение с эмиссионным правом под видом выпуска банковых чеков в обращение. Им мог быть лишь частный центральный эмиссионный банк, противостоящий Государственному банку и советской власти.

Поразительна поспешность, с которой стремились банковские дельцы осуществить это дело. 30 ноября выносится решение о составлении проекта договора между банками о выпуске чеков. 2 декабря и в последующие дни — 4, 5, 8, 9, 10 декабря — проект был обсужден и создана организационная комиссия. 13, 15, 18, 20 и 21 декабря оргкомиссия решила все вопросы, включая выбор помещения для Союза банков, подбор кадров, систему книг для учета и пр. Больше всего времени отняли вопросы, связанные с выпуском чеков (их форма, система учета эмитированных чеков, изучение опыта Русско-Китайского банка, производившего учет операций эмиссии банкнот). Характерная деталь: подсчитали, что для учета чеков, предполагавшихся к выпуску, с самого начала эмиссии понадобится не менее 200 000 страниц в нумерационных книгах. Размах у банкиров был поистине громадный!

Банковые заправилы, еще не развернув своей «деятельности», ограничили круг участников дележа добычи от эмиссионной операции. В члены Союза российских банков по «техническим» соображениям могли войти только петроградские и московские банки; остальным предоставлялась возможность пользоваться кредитом у столичных банков.

О Союзе банков вскоре стали писать газеты. «Торгово-промышленная газета» в № 236 от 11 декабря 1917 г. сообщала: «В целях частичного облегчения денежного обращения, в виду отсутствия денежных знаков, среди частных кредитных учреждений возник вопрос об образовании Союза российских банков, при помощи которого можно будет выпускать, под обеспечение депонированных банками ценностей, особые чеки на предъявителя в круглых суммах; эти чеки дают возможность размена на кредитные билеты в течение какого-либо срока, а до того принимаются банками в уплату следуемых им денежных сумм по всем операциям.

Союзу открываются в банках текущие счета, и чеки, подписанные союзом, будут снабжены акцептом банков. По операциям Союза банки несут круговую ответственность». И далее: «Ныне эта идея вступила в стадию осуществления; 27 петроградскими банками

образован консорциум для выпуска особых чеков на круглые суммы, обеспеченных солидарной ответственностью всех банков — участников и особым депозитом из процентных бумаг. Чеки эти будут разверстаны между банками пропорционально величине их вкладов. Для выработки их объявлен конкурс, и через несколько недель банками будут выпущены эти новые денежные суррогаты, которые будут ими приниматься в уплату наравне с государственными деньгами».

Вскоре в «Вестнике промышленности» в № 4 (18) за 1918 г. промелькнуло сообщение о том, что «боны-чеки были напечатаны на один миллиард рублей частными коммерческими банками для удовлетворения клиентов по вкладам и текущим счетам. Выпуску этих бонов помешал захват банков и национализация их». Частные акционерные коммерческие банки в своих поползновениях зашли очень далеко. Могучей рукой пролетарского государства 27 декабря была произведена национализация банков, и преступная деятельность банковских заправил была прекращена.

3. Национализация банков

На III съезде Советов в январе 1918 г. Ленин, излагая процесс овладения банковой системой, говорил: «Это тонкие и сложные органы, они выросли веками, и на них направлены были первые удары Советской власти, которая встретила сначала отчаянное сопротивление в Государственном банке. Но это сопротивление не остановило Советской власти. Нам удалось основное в организации Государственного банка, это основное в руках рабочих и крестьян, и от этих основных мер, которые еще долго придется разрабатывать, мы перешли к тому, чтобы наложить руку на частные банки» [1].

Национализация банков являлась абсолютно необходимой, ибо она целиком вытекала из существа экономической политики советской власти. Овладение Государственным банком и введение рабочего контроля в частных банках должно было обеспечить влияние государства на ход банковых операций и создавало основу для временного соглашения государства с банками. Период рабочего контроля в банках мог продлиться несколько месяцев (это зависело от многих обстоятельств внутреннего и внешнего положения страны), что было экономически возможно и облегчило бы организационно технический процесс национализации банков. Соглашение с частными банками, т. е. предоставление им возможности совершать кредитные операции на определенных условиях, нисколько не снимало вопроса о национализации банков. Поэтому, естественно, что упорное сопротивление рабочему контролю, оказанное частными банками, привело к необходимости ускорить национализацию частных коммерческих банков.

Оценивая период контроля над частными банками, Ленин разъяснял, почему ускорилась национализация: «Мы хотели идти по

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXII, стр. 214.

пути соглашения с банками, мы давали им ссуды на финансирование предприятий, но они затеяли саботаж небывалого размера, и практика привела нас к тому, чтобы провести контроль иными мерами» [1]. Этими «иными мерами» и была национализация банков.

Каким же образом можно было осуществить национализацию банков? Прежде всего необходимо было национализировать петроградские банки, ибо именно в Петрограде были сосредоточены крупнейшие банки России. Известно было, что в общей сумме балансов всех частных коммерческих банков России решающее место занимали петроградские, а за ними московские банки. Так, на 1 марта 1917 г. баланс русских банков имел следующий вид [2].

	Сумма (в млн. руб.)	В %%
Сумма баланса всех банков России	13 867	100,0
Баланс петроградских банков	10 468	75,5
„ московских банков	2 797	20,2
„ всех остальных банков России	602	4,3

Можно ли было сначала выработать декрет о национализации банков, дождаться Учредительного собрания, — лишь тогда внести законопроект и тем самым широко оповестить буржуазию об этом мероприятии, предоставить ей возможность организоваться против национализации, изъять из банков ценности? Конечно, нет. Это было бы, по словам Ленина, отменой социализма, это было бы только на пользу буржуазии, во вред пролетариату. Вся обстановка первых месяцев революции, саботаж буржуазии и буржуазной интеллигенции, глубочайшая разруха, в которой находилась страна, требовали боевых, решительных способов борьбы с контрреволюцией, подрыва ее экономической мощи путем революционного овладения командными высотами народного хозяйства.

Враги народа всячески пытались сорвать национализацию банков. Разоблаченный впоследствии подлый агент иностранных разведок троцкист Пятаков выступил с утверждением, что после овладения Государственным банком не нужно прибегать к вооруженной силе для подчинения частных банков государству. Достаточно только прекратить снабжение их денежными средствами. Эта «установка» вела к оставлению в руках буржуазии банков, каждый из которых являлся тогда очагом контрреволюции. Государственный банк мог бы только пассивно созерцать их «деятельность», и, в лучшем случае, прекращать выдачу им денег, но это пагубнейшим образом отразилось бы на народном хозяйстве, и чрезвычайно тяжелое экономическое положение страны еще более бы ухудшилось. А банки, продолжая существовать, проводили бы частную эмиссию. Они могли бы создать угрозу всему денежному хозяйству страны, могли

[1] В. И. Ленин., Соч., т. XXII, стр. 143.

[2] Сводный баланс акционерных банков коммерческого кредита, март 1917 г.

бы продолжать финансирование контрреволюции. Реставратор капитализма Пятаков добивался оставления в руках буржуазии орудия борьбы против советской власти.

Под руководством партии Ленина — Сталина были осуществлены вооруженный захват частных банков и их национализация.

С утра 27 декабря во все петроградские банки одновременно были посланы отряды красногвардейцев. До вечера были заняты все банки и другие кредитные организации Петрограда. Директора банков были арестованы и доставлены в Смольный. Вечером того же дня ВЦИК принял декрет о национализации банков, 28 декабря были заняты все частные коммерческие банки в Москве, а затем и во всех других городах Советской республики «...произошло огосударствление, обобществление банковского дела, передача его в руки Советской власти» [1]. С исключительной силой вождя и стратега пролетарской революции Ленин характеризовал этот акт: «Не было ни одного человека из нашей среды, который представлял бы себе, что такой искусный, тонкий аппарат банкового дела, веками развивавшийся из капиталистической системы хозяйства, может быть сломан или переделан в несколько дней. Этого мы никогда не утверждали. И когда ученые или якобы ученые люди кивали головою и пророчествовали, мы говорили: вы можете пророчить, что угодно. Мы знаем лишь один путь пролетарской революции: овладеть неприятельской позицией — научиться власти на опыте, на своих ошибках. Мы нисколько не преуменьшаем трудность нашего пути, но основное нами уже сделано. Источник капиталистических богатств в их распределении подорван» [2].

За два дня до заседания ВЦИК на совещании у Ленина разрабатывался проект декрета. В составлении декрета ближайшее участие принимал Ленин.

Декрет о национализации банков имеет огромное историческое значение. В этом декрете говорилось:

«В интересах правильной организации народного хозяйства, в интересах решительного искоренения банковой спекуляции и всемерного освобождения рабочих, крестьян и всего трудящегося населения от эксплоатации банковым капиталом и в целях образования подлинно служащего интересам народа и беднейших классов единого Народного банка Российской республики, ЦИК постановляет:

1) Банковое дело объявляется государственной монополией, 2) Все ныне существующие частные акционерные банки и банкирские конторы объединяются с Государственным банком, 3) Активы и пассивы ликвидируемых предприятий перенимаются Государственным банком, 4) Порядок слияния частных банков с Государственным банком определяется особым декретом, 5) Временное управление делами частных банков передается Совету Государственного банка, 6) Интересы мелких вкладчиков будут целиком обеспечены» [3].

[1] В. И. Ленин, Соч. т. XXII, стр. 214.

[2] Там же, стр. 214—215.

[3] „Декреты Октябрьской революции", т. I, 1933 г., стр. 304 — 305.

Принятие декрета сопровождалось дальнейшим разоблачением меньшевиков и эсеров, выступивших против национализации банков. Эти приспешники буржуазии истерически завопили, что национализация банков является якобы ударом топора по хрупкому организму банковой системы. Запугиванием большевиков пытались они отстоять капиталистические банки. Ленин дал достойную отповедь врагам рабочего класса — меньшевикам и эсерам. Он квалифицировал их заявление как враждебную демагогию, направленную против диктатуры пролетариата.

На заседании ЦИК 27 декабря В. И. Ленин говорил:

«Для проведения контроля мы их, банковских дельцов, призывали и с ними вместе выработали меры, на которые они согласились, чтобы при полном контроле и отчетности получать ссуды. Но нашлись среди банковских служащих люди, которым близки интересы народа, и сказали: «они вас обманывают, спешите пресечь их преступную деятельность, направленную прямо во вред вам». И мы поспешили» [1].

Проведение национализации банков встретило еще более сильное сопротивление и саботаж со стороны верхушки банковских чиновников и меньшевиков из «Банкотруда», потянувших за собой на некоторое время часть служащих. 28 декабря в частных банках была объявлена забастовка, организованная по соглашению с бывшими хозяевами банков. Честные служащие выражали свое негодование предательским поведением меньшевиков и эсеров, возглавлявших союз банковских служащих и организовывавших саботаж и забастовки. Они писали в «Правду»:

«В своей борьбе против банковой реформы, они одели маску защитников народных прав и Учредительного Собрания. Эти лицемеры опаснее, чем саботирующие чиновники старого режима. Их надлежит разоблачать и раскассировать с большей беспощадностью, чем чиновников-взяточников» [2]. 15 декабря на совещании комиссаров Государственного банка представители правлений бывш. частных банков (они были приглашены для установления порядка ликвидации дел) предложили «выяснить сущность и форму проектируемого контроля (термин национализация они игнорировали) комиссаров над частными банками в том предположении, что если правила этого контроля окажутся приемлемыми, то быть может удастся склонить профсоюз, в интересах скорейшего возобновления деятельности банков, прекратить забастовку» (Подчеркнуто нами — *Б. Р.*). При этом представители банков выдвинули свой проект организации контроля, указывая, что «по самому существу банковой деятельности, таковой может быть только последующим, причем все необходимые справки по поводу производящихся банковых операций комиссары могли бы получать от членов правлений и директоров банков» [3].

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXII, стр. 143.

[2] „Правда" № 226/17, 1917 г.

[3] Из информации „Бюллетеня комитета съездов представителей акционерных коммерческих банков" № 15 — 16 за 1917 г.

Пользуясь забастовкой и поддержкой меньшевиков из «Банкотруда», действуя подкупом части служащих банка, обеспечив забастовщиков жалованьем за два месяца вперед, банкиры надеялись сорвать национализацию банков.

Как оказалось, враги рабочего класса — меньшевики и эсеры — были тесно связаны не только с объединением русских банкиров — «Комитетом съездов представителей акционерных коммерческих банков», но и с другой контрреволюционной организацией — так называемым «Комитетом спасения родины и революции». Они направлялись охвостьями меньшевистско-эсеровского ЦИК I созыва, опрокинутого революцией, ставшего организатором контрреволюции, слившегося почти целиком с контрреволюционным «Комитетом спасения родины и революции». Меньшевики и эсеры похитили фонд пожертвований в пользу пострадавших во время революции, составленный из взносов рабочих.

Комиссия советской власти, явившаяся в банк, где хранились эти средства, для наложения ареста, выяснила, что деньги бесследно исчезли. Лишенные какой-либо поддержки со стороны масс трудящихся, меньшевики и эсеры обманным путем наложили руку на средства ЦИК. Естественно, что представление отчета, который требовал Центральный исполнительный комитет Советов, могло выявить их грязную физиономию. Под всякими предлогами представление отчета оттягивалось. Обсуждение на заседании Центрального исполнительного комитета 15 апреля 1918 г. вопроса об отчете о пожертвованиях имело большое значение, так как дополняло характеристику грязной физиономии меньшевистско-эсеровской своры, обнаруживало их преступные дела, в числе которых был захват средств, пожертвованных рабочими [1]. Как оказалось позднее, эти средства беззастенчиво растрачивались на финансирование контрреволюции и на содержание антисоветских продажных газет. Большие суммы заимообразно выдавались контрреволюционному «Комитету спасения».

Сразу после принятия декрета о национализации банков в газетах было опубликовано официальное сообщение по поводу занятия частных банков:

«Помещения бывших частных банков заняты воинской силой для обеспечения беспрепятственной ревизии банковских дел и ввиду объединения частных банков с Государственным банком в единый Народный банк Российской Республики, согласно решения ЦИК и СНК. Эта мера признана ими необходимой для борьбы с банковской спекуляцией и режимом капиталистической эксплуатации и в целях планомерной организации народного хозяйства в интересах широких народных масс. Операции бывших частных банков будут возобновлены немедленно, поскольку этому не будет препятствовать саботаж банковских правлений и банковских служащих, часть которых открыто идет заодно со своими хозяевами-капиталистами против трудящихся классов, против народа. Выплата жалованья рабочим и служащим производится через бывшие частные

[1] ЦАОР, фонд 1235, опись 19, дело № 6, лист 48 — 57.

банки и Государственный банк по удостоверениям фабр-зав. комитетов».

Решительность советской власти при овладении банковой системой и успешность проведения этого мероприятия, несмотря на саботаж, заставили буржуазию и ее агентов в банках переменить свою тактику борьбы, замаскироваться и перейти к вредительству.

Советская власть, опираясь на массы низших служащих банков и на революционные элементы среди них, преодолевала саботаж. Для борьбы с саботажниками была возвращена с фронта часть мобилизованных на войну служащих банков. Были влиты новые силы в ряды банковских кадров. Саботаж в открытой форме был ликвидирован. Аппарат банков был подчинен советской власти. Значительная часть бывших саботажников вернулась для работы в банках.

Одновременно с декретом о национализации банков был принят декрет «О ревизии стальных ящиков в банках».

Так как значительная часть средств, хранившихся в сейфах и не учтенных по счетам баланса, могла ускользнуть при национализации банков, было необходимо срочно произвести ревизию сейфов. Не было сомнения в том, что ценности, обнаруженные в сейфах, имеют спекулятивное происхождение. Владельцы сейфов по требованию специально созданных комиссий являлись в банк с ключами для присутствия при ревизии. Деньги, хранившиеся в сейфах, вносились на текущий счет клиента, а золото в монете и слитках конфисковалось в общегосударственный золотой фонд. К 1 мая только в Москве было обревизовано 22 000 сейфов. В них было найдено золота на 300 000 руб., серебра — на 150 000 и на 450 млн. руб. — государственных и частных процентных бумаг, а также много иностранной валюты. В сейфах оказалось денег на 48 млн. руб. и серий государственного казначейства на 6,5 млн. руб.[1].

Советским правительством был издан в феврале 1918 г. за подписью Ленина декрет, по которому все акционерные капиталы частных банков — основные, резервные и специальные — переходили к Народному банку республики путем полной конфискации. Банковские акции аннулировались и выплата дивидендов по ним прекращалась. Этот декрет явился логическим продолжением и завершением основного декрета от 27 декабря 1917 г.

Наряду с частными банками большую роль играли биржи. Особенно широко развилась спекуляция ценными бумагами на биржах за время войны. Акции повысились на 100—300 и более проц. Биржевая расценка дивидендных бумаг, котировавшихся на петроградской бирже, ставшей биржевым центром России к началу 1917 г., достигла 5 с лишком млрд. руб., превышая в два с половиной раза их номинальную стоимость; кроме того, на 2 млрд. руб. котировалось процентных бумаг, а всего — на 7 млрд. руб. Эта сумма равнялась сумме депозитов частных банков. Но своего апогея биржевые спекуляции достигли в 1917 г. Только за 9 месяцев 1917 г. вновь образованным акционерным обществам с капиталом в 469,51 млн.

[1] По сообщению журнала „Новый путь", № 1, июнь 1918 г.

руб. было разрешено выпустить акций на 1,9 млрд. руб. За то же время старым компаниям разрешен был дополнительный выпуск акций на 1,5 млрд. руб. Эта сумма в 6 раз превышала выпуск 1913 г. С момента Октябрьской революции биржи были ликвидированы.

Национализация банков, конфискация их акционерных капиталов, ликвидация бирж и прекращение всяких сделок с ценными бумагами в корне подрывали мощь финансового капитала. Частные предприятия, лишенные помощи акционерных банков, принуждены были обращаться за кредитами к государственной власти. Советское государство в первые же месяцы своего существования получило возможность серьезного воздействия на большинство крупных предприятий и подчинило их государственному регулированию в соответствии с экономической политикой диктатуры пролетариата. Этим оно облегчило себе подход к разрешению сложной задачи национализации промышленности.

4. Ликвидация земельных банков

Система долгосрочного ипотечного кредита в царской России состояла из Дворянского и так называемого Крестьянского банков, частных акционерных земельных банков и городских кредитных обществ.

Крестьянский земельный банк был открыт в 1882 г. для укрепления кулацкой земельной собственности, для создания наиболее благоприятных условий при продаже землевладельцами-помещиками своих земель крестьянству, главным образом кулачеству. Насаждение кулачества прикрывалось гуманной целью — «помощи малосостоятельным крестьянам».

Эта цель была так завуалирована в уставе банка: «Банк учреждается для облегчения крестьянам всех наименований способов к покупке земель, когда владельцы земель пожелают продать, а крестьяне — приобрести оныя» (статья 1).

Крестьянский банк был организован с целью ввести в определенное русло быстро протекавший с развитием капитализма процесс сбрасывания земель разорявшимися помещиками, приостановить этот процесс, закрепить помещичье землевладение, а в крайнем случае организовать продажу земли кулачеству. Такую именно задачу ставило самодержавие. Банк являлся довольно сильным орудием в руках царского правительства и помещиков. Он имел право самостоятельно покупать и перепродавать земли. С самого начала существования Крестьянского банка развилась безудержная земельная спекуляция. Ограничения, которыми были обставлены покупки при содействии банка, способствовали спекуляции. Появилось множество посредников-спекулянтов, бравших комиссионные с продавцов и покупателей; они же формировали в большинстве случаев фиктивные товарищества. Цены на землю чрезвычайно быстро вырастали. Одновременно с первых же лет существования банка стала расти недоимочность. Большинство земель, купленных крестьянами за первые годы при посредстве банка, вследствие несостоятельности

покупателей было банком от них отобрано. Ослабить исключительный земельный голод основной массы крестьянства Крестьянский банк, конечно, не мог. Его деятельность лишь углубляла противоречия в развитии аграрных отношений.

Указанных мер для укрепления дворянского землевладения оказалось недостаточно, и в 1885 г. был создан Дворянский земельный банк. В положении о банке его задачи формулированы так: «дабы дворяне тем более привлекались к постоянному пребыванию в своих поместьях, где предстоит им преимущественно приложить свои силы к деятельности, требуемой от них долгом их звания».

Дворянский банк предоставлял помещикам возможность выгодного получения кредитов под залог земель, не прибегая к их продаже. Долгосрочный ипотечный кредит предоставлялся помещикам и другим землевладельцам за счет эмиссии закладных листов и облигаций, причем ссуды выдавались, главным образом, не деньгами, а закладными листами, которые помещики реализовали на бирже. Через Дворянский банк царское самодержавие осуществляло и прямое финансирование помещиков. С открытием Дворянского банка были сокращены операции Крестьянского банка. Наплыв залогов в Дворянский банк со временем достиг значительных размеров. Быстро росла также недоимочность заемщиков. Царское правительство поспешило «поправить дела» дворян. Одним из видов «помощи» являлся выпуск в 1889 г. 5-процентных закладных листов с выигрышем на 80 млн. руб. (дворянский заем) по фиксированному курсу 215 руб. за 100 руб.

На этой спекулятивной операции банк выручил 170 млн. руб. вместо 80 млн. руб., т. е. получил 90 млн. руб. без всяких обязательств уплаты основной суммы и процентов по ней. В результате банк понижал годовые платежи своих клиентов-помещиков и погашал накопившуюся за ними недоимочность. Перекачивание народного дохода в пользу помещиков осуществлялось и другими методами: системой перезалогов, понижением платежей, прямыми государственными субсидиями на покрытие недоимочности и пр. Ленин дал такую оценку Дворянскому банку в статье «Крепостники за работой»:

«Подачки благородным дворянам-помещикам давно уже делает наше правительство: оно устроило для них дворянский банк, дало тысячи льгот по выдачи им ссуд и отсрочке недоимок...» [1].

Все эти меры хотя и задерживали, но не устраняли процесса ликвидации помещичьих владений. После революции 1905 г. царским правительством снова было обращено особое внимание на Крестьянский банк с расчетом на переход земли отдельных помещиков только в руки кулачества. Крестьянский банк становится крупным и затем главным покупателем и посредником при продаже земли. Он располагал все более значительными ресурсами и оказывал влияние на рост цен на землю, которые с 71 руб. за десятину в 1897 г. доходит до 133 руб. в 1907 г. и 145 руб. в 1912 г. Через Крестьянский банк помещичье правительство оказывало всяческое

[1] В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 169.

содействие кулачеству. Банк способствовал осуществлению столыпинщины, содействовал выселению на хутора, разрушению общины, созданию кулацкой верхушки на селе.

Ресурсы банка к 1 декабря 1916 г. состояли:

По пассиву—из выпущенных в обращение свидетельств банка (обязательств)	1 485	млн. руб.
—из капитальных долгов земельным банкам за приобретенные заложенные у последних имения (главным образом Дворянскому банку за покупку имений, заложенных в этом банке) на	190	„ „
—из капиталов банка	47	„ „

Ресурсы размещались:

По активу—в выданных ссудах	1 401	млн. руб.
„ запасе свидетельств	131	„ „
„ стоимости принадлежавших ему имений	159	„ „
„ имуществе банка	7,3	„ „
„ наличности и процентных бумагах	22	„ „
„ неприкосновенном капитале	5	„ „

На 1 января 1915 г. в Крестьянском банке было заложено около 17 млн. десятин земли, что составляло 15 проц. всей площади частного землевладения, и свыше 25 проц. земли, заложенной во всех ипотечных банках. На следующем месте после Крестьянского банка стоял Дворянский, в котором было заложено 15,6 млн. десятин. Средства Дворянского банка на 1 декабря 1916 г. состояли:

По пассиву—из капитала по выпуску займа	75	млн. руб
„ запасного капитала	16	„ „
„ обязательств, находящихся в обращении	951,4	„ „
По активу—наличность	40	млн. руб.
—ссуды под залог имений	853	„ „
—долг Крестьянского банка за проданные ему земли, состоявшие ранее в залоге Дворянского банка	168	„ „
—другие обязательства заемщиков	5,8	„ „

При всех применяемых мерах все более росла недоимочность. По Крестьянскому банку недоимочность в 1915 г. составила 69 проц. оклада, а по Дворянскому в 1913 г. — 48 проц. и в 1915 г.— 72 проц. Прибылей нехватало на покрытие текущих обязательств. Царское правительство выдавало субсидии не только Дворянскому, но и так называемому Крестьянскому банку. Последний с 1906 по 1917 г. получил из общегосударственных средств около 145,5 млн. руб.

Поземельный кредит оказывали городские и губернские кредитные общества (преимущественно в городах), а также акционерные земельные банки. Банки ипотечного кредита служили интересам помещиков. Они давали им возможность сбывать по высокой цене часть своих земель кулачеству и получать огромные ссуды под заклад этих земель.

Конфискация помещичьей земли и отмена всякой частной собственности на землю подорвали самые основы существования зе-

мельных банков и прежде всего Дворянского и Крестьянского банков. Сметая с лица земли феодализм, ликвидируя класс помещиков, советская власть предоставила землю крестьянам, запретила всякую куплю и продажу земли и, естественно, должна была ликвидировать эти банки, выражавшие господство феодалов.

8 декабря 1917 г., по докладу тов. Менжинского, Совет народных комиссаров принял декрет, который гласил: «Во исполнение декретов о земле и об уничтожении сословных учреждений постановляется: Состоящие по ведомству Министерства Финансов Государственные Дворянский Земельный банк и Крестьянский Поземельный банк упраздняются» [1].

Декретом Совета народных комиссаров от 8 декабря 1917 г. ликвидация дел по центральным и местным учреждениям Государственных Дворянского и Крестьянского земельных банков была возложена на Государственный банк.

Распоряжением Государственного банка всем управляющим и комиссарам отделений Крестьянского и Дворянского банков по поводу порядка проведения подготовительных ликвидационных работ было указано, что «ликвидация земельных банков не может завершиться простым уничтожением имеющихся в отделениях дел, а, наоборот, должна быть произведена планомерно... по одной единообразной системе...», так как банки «...имели сложные денежные отношения не только с государственными учреждениями [2] и частными лицами [3], но и с иностранными государствами...» [4].

Долговая балансовая сумма земельных банков оценивалась более чем в 2½ млрд. руб. Значительная часть земель (во владении земельных банков находилось более чем три миллиона десятин) еще не была передана земельным комитетам. Этим в значительной мере определялась необходимость планомерного проведения ликвидации. Земли, с.-х. инвентарь и т. п. в соответствии с распоряжениями правительства должны были организованно передаваться земельным комитетам.

Процентные бумаги, свидетельства и закладные листы банков должны были передаваться в местные конторы Государственного банка и храниться там в неприкосновенности. Средства, накапливаемые на текущих счетах отделений банка, должны были переводиться в Центральное управление банка. Для текущих расходов отделений банка на хозяйственные нужды по имениям и для выплаты зарплаты служащим открывались счета в местных отделениях Народного банка. При отсутствии средств на текущих счетах испрашивались средства у главного комиссара Народного банка по Центральному управлению банков. Создаваемые на местах ликвидационные комиссии утверждались главным комиссаром Народ-

---

[1] „Декреты Октябрьской революции", т. I, стр. 196.

[2] Например, с Управлением сберегательных касс по реализованным закладным листам банка (автор).

[3] С частными лицами и учреждениями по невыданным ссудам, незакончившимся продажам земель, лесным операциям, мелиоративным работам, хозяйственным поставкам и заготовкам и пр. (автор).

[4] ЦАОР, фонд 2324, опись 38, дело № 25, лист 1 — 2.

ного банка. Для проведения ликвидационных работ, по распоряжению Государственного банка, комиссарами местных отделений Народного банка назначались, по согласованию с местными советами рабочих и крестьянских депутатов, комиссары в отделения Дворянского и Крестьянского земельных банков; эти комиссары вместе с управляющими отделениями этих банков проводили подготовительные работы по ликвидации отделений.

1 апреля 1918 г. было утверждено положение о Временном управлении делами государственных земельных банков и утверждена временная (из 10 членов) комиссия, составленная из служащих банков, выдвинутых союзом банковских служащих, и возглавлявшаяся уполномоченным главного комиссара Народного банка по делам государственных земельных банков [1]. Тем самым ликвидировались прежние органы управления земельными банками — советы банков.

К моменту ликвидации положение банков было следующим: задолженность банкам [2] в виде капитальных долгов по ссудам на 1 января 1918 г. числилась в размере 3 200 млн. руб. Соответственно на сумму около 2,5 млрд. руб. банками было выпущено ценных бумаг — закладных листов, свидетельств, обязательств, включая и переведенные на Крестьянский банк долги акционерным земельным банкам. Так как все ипотечные долги были уже аннулированы, то вся сумма обязательств стала государственным долгом [3]. К тому же общая площадь не ликвидированных к началу 1918 г. земель Крестьянского банка и земель, оставшихся на руках за Дворянским и Крестьянским банками, составляла свыше 2 850 тыс. десятин. Для ликвидации необходимо было закончить передачу земель, инвентаря и прочего имущества банков земельным комитетам, составить отчеты годовые за 1917 г. и ликвидационные на 1 января 1918 г. (денежный, по имениям банков и статистический) и взыскать с помещиков и кулачества долги.

Однако и здесь советская власть встретилась с сопротивлением классовых врагов. Временная комиссия по управлению государственными земельными банками саботировала взыскание долгов и затягивала ликвидацию этих банков. Как видно из ее доклада Наркомфину и уполномоченному главного комиссара Народного банка от 20 июня 1918 г., она беспокоилась о помещиках, свергнутых Великой Октябрьской социалистической революцией. Комиссия ходатайствовала о том, чтобы те, «кто лишился земли, полностью должны бы быть освобождены от всяких взысканий за прошлое время». Больше того, комиссия настаивала, чтобы долги помещиков были оплачены крестьянами, получившими от советской власти земли, в том числе и заложенные в банках. Так как комиссия осуществить подобного рода свои реакционные желания не могла,

---

[1] ЦАОР, фонд 2324, опись 38, дело № 25, лист 8.

[2] Дворянскому земельному банку с состоящими при нем отделами: бывш. Общества взаимного поземельного кредита, бывших Саратовско-Симбирского и Нижегородско-Александровского банков и Государственному крестьянскому земельному банку.

[3] ЦАОР, фонд 2324, опись 38, дело № 25, лист 66.

то она пыталась не взыскивать платежей с помещиков и затягивать ликвидацию банков.

5 октября 1918 г. комиссар земельных банков в докладной записке Наркомфину писал: «Считаю своим долгом доложить, что означенные вопросы (о взыскании долгов — *Б. Р.*), возбужденные мною перед Временной комиссией еще в апреле с. г., несмотря на их несомненную важность, до настоящего времени оставались без движения...» [1]. Ясно было, что Временная комиссия по ликвидации Государственных Дворянского и Крестьянского банков только затягивает работу, расширяет аппараты, тормозит ликвидацию, надеясь сохранить банки. О явной ненужности этой Временной комиссии говорилось в докладе уполномоченного по делам земельных банков от 5 августа 1918 г. главному комиссару Народного банка; в докладе было высказано убеждение «в полной нецелесообразности подобной организации временного управления земельными банками ввиду ее полной ненужности, не говоря уже о громадных тратах из народной казны, вызываемых подобной организацией». И далее: «В связи со всеми декретами о земле, включая и основной декрет о социализации последней, не говоря уже о вышеупомянутом декрете об упразднении земельных банков, всякие операции последних прекращены навсегда, и единственный смысл их «временного управления» заключался только в подготовке к их окончательной ликвидации» [2]. Комиссар по делам земельных банков считал, что «за полным отсутствием каких-либо текущих операций и работ по ним, деятельность Временной комиссии всего Центрального управления банков с самого начала его образования — 12 апреля фактически была почти полной бездеятельностью» [3]. «При наличности всех этих условий самое существование колоссального аппарата Центрального Управления (около 1 200 служащих в Петрограде...) в единственной надежде, что когда-то в далеком будущем, когда будут доставлены отчеты с мест, это Центральное Управление займется составлением общего отчета и баланса — является совершенно бессмысленным...» [4].

6 августа 1918 г. был издан приказ главного комиссара — управляющего Народным банком такого содержания:

«1. Утвержденное Главным комиссаром Народного банка 12 апреля 1918 г. положение о временном управлении делами Государственных земельных банков отменяется. 2. Учрежденная согласно тому же положению Временная комиссия по управлению делами Государственных Земельных банков, а равно и Центральные управления Банков упраздняются...» [5].

«Управление» было ликвидировано и вместе с ним были изгнаны саботажники из состава Временной комиссии. 30 ноября 1918 г.

---

[1] ЦАОР, фонд 2324, опись 38, дело № 25, лист 218.

[2] Там же лист 173.

[3] Там же, лист 174.

[4] Там же.

[5] Там же лист 179.

была организована Центральная ликвидационная комиссия бывш. земельных банков, а на местах при отделениях Народного банка были образованы местные ликвидационные комиссии, подчиненные через Центральную комиссию (Целикземб) главному комиссару Народного банка. Таким образом, планомерная работа по ликвидации земельных банков началась с декабря 1918 г. Комиссии получили конкретные указания о скорейшей передаче земельным отделам земель, находившихся еще в распоряжении филиалов банков, с представлением в Народный банк всех актов о сдаче имуществ для списания с баланса. Комиссии должны были принять меры к охране и хозяйственному использованию земель до дня оформления передачи, составить баланс, заключив все записи по день закрытия банка, составить списки дебиторов и кредиторов и краткие отчетные данные за время с 1 января 1918 г. по день закрытия ликвидационной комиссии.

После этого дело пошло значительно быстрее. К июлю 1919 г. план ликвидации земельных банков был уже почти выполнен. Приказом Наркомфина от 10 февраля 1920 г. была закрыта и Центральная ликвидационная комиссия по земельным банкам. Однако продолжалось взыскивание долгов, чем затягивалось завершение ликвидации. Между тем, финансовые результаты взыскания долгов оказывались незначительными. 4 мая 1920 г. Совет народных комиссаров принял постановление об аннулировании всех расчетов по ипотечным долгам.

Так закончилась ликвидация Государственных Дворянского и Крестьянского банков, губернских, городских и частных банков — ликвидация одной из основ свергнутого революцией буржуазно-помещичьего строя.

5. Аннулирование государственных долгов

Аннулированием государственных внешних и внутренних займов был осуществлен один из пунктов экономической платформы большевиков. Декретом ВЦИК от 21 января 1918 г. были аннулированы все государственные займы, заключенные царским и буржуазным Временным правительствами, а также гарантии, данные ими по займам различных учреждений, предприятий и лиц.

Значение этого революционного акта выступает особенно ярко, если рассмотреть состав государственного долга к моменту Великой Октябрьской социалистической революции.

Номинальная сумма долговых обязательств, подлежащих аннулированию, составляла 60 млрд. руб. Это был колоссальный долг. Для характеристики его величины достаточно сказать, что долг чуть ли не в 17 раз превышал весь объем государственного бюджета царской России в 1913 г. (3,5 млрд. руб.).

К моменту Великой Октябрьской социалистической революции структура внутреннего долга была такова:

Долгосрочные займы	25 млрд. руб.
4-процентные серии	1 „ „
5-процентные краткосрочные обязательства . .	18 „ „
Всего	44 млрд. руб.

Внешний государственный долг состоял большей частью из ссуд, предоставленных на оплату военных заказов за границей. Он распределялся так:

Англия	7,50	млрд. руб.
Франция	5,50	„ „
Германия	1,25	„ „
Голландия	0,75	„ „
США	0,50	„ „
Япония	0,20	„ „
Швейцария	0,20	„ „
Италия	0,10	„ „
Итого	16,00	млрд. руб.

Большая часть государственного долга образовалась в результате войны, в результате империалистических устремлений господствовавших классов России и хищничества западно-европейских государств. Но и довоенные долги были связаны с военными потребностями (русско-японская война) и с расходами по подавлению революционного движения рабочего класса и крестьянства. Известно, с какой поспешностью на помощь русскому царю пришли западные банкиры, чтобы помочь ему подавить революцию 1905—1907 гг.

Этот долг, образовавшийся в связи с борьбой с рабочим движением, ложился исключительно тяжелым ярмом на плечи трудящихся нашей страны. Ведь одни проценты по этому долгу исчислялись в миллиардах рублей. В статье «Чего хотят капиталисты» товарищ Сталин писал: «В России до войны государственная задолженность равнялась девяти миллиардам, при чем для оплаты процентов требовалось всего 400 миллионов рублей, между тем как за три года войны задолженность доходит до шестидесяти миллиардов, требуя на одни лишь проценты ежегодно 3 миллиарда»[1].

Кроме прямого долга, к моменту революции на государственном казначействе лежали обязательства по гарантии облигационных займов частных железных дорог на сумму 2 500 млн. руб. и обязательства Дворянского и Крестьянского банков.

С самого начала своей деятельности советское правительство готовилось к аннулированию задолженности государства капиталистам. Оно исходило из принципиальных соображений о недопустимости расходования народных средств на оплату займов, заключенных царским и буржуазным Временным правительствами.

До аннулирования царских долгов советское правительство провело ряд предварительных мероприятий. Декретом Совета народных комиссаров от 29 декабря 1917 г. за подписями Ленина и Менжинского прекращалась оплата купонов и выдача дивидендов, а все операции с ценными бумагами были воспрещены. В начале 1918 г. Народный банк прекратил выдачу ценных бумаг, находившихся на хранении, а также прекратил все операции с ценными бумагами.

[1] Сборник „На путях к Октябрю", стр. 103—104.

Была допущена в крайних случаях в виде исключения покупка и выдача ссуд под процентные бумаги от частных лиц, и то лишь при условии разрешения каждой такой операции местными Советами депутатов, санкции комиссара соответствующего отделения банка и последующего утверждения ликвидационной комиссией по займам, образованной при Центральном управлении банка в Петрограде. Обмен временных свидетельств на облигации займов и выдача новых купонных листов по обмену были также прекращены.

Эти предварительные мероприятия облегчили осуществление основной задачи по ликвидации государственного долга, которая была намечена экономической платформой партии большевиков в период подготовки свержения буржуазного строя.

Октябрьская социалистическая революция, осуществляя историческую миссию рабочего класса — освобождение человечества от ига капитала, построение нового, советского социалистического общества, — уничтожила государственные долги. Отсюда — огромное политическое и экономическое значение исторического акта — декрета от 21 января 1918 г. об аннулировании государственных займов. В этом декрете было сказано: «1. Все государственные займы, заключенные правительствами Российских помещиков и Российской буржуазии, перечисленные в особо публикуемом списке, аннулируются (уничтожаются) с декабря 1917 г. 2. Также аннулируются все гарантии, данные названными правительствами по займам разных предприятий и учреждений. 3. Безусловно и без всяких исключений аннулируются все иностранные займы...». Этот акт был всецело направлен на подрыв буржуазной собственности, на экспроприацию экспроприаторов.

Следует отметить, что аннулирование царских долгов, отмена оплаты Советским государством облигаций займов буржуазии не только не отменяла, но предполагала взыскание долгов государству по выданным ссудам под залог облигаций через коммерческие банки. Этим обеспечивался дополнительный финансовый эффект аннулирования займов, а также изъятие у буржуазии выданных ей государственных средств.

Одновременно декретом охранялись интересы мелких держателей облигаций. Прежде всего краткосрочные обязательства, в свое время поступившие в обращение на сумму около 4½ млрд. руб., и серии государственного казначейства, выпущенные на сумму около 1 млрд. руб., оставались в силе без оплаты процентов по ним и затем были приравнены к кредитным билетам, превратившись в денежные знаки. Тем самым они утрачивали характер долговых обязательств. Кроме того, малоимущим гражданам (владевшим аннулированными бумагами внутренних займов на сумму не свыше 10 000 руб.) декретом было предоставлено право получить взамен именные свидетельства нового займа РСФСР на ту же сумму. Вклады трудящихся в сберкассах и проценты по ним были объявлены неприкосновенными. Все облигации аннулированных займов, принадлежащие сберегательным кассам, заменялись книжным долгом государства сберегательным кассам.

Высший совет народного хозяйства осуществлял общее руководство ликвидацией государственных займов, а Народный банк вел техническую операционную работу по реализации декрета об аннулировании.

Чтобы интересы трудящихся — малоимущих держателей займов — были обеспечены (одна из важнейших задач, поставленных партией и правительством при проведении ликвидации государственного долга), требовалась быстрая и правильная организация регистрации займов. Этот вопрос был решен декретом Совнаркома от 18 апреля 1918 г. «О регистрации акций, облигаций и прочих процентных бумаг». Декрет лишал буржуазию возможности воспользоваться льготами, предоставленными трудящимся. Он был направлен против попыток владельцев большого количества процентных бумаг, не получающих за них по закону никакой компенсации, представлять эти бумаги для оплаты мелкими партиями через подставных лиц. Каждый трудящийся представлял свои облигации в комиссию местного совета депутатов и Совета народного хозяйства, после чего банк производил регистрацию.

Система ценных бумаг на предъявителя была отменена, и установлена обязательность регистрации их в органах Народного банка. После регистрации ценных бумаг держателям было предоставлено право закладывать облигации в Народном банке до установления окончательного порядка размещения аннулированных облигаций. В конце февраля началась регистрация процентных бумаг в Народном банке. Конечным сроком регистрации было назначено 1 мая 1918 г., затем срок был продлен до конца июня. 28 июня 1918 г. распоряжением Наркомфина было объявлено, что «...все акции, квитанции и процентные бумаги..., на которые не было представлено описи или перечня в отделение Народного банка РСФСР, считаются аннулированными и не подлежат приему ни в государственных учреждениях, ни в частном обращении, как не имеющие никакой цены» [1]. Таким образом, мелкие держатели облигаций не понесли никакого ущерба от аннулирования займов.

Малоимущим держателям займов разрешалось получать ссуды под залог облигаций, как находившихся на хранении в банке и сберкассах, так и зарегистрированных ценных бумаг, находившихся на руках. Ссуды под аннулированные бумаги выдавались в размере не более 50 проц. номинала при общей сумме ссуды одному лицу не более 5 000 руб., включая и прежний долг, если бумаги были уже заложены.

Окончательный порядок ликвидации той части государственного долга, которая в виде ценных бумаг находилась у малоимущих держателей, государственных учреждений и общественных организаций, был оформлен постановлением Совета народных комиссаров от 26 октября 1918 г., изданным в развитие и изменение декрета от 21 января 1918 г. Так как новый заем РСФСР, на который предполагался обмен старых облигаций, не был выпущен, то все облигации сдавались в Народный банк, казначейства или в сберкассы

[1] „Известия ВЦИК" от 30 июня 1918 г.

в тех местностях, где не было отделения Народного банка. К постановлению был приложен список аннулированных займов (96 названий) и правительственных гарантий по облигациям железнодорожных займов (142 названия), выпущенных внутри страны и за границей. По этому списку владельцам зарегистрированных процентных бумаг на сумму не свыше 10 тыс. руб. зачислялась соответствующая сумма на текущий счет в Народном банке или на книжку в сберегательной кассе, откуда каждый держатель получал наличные деньги.

Новый заем для обмена не был выпущен по следующим соображениям: во-первых, при продолжавшемся падении покупательной силы денег тот мизерный доход, который получили бы мелкие держатели процентных бумаг, терял для них всякое значение и поэтому выпуск займа без права реализации капитальной суммы удовлетворить их не мог, а тем самым не были бы охранены интересы трудящихся — держателей облигаций; во-вторых, выпуск облигаций займа, хотя бы именных, но с правом продавать их или получать под них ссуды в Народном банке, был бы равносилен с точки зрения интересов государства записи соответствующих сумм на текущие счета и выдаче денег на руки.

Учитывалось также и то, что к этому времени, в силу ряда обстоятельств, Народный банк уже довольно широко проводил операции по выдаче ссуд и покупке облигаций. Поэтому в интересах наилучшего обеспечения неимущих держателей и наиболее для них эффективного возмещения потерь советское правительство приняло решение о непосредственной компенсации держателей.

Было установлено, что государственные предприятия и учреждения (в том числе все исполкомы, бывшие городские и земские учреждения и сельские общества) никакого возмещения не получают, так как все их нужды должны были удовлетворяться в сметном порядке из средств государства, и суммы, необходимые им для расходов, удовлетворявшихся ранее за счет доходов с аннулированных бумаг, должны были испрашиваться по сметам в соответствующих наркоматах.

Общественные организации, для которых процентные бумаги не были источником постоянного дохода, а лишь способом временного помещения оборотных средств (потребительские кооперативы, кассы взаимопомощи, страховые и ссудосберегательные кассы), удовлетворялись тем же способом, что и малоимущие держатели, т. е. записью на текущий счет стоимости принадлежащих им аннулированных процентных бумаг.

Операции по выдаче ссуд и покупке облигаций аннулированных займов проводились филиалами Народного банка. Судя по данным Петроградской конторы Государственного банка, наибольшее распространение получила покупка облигаций у держателей. Так, Петроградской конторой Народного банка было приобретено процентных бумаг на 19 141 тыс. руб. [1].

---

[1] Газета „Финансы и народное хозяйство", № 38 от 7 ноября 1918 г.

Месяцы 1918 г.	Разные процентные бумаги	Билеты государственного казначейства	Всего
Январь	80	53	133
Февраль	69	19	88
Март	10 503	34	10 537
Апрель	1 339	183	1 522
Май	490	195	685
Июнь	110	67	177
Июль	381	998	1 379
Август	2 413	242	2 655
Сентябрь	659	858	1 517
Октябрь (до 24-го числа)	423	25	448
Всего	16 467	2 674	19 141

Как видно из таблицы, наибольшая сумма покупок приходится на март 1918 г. За этот месяц конторой было приобретено до 60 проц. всех ценных бумаг, купленных в течение 10 месяцев 1918 г. Из общей суммы скупки наибольшая часть падала на военные займы 1914—1916 гг. и на «Заем свободы» — 13,1 млн. руб. Покупки по остальным займам были проведены на небольшие суммы. За время с ноября 1917 г. по сентябрь 1918 г. включительно было выдано ссуд под процентные бумаги на 6 793 тыс. руб. при общем числе ссуд в 2 804 и номинальной сумме принятых в залог процентных бумаг в 24 935 тыс. руб.

Движение выдачи ссуд по месяцам характеризуется следующей таблицей [1]:

Месяц	Принято в залог		Выдано ссуд
	число залогов	номинальная сумма	
1917 г. ноябрь	245	3 429	2 397
декабрь	11	89	24
1918 г. январь	6	2 835	410
февраль	8	1 537	1 010
март	39	260	137
апрель	32	80	30
май	92	413	83
июнь	262	1 474	234
июль	646	4 800	640
август	785	6 385	943
сентябрь	678	3 633	885
Итого	2 804	24 935	6 793

[1] Газета „Финансы и народное хозяйство", № 38 от 7 ноября 1918 г.

До издания декрета об аннулировании займов ссуды предоставлялись в больших размерах. Безусловно некоторые держатели использовали банковский аппарат для получения больших ссуд. Затем постепенно, начиная с июня, нарастает количество и общая сумма ссуд, очевидно, в результате того, что трудящиеся были широко оповещены о возможности и порядке получения ссуд под залог облигаций. В целом за год Петроградская контора Народного банка купила аннулированных бумаг и выдала ссуд под них всего на 25,9 млн. руб.

Эта цифра не может сравниваться с какими-либо показателями других операций, так как здесь происходил особенный процесс осуществления классового мероприятия в области финансов, не имевшего прецедента в истории. По данным об исполнении бюджетов расходы по ликвидации государственного долга в 1918 г. выразились в довольно крупной сумме — 579 млн. руб. (см. стр. 107). Однако не величина этой суммы определяет содержание вопроса.

Подробное изложение принципов, техники и организации операций по аннулированным ценностям показывает проведение в жизнь политики большевистской партии в отношении ликвидации государственного долга. Масса мероприятий, принятых для того, чтобы наряду с наступлением на капиталистическую собственность охранить интересы малоимущих, свидетельствует об исключительной заботе партии и правительства о трудящихся нашей страны.

Окончание расчетов по аннулированным займам несколько затянулось и было завершено декретом Совнаркома от 16 сентября 1920 г.

Таким образом, было проведено мероприятие огромной исторической важности и значения. Советская республика начинала свое победоносное строительство, освобожденное от бремени и гнета государственного долга. Она объявила всему миру, что нет уже старой царской России, придавленной сапогом помещиков и капиталистов, что новая, советская страна не будет отвечать по обязательствам эксплоататоров.

Не раз пытались государства Европы заставить Советский Союз уплатить военные долги. Этот вопрос неоднократно обсуждался на конференциях, много было предъявлено требований и выдвинуто угроз по адресу СССР. Чудовищные претензии были предъявлены нам на Генуэзской конференции в 1922 г. Империалисты требовали уплаты огромных долгов, которые фактически представляли собой ростовщический начет на то, что, по выражению Ленина, было 20 раз оплачено. «Они потребовали вернуть иностранным капиталистам фабрики и заводы, национализированные Октябрьской революцией, потребовали уплаты всех долгов царского правительства. При этих условиях империалистические государства обещали Советскому государству незначительные займы.

Советский Союз отверг эти требования»[1].

Все подобные попытки принудить государство рабочих и кре-

[1] „История ВКП(б)", стр. 258 — 259.

стьян оплачивать долги царского и буржуазного правительства всякий раз неизменно встречали решительный отпор Страны Советов.

В отчете ЦК ВКП(б) XIV съезду партии товарищ Сталин говорил:

«Мы не можем отменить известного закона нашей страны, изданного в 1918 году, — об аннулировании царских долгов. Мы остаемся на основе этого закона. Мы не можем аннулировать тех декретов, которые были провозглашены и которые узаконили у нас экспроприацию эксплоататоров. На базе этих законов мы стоим и будем стоять в будущем» [1].

В результате аннулирования государственных долгов создалась возможность все социалистическое накопление производительно использовать для социалистического строительства, для великого подъема хозяйства, культуры и обороны нашей страны. Оценивая с этой стороны аннулирование долгов, товарищ Сталин говорил в докладе на активе Ленинградской партийной организации 13 апреля 1926 г.:

«Я мог бы сослаться, далее, на такой факт, как аннулирование царских долгов, снявшее с плеч нашего народного хозяйства миллиарды долгов. Не следует забывать, что при оставлении этих долгов нам пришлось бы платить ежегодно несколько сот миллионов одних лишь процентов, в ущерб промышленности, в ущерб всему нашему народному хозяйству. Нечего и говорить, что это обстоятельство внесло большое облегчение в дело нашего накопления» [2].

* * *

Наряду с национализацией банков и аннулированием государственных долгов рычагом пролетарской диктатуры в борьбе за экспроприацию экспроприаторов являлась и налоговая политика.

В первые месяцы существования советской власти налоговая политика выражалась в различного рода изъятиях путем реквизиций и конфискаций доходов буржуазии и кулачества, в большинстве случаев в порядке инициативы трудящихся, инициативы местных организаций власти.

* * *

«С октября 1917 года по январь — февраль 1918 года советская революция успела распространиться по всей стране. Распространение власти Советов по территории громадной страны шло таким быстрым темпом, что Ленин назвал его «триумфальным маршем» Советской власти» [3].

Для упрочения советской власти нужно было покончить с войной. Изнуренная, истощенная империалистической войной, после напряжения сил для подавления контрреволюционных восстаний,

---

[1] И. В. Сталин, Политотчет ЦК XIV съезду партии, Стенографический отчет, стр. 23.

[2] И. В. Сталин, О хозяйственном положении Советского Союза, Партиздат ЦК ВКП(б), 1937 г., стр. 8.

[3] „История ВКП(б)", стр. 202.

страна нуждалась в передышке. Но с войной еще не все было покончено. Нужно было ценой жертв заключить мир с Германией. Исключительно тяжелое положение страны создано было предательством Троцкого, сорвавшего мирные переговоры, и его сподручных — Бухарина, Радека, Пятакова, проводивших провокаторскую политику, стремившихся поставить молодую Советскую республику под удар немецкого империализма.

Февраль — март 1918 г. явились исключительно тяжелыми месяцами в истории нашей страны.

Предательство Троцкого, Пятакова, Бухарина, Смирнова и других врагов народа, пытавшихся нарушить мирную передышку путем срыва переговоров с Германией и заключения Брестского мирного договора, еще больше усложняло борьбу коммунистической партии.

«...Бухарин и возглавляемая им группа «левых коммунистов» совместно с Троцким и «левыми» эсерами, оказывается, состояли тогда в тайном заговоре против Советского правительства. Бухарин, Троцкий и их сообщники по заговору, оказывается, ставили себе цель — сорвать брестский мирный договор, арестовать В. И. Ленина, И. В. Сталина, Я. М. Свердлова, убить их и сформировать новое правительство из бухаринцев, троцкистов и «левых» эсеров.

Организуя тайный контрреволюционный заговор, одновременно группа «левых коммунистов» при поддержке Троцкого вела открытую атаку против большевистской партии, стремясь расколоть партию и разложить партийные ряды. Но партия сплотилась в этот тяжелый момент вокруг Ленина, Сталина, Свердлова и поддержала Центральный Комитет в вопросе о мире так же, как и во всех других вопросах» [1].

Советская власть, заключив брестский мирный договор, развернула созидательную работу на всех участках социалистического строительства. «Заключение брестского мира дало партии возможность выиграть время для укрепления Советской власти, для приведения в порядок хозяйства страны» [2].

Итоги всего этого периода, с момента установления диктатуры пролетариата до заключения Брестского мира, подвел товарищ Сталин в докладе о трехлетии пролетарской диктатуры на торжественном заседании Бакинского совета 7 ноября 1920 г.

«С точки зрения внутреннего положения этот период можно охарактеризовать, как период разрушения старого мира в России, как период разрушения всего аппарата старой буржуазной власти.

Мы теоретически знали, что пролетариат не может взять просто старую государственную машину и пустить ее в ход. Это наше теоретическое приобретение, данное Марксом, целиком подтвердилось на фактах, когда мы встретились с целой полосой саботажа со стороны чиновников, служащих и верхних слоев пролетариата, полосой полной дезорганизации государственной власти.

Первый и самый главный аппарат буржуазного государства, старая армия и ее генералитет, были сданы на слом. Это обошлось

---

[1] „История ВКП(б)", стр. 208.

[2] Там же, стр. 209.

дорого. В результате этого слома нам пришлось временно остаться без всякой армии и подписать Брестский мир. Но другого выхода не было, никакого другого пути для освобождения пролетариата история нам не давала.

Далее был разрушен, сдан на слом, другой столь же важный в руках буржуазии аппарат — аппарат чиновничий. В области хозяйственного управления страной наиболее характерное — это изъятие из рук буржуазии основного нерва хозяйственной жизни буржуазии — банков. Банки были изъяты из рук буржуазии, и последняя была оставлена, так сказать, без души. В дальнейшем идет работа по слому старых аппаратов хозяйственной жизни и экспроприация буржуазии — отобрание у нее фабрик и заводов и передача их в руки рабочего класса; наконец — слом старых аппаратов продовольствия и попытка построить новые, могущие собрать хлеб и распределить его среди населения. В заключение ликвидация Учредилки. Вот все те, приблизительно, меры в порядке разрушения старых аппаратов капиталистического мира, которые Советская Россия вынуждена была провести в этот период» [1].

---

[1] И. В. Сталин, Об Октябрьской революции, стр. 27, Партиздат, М. 1932 г.

СТРОИТЕЛЬСТВО СОВЕТСКОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ

«...весной 1918 года начался переход к новому этапу социалистического строительства — «от экспроприации экспроприаторов» к организационному закреплению одержанных побед, к строительству советского народного хозяйства» [1].

Несмотря на исключительную тяжесть внешнего и внутреннего положения страны весной 1918 г., Ленин выражал глубочайшую, непоколебимую уверенность в том, что страна сумеет «подняться снова от порабощения к самостоятельности», сумеет стать «в полном смысле слова могучей и обильной», «сумеет построить социализм». «У нас, — писал Ленин 11 марта 1918 г., — есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, — чтобы создать действительно могучую и обильную Русь» [2]. Исключительной верой в силу рабочего класса дышали слова Ленина: «Реорганизация России на основе диктатуры пролетариата, на основе национализации банков и крупной промышленности,... экономически вполне возможна, при условии обеспечения нескольких месяцев мирной работы. А такая реорганизация сделает социализм непобедимым и в России и во всем мире...» [3].

Как мыслил он достижение этой цели?

«Идти вперед..., не падая духом от поражений, собирать камень за камушком прочный фундамент социалистического общества, работать, не покладая рук, над созданием дисциплины и самодисциплины, над укреплением везде и всюду организованности, порядка, деловитости, стройного сотрудничества всенародных сил, всеобщего учета и контроля за производством и распределением продуктов — таков путь к созданию мощи военной и мощи социалистической» [4].

Добытую ценой исключительно тяжелых жертв крайне необходимую для измученной советской страны «передышку», партия использовала «для реорганизации экономического строя России» (Ленин). Осуществлялась широко разработанная Лениным система социалистического переустройства общества. Велико значение идей

[1] „История ВКП(б)", стр. 210.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. XXII, стр. 376.
[3] Там же, стр. 198.
[4] Там же, стр. 376 — 377.

ленинского плана периода первого приступа к социалистическому строительству. Их огромная значимость ясна даже из одного лишь перечисления: борьба за поднятие производительности труда, разворот социалистического соревнования, введение всеобщего учета и контроля, борьба за трудовую дисциплину, за такое «перепахивание почвы, чтобы на ней вовсе не могла расти никакая буржуазия», и т. д.

В знаменитой работе «Очередные задачи советской власти», написанной в апреле 1918 г., Ленин со всей остротой выдвинул задачу: «осуществить строжайший и повсеместный учет и контроль производства и распределения продуктов, повысить производительность труда, о б о б щ е с т в и т ь производство н а д е л е»[1]. Ленин указывал, что «в области внутренней политики на очередь дня выдвигается в настоящий момент задача... организационная»[2]. Все мероприятия партии и правительства в области экономической политики и были направлены на осуществление этих задач в борьбе с «левыми коммунистами», срывавшими социалистическое строительство.

Совершился переход от рабочего контроля к рабочему управлению и сосредоточению всей крупной промышленности в руках пролетарского государства. Декретом Совнаркома от 28 июня 1918 г. был официально завершен этот переход. Под действие декрета подпало 2 000 предприятий, из которых еще до его издания было национализировано 513 предприятий. В области распределения продуктов потребления основные мероприятия советской власти были направлены на установление продовольственной диктатуры. Органы Наркомпрода получили чрезвычайные полномочия для закупки хлеба по твердым ценам. Борьба с реальной угрозой голода в этот период являлась одной из важнейших задач пролетарской революции. Была развернута беспощадная борьба с кулачеством, сопротивлявшимся проведению хлебной монополии.

На борьбу с контрреволюционным кулачеством были мобилизованы миллионные массы деревенской бедноты и организован поход рабочих в деревню.

Комитеты бедноты (комбеды), созданные декретом от 11 июня 1918 г., сыграли крупнейшую роль в развертывании пролетарской революции в деревне и вовлечении масс деревенской бедноты в ряды активных бордов за укрепление диктатуры пролетариата.

В числе основных задач хозяйственного строительства особо важное значение придавалось Лениным вопросам финансовой политики.

В своем выступлении на I Всероссийском съезде представителей финансовых отделов советов 18 мая 1918 г. Ленин говорил: «Не надо забывать, что всякие радикальные реформы наши обречены на неудачу, если мы не будем иметь успеха в финансовой политике. От этой последней задачи зависит успех задуманного нами огромного дела социалистического преобразования общества»[3].

---

[1] В. И. Л е н и н, Соч., т. XXII, стр. 441.
[2] Т а м ж е, стр. 499.
[3] Т а м ж е, т. XXIII, стр. 18.

В числе основных документов этого периода, имеющих огромное историческое значение и определявших финансовую деятельность, главное место по праву принадлежит советской Конституции, разработанной под руководством товарища Сталина и принятой V съездом Советов РСФСР в июле 1918 г. 5-й раздел Конституции — «Бюджетное право» — определял задачи финансовой политики. Они заключались в борьбе за экспроприацию буржуазии, с одной стороны, и, с другой — за установление нового порядка производства и распределения народного богатства. Для этого финансовая политика должна была «предоставить в распоряжение органов советской власти все необходимые средства для удовлетворения местных и общегосударственных нужд советской республики, не останавливаясь перед вторжением в право частной собственности» [1].

В речи на I съезде финотделов В. И. Ленин, конкретизируя задачи финансовой политики, указал на необходимость введения подоходно-поимущественного налога, поднятия трудовой дисциплины, обмена старых денег на новые, а также на необходимость финансовой централизации.

Ленин требовал полного осуществления намеченных советской властью финансовых мероприятий, прочных финансовых преобразований.

1. Налоговая политика

Налоговая система с установлением диктатуры пролетариата становится ее сильным орудием в борьбе с капиталистическими элементами, в борьбе за осуществление задач пролетариата. Налоговая политика преследовала задачу — переложить на буржуазию и имущие классы и группы населения тяжесть налогового бремени, способствовать осуществлению экспроприации буржуазии.

В условиях борьбы диктатуры пролетариата за овладение командными высотами, борьбы с сопротивлением эксплоататоров не было возможности создать сразу совершенно новую налоговую систему. Старый налоговый аппарат, полученный в наследство Советской республикой, приспособленный к интересам буржуазии, не способен был обеспечить взыскание каких-либо новых налогов. Поэтому первой задачей было наладить взыскание ранее установленных налогов.

Мы уже указывали, что введение буржуазным Временным правительством налогов на буржуазию было фикцией и взимание их не проводилось. Ленин, оценивая налоговую политику буржуазного правительства, писал в сентябре 1917 г.:

«Можно ввести подоходный налог с прогрессирующими и очень высокими ставками для крупных и крупнейших доходов. Наше правительство, вслед за другими империалистическими правительствами, ввело его. Но он остается в значительной степени фикцией, мертвой буквой, ибо, во-первых, ценность денег все быстрее и быстрее падает, а, во-вторых, утайка доходов тем сильнее, чем боль-

[1] „Съезды Советов в постановлениях и резолюциях", 1935 г., стр. 90.

ше источником их является спекуляция и чем надежнее охранена коммерческая тайна.

Чтобы сделать налог действительным, а не фиктивным, нужен действительный, неостающийся на бумаге контроль» [1].

При введении действительного контроля взыскание полностью даже только ранее установленных налогов было большим шагом по пути осуществления прогрессивно-подоходного обложения. Поэтому в обращении к населению, изданном 20 ноября 1917 г., указывалось: «Не устанавливая сейчас новых налогов, правительство в первую очередь ставит своей задачей строжайший учет и контроль в деле взимания установленных ранее налогов, без всякой утайки» [2]. Однако взимание налогов упиралось в вопрос о местных контрибуциях. Контрибуции сыграли большую роль в первые месяцы существования советской власти, но весной 1918 г., когда совершался переход к хозяйственному строительству, они начинали тормозить проведение финансовой политики, подрывая общегосударственные доходные источники. Поэтому в циркуляре, изданном Народным комиссариатом финансов за подписью тов. Менжинского по поводу источников доходов местных советов, указывалось, что «наложение денежных контрибуций, в каких бы то ни было формах и для каких бы то ни было целей, является совершенно недопустимой мерой усиления средств советов, так как в корне подрывает источники как местных, так и государственных доходов» [3].

На заседании ЦИК 18 апреля с речью по финансовому вопросу выступил Ленин. Придавая особое значение организации финансового аппарата, способного осуществлять задачи финансовой политики советского правительства, Ленин говорил: «Если бы мы пытались провести в жизнь какое-нибудь налоговое обложение, мы сейчас наткнулись бы на то, что отдельные области в настоящее время проводят налоговое обложение, кто как вздумает, кому как придется, кому как позволяют местные условия. В этом отношении Советы, которые являются властью на местах, в настоящее время не связаны между собою. С одной стороны, этим самым они оторваны от Центральной власти, а, с другой стороны, Советы не организованы настолько, чтобы они имели возможность фактически провести то, что будет выработано нами здесь» [4].

Ленинские установки были отображены на том же заседании ЦИК в докладе наркома финансов Гуковского. Перечисляя задачи финансовой системы, он считал необходимым: добиться сокращения государственных расходов, безубыточности национализированных предприятий, развития кредитной системы и оздоровления денежного обращения. Наряду с этим одним из центральных пунктов тезисов доклада Гуковского являлась задача построения правильной налоговой системы. Для этого «необходимо точно разграни-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXI, стр. 183.

[2] Там же, т. XXII, стр. 55 (примечание).

[3] „Известия ВЦИК" № 77 от 19 апреля 1918 г.

[4] В. И. Ленин, Соч., т XXII, стр. 428.

чить объекты и размеры обложения на местные и общегосударственные нужды и совершенно отменить всякого рода контрибуции» [1].

На I съезде финансовых отделов советов Ленин развил задачу перехода к единому обложению. «Я вовсе не противник контрибуции, ибо прекрасно понимаю, что пролетариат в первое время не мог обойтись без нее. Это правильная мера переходной власти. Но теперь переходное время кончилось, и мы перейдем к централизованному взиманию подоходного прогрессивного налога с очень частыми сроками. Несомненно, что буржуазия будет пытаться всеми силами обходить наши законы, пускать в ход мелкий обман. Мы будем бороться против этого, чтобы в конец подорвать остатки буржуазии» [2].

Та же оценка роли контрибуций и задачи налоговой политики были сформулированы Лениным в «Очередных задачах советской власти».

«Наложение контрибуций на буржуазию — мера, принципиально безусловно приемлемая и заслуживающая пролетарского одобрения — показывает, что мы стоим еще в этом отношении ближе к приемам отвоевания (России) от богатых для бедных, чем к приемам управления. Но, чтобы стать сильнее и чтобы стать на ноги, мы должны перейти к этим последним приемам, мы должны заменить контрибуцию с буржуазии постоянно и правильно взимаемым поимущественным и подоходным налогом, который даст бо́льше пролетарскому государству и который требует от нас именно бо́льшей организованности, большего нала́жения учета и контроля» [3].

Против финансовой и, в частности, налоговой политики партии и советского правительства выступил Бухарин, разоблаченный впоследствии главарь бандитской троцкистско-бухаринской шайки, шпион и агент иностранных разведок, вредитель, диверсант и убийца, злейший враг социализма и народов СССР, сколотивший тогда группу так называемых «левых» коммунистов. На упомянутом уже заседании ЦИК он выступил против ленинских установок в области финансовой политики. Он выдвигал и проповедывал необходимость развертывания контрибуций, выступал против централизации финансовой политики [4]. Проведение таких «установок» было бы исключительно вредным для диктатуры пролетариата. Вместо учета и контроля развивалась бы анархия, вместо использования финансовой системы, налогов как орудия в борьбе против буржуазии, за развертывание хозяйственного строительства, — финансовая система шла бы к развалу, усугубляя тяжелое экономическое состояние страны, ослабляя экономическую мощь диктатуры пролетариата.

* * *

[1] ЦАОР, фонд 1235, опись 19, дело № 6, лист 82.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 19 — 20.
[3] Там же, т. XXII, стр. 449 — 450.
[4] ЦАОР, фонд 1235, опись 19, дело № 6, лист 142.

* * *

Центральной задачей налоговой системы было обеспечить выполнение изданного за подписями Ленина и Сталина 7 декабря 1917 г. декрета советского правительства о взимании прямых налогов. Декрет предписывал обязательное внесение всех установленных ранее и не внесенных в свое время налогов на буржуазию. Отменялись всякие льготы и отсрочки, предоставленные Временным правительством после 12 июня 1917 г. Взысканию подлежали: а) подоходный налог по окладам, установленным 12 июня 1917 г.; б) единовременный сбор; в) временный налог на прирост прибылей с торгово-промышленных предприятий и личных промысловых занятий, установленный еще 13 мая 1916 г. Налоги должны были поступить не позднее 15 декабря 1917 г., кроме части единовременного сбора (было установлено еще два срока — 1 февраля и 1 апреля 1918 г.). По этому декрету к лицам, не внесшим полностью налогов к 20 декабря, кроме мер, указанных в законах о налогах, применялись денежные взыскания вплоть до конфискации всего имущества, а к умышленно задерживающим уплату налога — тюремное заключение до пяти лет.

Многие старые налоги, потерявшие основания для существования, были разновременно отменены. Отменен был поземельный налог во всех видах и формах, все бывшие земские, губернские, уездные и городские поземельные сборы, ложившиеся всей своей тяжестью на крестьянство, и ряд других налогов.

Создавалась совершенно новая налоговая система. Налоговая политика пролетариата, в корне противоположная феодально-буржуазной системе налогов, была направлена на экспроприацию экспроприаторов, на укрепление советского строя, на развитие производительных сил страны. Она была одним из средств изыскания ресурсов для социалистического государства. Сущность налогов, — даже тех, которые государством с самого начала не были изменены, — стала совершенно иной. Каждый налог отражал налоговую политику диктатуры пролетариата.

При взимании налогов нельзя было полностью довериться существовавшим в то время казенным палатам. Поэтому местные советы до организации местных финансовых отделов посылали в казенные палаты своих комиссаров, которые следили за точным исполнением декрета.

В порядке развития основного декрета о взимании прямых налогов было продлено действие налога на прирост прибылей торгово-промышленных предприятий и личных промысловых занятий на 1918 г. с распространением этого налога на прибыль, получаемую в 1918 г. В отношении подоходного налога было установлено, что обложению подлежит вся совокупность доходов плательщика со всех источников. Коренному изменению были подвергнуты принципы исчисления налоговых ставок по подоходному и промысловому налогам. Взысканием указанных налогов и повышением ставок обложения облегчалось решение задачи введения прогрессивно-подоходного налога.

Старый финансовый аппарат старался не облагать буржуазию. Капиталистические элементы всяческими путями уклонялись от уплаты налогов. Это значительно снижало эффективность обложения. Между тем, несмотря на проводимую национализацию банков, крупной промышленности, транспорта, все же существовали большие возможности по взысканию прямых налогов.

Огромное историческое значение имело введение единовременного чрезвычайного революционного налога по декрету ВЦИК от 30 октября 1918 г. Финансовый эффект от введения этого налога не отразился в доходах 1918 г., но большая часть работы по проведению этого налога была выполнена в 1918 г. Хотя декрет о единовременном чрезвычайном налоге был издан во второй половине 1918 г., однако он в некоторой мере отражал предыдущий этап развития Советского государства до периода военного коммунизма и наряду с национализацией промышленности характеризовал налоговую политику, направленную на экспроприацию буржуазии, являясь также одной из форм прогрессивного обложения. Вместе с тем декрет относился и к периоду военного коммунизма и выражал борьбу партии и правительства за мобилизацию, наряду с экспроприацией буржуазии, всех ресурсов для создания мощной Красной Армии для отражения врагов.

Ввиду исключительного интереса следует привести вводную часть декрета: «Международное положение, сложившееся в связи с последними событиями на театре всемирной империалистической войны и создающимся единым международным фронтом пролетарской армии, заставляло напречь все силы в борьбе на защиту не только русской, но и всемирной революции и Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика создает мощную Красную армию. Для организации, снаряжения и содержания этой армии нужны колоссальные денежные средства, которые не могут дать обыкновенные государственные доходы. Между тем, городская буржуазия и деревенские кулаки за годы империалистической войны сумели приобрести и еще продолжают приобретать — преимущественно путем хищнической спекуляции предметами первой необходимости и, особенно, хлебом — огромные денежные средства. Богатства эти необходимо немедленно и целиком взять у паразитических и контрреволюционных элементов населения и обратить их на неотложные нужды революционного строительства и борьбы.

Вследствие этого, ВЦИК постановляет обложить имущие группы городского и деревенского населения повсеместным единовременным налогом в сумме 10.000.000.000 (десять миллиардов) рублей».

От этого налога безусловно освобождались рабочие и служащие, т. е. лица, имеющие единственным источником существования заработную плату в размере не более 1 500 руб. в месяц и не имеющие денежных запасов, а также беднота на селе. Что касается обложения среднего крестьянства, то необходимость особого к нему отношения была подчеркнута VIII съездом партии в резолюции об отношении к среднему крестьянству. Съезд отметил, что «закон Советской власти о чрезвычайном налоге, в отли-

чие от всех законов всех буржуазных правительств в мире, настаивает на том, чтобы тяжесть налога ложилась целиком на кулаков, на немногочисленных представителей эксплуататорского крестьянства, нажившего себе особые богатства за время войны. Среднее же крестьянство должно облагаться чрезвычайно умеренно, лишь в размере вполне посильном и необременительном для него.

Партия требует, чтобы по отношению к среднему крестьянству взыскание чрезвычайного налога было смягчено во всяком случае, не останавливаясь даже перед уменьшением общей суммы налога» [1]. Таким образом, налог всей своей тяжестью падал на имущие группы города и села.

Налог взимался путем раскладки между городами и губерниями страны. Наибольшая часть буржуазии находилась в Москве и Петрограде. Поэтому раскладка произведена была так: Москва и Московская губерния — 3 000 млн., Петроградская губерния — 2 000 млн., Самарская и Саратовская — по 400 млн., Курская — 380 млн., Тамбовская — 360 млн.; на другие губернии приходилась остальная часть с колебаниями от 200 до 15 млн. Губисполкомы производили дальнейшую разверстку между городами, уездами и т. д. Местные советы производили уже персональную разбивку подлежащих внесению сумм налога, — с участием комитетов бедноты, — с тем, чтобы пролетарии города и села были совершенно освобождены, средние группы были обложены небольшими ставками, а вся тяжесть обложения была обращена на городскую и сельскую буржуазию.

Единственным материалом для обложения, имевшимся в наличии, являлись данные о доходах по существовавшим налогам: подоходному, промысловому, квартирному, на прирост прибылей и пр. Данные были устаревшими, они относились к 1916 и 1917 гг. и к тому же были преуменьшенными. Кроме того, в этих данных были не совсем учтены доходы кулаков, спекулянтов и пр. Трудности раскладки преодолевались различными способами. В частности, по Москве в основу раскладки была положена декларационная система с корректировкой ее налоговыми данными. Немалые затруднения встречались в центральных участках, где сосредоточена была вся крупная торговля и находились конторы и правления торговых домов и акционерных предприятий, так как нужно было выяснить, какие предприятия не национализированы. Отсюда — большая работа по установлению факта национализации, розыску распорядителей делами юридических лиц.

Для выяснения действительного имущественного состояния плательщиков Центральная комиссия приняла ряд мер. Еще в ноябре она обратилась во все банки, сберкассы и сейфовую комиссию с просьбой о временном прекращении выдачи денег и ценностей и просила известить о сальдо по счетам всех клиентов банков и сберкасс в сумме свыше 5 000 руб. на 1 июня и 1 декабря и дать сведе-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 174.

ния о ценностях в сейфах у арендаторов их. Сведения об остатках позволили проверить правильность деклараций.

Кроме того, разбирались и рассылались по участкам полученные из других местностей сведения о ряде плательщиков налога по месту их жительства. Наконец, привлечение к работам агентов финорганов, соприкасающихся с плательщиками, также способствовало правильному проведению в жизнь единовременного чрезвычайного десятимиллиардного налога. Проведение раскладки было поручено специально созданным центральной, районным и участковым комиссиям по чрезвычайному налогу. Несмотря на некоторую замедленность работы при таком порядке, достигалась правильность обложения.

Петроград также последовал за Москвой и заменил принятую им ранее систему, не дававшую правильности обложения, хотя и более упрощенную; затем и ряд других местных советов последовал их примеру.

Декларационная система была введена постановлением Московского совета от 16 ноября 1918 г.; этим постановлением было предложено всем физическим и юридическим лицам подать заявления об имущественном положении и доходах с указанием сумм имевшихся наличных денег, суммы вкладов в банковских учреждениях, драгоценных вещей, золотых и серебряных вещей в сейфе и на дому, количества имеющихся товаров и источников доходов. Постановление предупреждало, что сокрытие ценностей карается конфискацией их.

Декларации, заверенные домовыми комитетами, подавались в участковую комиссию, образованную под председательством участкового податного инспектора в составе комиссаров и членов по назначению районных советов депутатов. Полученные из всех податных участков данные послужили основанием для разверстки всей назначенной на Москву суммы налога в 2 млрд. руб.

Суммы налога, устанавливаемые для юридических лиц, не переносились на лица физические. Если при обследовании выяснялось, что у плательщика, кроме процентных бумаг, нет имущества, — налог слагался. Налог уменьшался и слагался в тех случаях, когда при небольших ставках плательщик оказывался нетрудоспособным, обремененным семьей, даже при наличии небольшого имущества, приобретенного трудовой жизнью. При обложении некоторых общеполезных ненационализированных предприятий налог уменьшался до размера чистой прибыли или возможного минимума.

Были установлены строгие меры взыскания по чрезвычайному налогу: арест денежных запасов (при соблюдении неприкосновенности текущих счетов и вкладов в сберегательных кассах, произведенных после 1 января), опись и продажа с публичных торгов излишков движимого имущества, конфискация недвижимого имущества, назначение на принудительные работы, личный арест. Одновременно указывалось на необходимость особо осторожного подхода к плательщикам из трудящихся, с рядом ограничений в применении мер взыскания к уклоняющимся от уплаты.

При оценке роли единовременного чрезвычайного революционного налога следует иметь в виду, что путем налога, во-первых, предполагалось изъять из обращения значительную часть денежных знаков с целью оздоровить денежное обращение; во-вторых, налог должен был способствовать расширению работы заготовительных органов, снабжавших продовольствием Красную Армию и ударные участки производства; в-третьих, налог должен был помогать органам советской власти на селе и комитетам бедноты проводить борьбу с кулачеством.

Декретом ВЦИК от 30 октября 1918 г. был введен натуральный налог в виде отчисления части сельскохозяйственных продуктов.

Еще в августе Ленин писал в тезисах по продовольственному вопросу:

«Установить налог натурой, хлебом, с богатых крестьян, считая богатыми таких, у которых количество хлеба (включая новый урожай) превышает вдвое и более чем вдвое собственное потребление (считая прокорм семьи, скота, обсеменение).

Назвать подоходным и поимущественным налогом и сделать его прогрессивным» [1].

Тяжелое экономическое положение страны в результате долголетней империалистической войны, острая нужда в продуктах сельского хозяйства для снабжения хозяйства, армии и т. п. при все еще обесценивающейся валюте вынуждало ввести именно натуральный налог, обратив его острие в целях ограничения эксплоататорских тенденций кулачества.

ВЦИК в связи с этим постановил: «Обложить сельских хозяев, обладающих излишком продуктов потребления, натуральным налогом в пользу государства в виде отчисления части продуктов их производства».

Натуральный налог вводится с таким расчетом, чтобы среднее крестьянство облагалось умеренно, а «на кулаков-богатеев была возложена главная часть государственных сборов».

Наряду с введением натурального налога был отменен общегосударственный поземельный налог. Подоходный денежный налог был сохранен, однако для каждого хозяйства он уменьшался на стоимость продуктов, вносимых в уплату натурального налога. Натуральный налог взимался с излишка с учетом потребностей хозяйства и определялся размером площади посева и наличного количества голов скота. Обложение производилось по ставкам, в зависимости от числа членов семьи, количества десятин посева и голов скота. От налога освобождались все хозяйства, в которых количество снятого посева и количество голов скота не превышало на 1 октября 1918 г. собственные потребности хозяйств.

Натуральный налог выражал собой советскую налоговую политику, проводившуюся в интересах диктатуры пролетариата. По техническим причинам (ввиду необходимости организации специального аппарата и сложности системы взимания) обложение натураль-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXX, стр. 392.

ным налогом начало проводиться лишь в 1919 г., поэтому рассмотрение итогов обложения относится уже к периоду военного коммунизма.

В июне 1918 г. был декретирован единовременный сбор на нужды семей красноармейцев. Согласно инструкции Наркомфина этому сбору подлежали частные торговцы и владельцы промышленных и торгово-промышленных предприятий, имеющих наемных рабочих и служащих. Ставка налога равнялась месячной зарплате всех рабочих и служащих данного предприятия в июне. Налог уплачивался владельцем предприятия и не перекладывался на рабочих и служащих.

Декретом от 9 ноября 1918 г. был установлен единовременный сбор в фонд добавочного детского питания. Этим сбором облагались: 1) частные торговые предприятия, театры и кинематографы — в размере половинной суммы средней дневной выручки; 2) лица, не состоящие на службе, но имеющие другие источники доходов, — в размере двухдневного дохода и 3) рабочие и служащие — в размере половины дневной зарплаты. На селе этот сбор взыскивался натурой в размере дневного и полудневного заработка, установленного для данной местности, в зависимости от экономического состояния хозяйства.

Наряду с прямыми налогами применялось и косвенное обложение. Однако сущность косвенных налогов коренным образом изменилась. Из орудия эксплоататорских классов, направленного против рабочего класса и трудящегося крестьянства, косвенные налоги превратились в орудие диктатуры пролетариата, использовались как средство финансирования народного хозяйства; при перестройке косвенного обложения были уменьшены ставки на предметы широкого потребления и, наоборот, резко повышены ставки на предметы роскоши. В дальнейшем, с завершением процесса национализации промышленности, декретом от 21 ноября 1918 г. были отменены все существующие акцизы и вместо них были установлены особые начисления в пользу государства, прибавляемые к заготовительной цене продукта. Недостаточное поступление сумм от начислений объяснялось состоянием хозяйства в целом, в связи с наступившим обострением гражданской войны. Однако уже здесь мы видим прообраз той налоговой системы, которая в новых условиях победы социализма, в результате налоговой реформы, приняла форму налога с оборота, как одного из каналов изъятий социалистического накопления.

2. Создание советского государственного бюджета

Вопрос об организации бюджета Советского государства был поставлен как практическая задача с первых же дней существования советской власти. Полученные по декрету от 26 ноября 1917 г. первые 10 млн. руб. явились первоначальным фондом Совнаркома, которым было положено начало делу организации государственного бюджета. Однако впервые явилась возможность приступить к составлению бюджета лишь в начале 1918 г. В это время страна находилась в очень тяжелом состоянии. Развал хо-

зяйства отрицательно влиял на бюджетное строительство 1918 г. Происходил процесс разрушения феодально-буржуазного государственного аппарата и творческого созидания нового аппарата пролетарской диктатуры. Развертывалась национализация промышленности и торговли. Транспорт находился в состоянии полного расстройства и требовалось решительное вмешательство пролетарского государства для того, чтобы наладить работу транспорта. Ряд предприятий, находившихся в ведении казны, оказался в полуразрушенном состоянии. К тому же решительные мероприятия правительства по ликвидации империалистической войны и ее последствий требовали значительных средств. Трудно было предугадать, что передышка после заключения мира окажется короткой, что с лета 1918 г. развернется гражданская война и интервенция.

Насыщенность этого периода революционными событиями, проводившиеся коренные преобразования, а также необходимость мобилизации всех сил страны для отпора многочисленным внутренним и внешним врагам в условиях страны, доведенной до истощения владычеством помещиков и капиталистов и империалистической войной, — все это не давало возможности производить бюджетные расчеты на длительный период. Революционная ломка старых феодально-капиталистических отношений и развитие социалистических отношений в период завоевания и укрепления диктатуры пролетариата требовали быстрого оформления соответствующих финансовых мероприятий советской власти. Ясно, что в этот период предусмотреть сразу все потребности на год вперед было невозможно. Поэтому была временно принята система полугодовых бюджетов, как наиболее отвечавшая существовавшим условиям. Те же условия диктовали необходимость установить такой порядок составления, утверждения и исполнения бюджета, при котором быстро и гибко удовлетворялись бы неотложные нужды строительства Советского социалистического государства.

Поэтому первые сметно-бюджетные правила, утвержденные 28 января 1918 г., представляли собой краткие указания о порядке составления смет и отличались отсутствием подробной регламентации; это было сделано для облегчения составления первого бюджета. Правилами было установлено, что представляемые сметы должны заключать в себе лишь общие расчеты; подробные же расчеты сообщались Наркомфину, госконтролю и ВСНХ и детально обсуждались в особых междуведомственных совещаниях. После рассмотрения смет в междуведомственных совещаниях они вносились в ВСНХ и СНК. Одновременно с рассмотрением смет разассигновывались кредиты путем кассовых расходных расписаний. Особый упор делался на необходимость строжайшей экономии.

Представление смет государственными органами затягивалось. К общим трудностям, вызванным состоянием страны, присоединились другие препятствия: часть служащих саботировала; переезд правительственных органов в Москву при неурегулированности работы ряда звеньев государственного аппарата также задержал и осложнил составление смет; расстройство почтовой и теле-

трафной связи центра с местами затрудняло контакт центральных и местных органов, необходимый в сметной работе. Отрицательно сказывалась и неясность взаимоотношений между финансовыми отделами советов и еще оставшимися учреждениями центрального финансового аппарата на местах. Центральные органы часто реорганизовывались, их функции и задачи менялись, возникали новые потребности. Все же к концу апреля 1918 г. большинство смет уже было представлено в ВСНХ. Рассмотрение смет затягивалось в значительной мере из-за того, что многие сметы были плохо составлены, с большими пробелами, а иногда и почти совсем не разработаны.

Советское правительство не могло мириться с тем, что составление бюджета затягивается. Ленин и Сталин придавали большое значение советским финансам и, в частности, составлению первого бюджета Советского государства. Необходимо было принять срочные меры. Совет народных комиссаров постановлением от 8 июня 1918 г. образовал особое совещание под председательством Наркомфина с участием представителей ВЦИК, ВСНХ, госконтроля и соответствующих наркоматов или учреждений, смета которых рассматривалась. В десятидневный срок совещание обязано было разобрать все не рассмотренные к тому времени сметы, закончить все работы по составлению бюджета и внести на рассмотрение в СНК готовый проект бюджета.

Еще при составлении бюджета на первое полугодие на основе использования опыта первого сметного периода СНК утвердил особым декретом от 3 июня 1918 г. правила составления и исполнения бюджета на второе полугодие. Правительство добивалось более своевременного составления бюджета и улучшения всей постановки бюджетного дела. Правила от 3 июня 1918 г. являлись значительным шагом вперед. По этим правилам бюджетный период определялся с 1 июня по 31 декабря 1918 г. Бюджет должен был содержать в себе все ожидаемые к поступлению доходы и все предстоящие государственные расходы. Правила подтверждали деление расходов бюджета на обыкновенные и чрезвычайные, а также указывали основания для такого деления. К чрезвычайным расходам были отнесены только расходы, вызванные ликвидацией последствий войны (в тесном смысле слова) и необходимостью военных действий. Все же остальные расходы, которые по номенклатуре прежних бюджетов относились к чрезвычайным расходам, якобы вызванным войной (например, продовольственная и семенная помощь, субсидирование железных дорог на усиление их оборотных средств, на покрытие перерасходов по эксплоатации, на разные расходы по шоссейным и водным путям, на устройство и оборудование торговых портов и т. д.), были перенесены в раздел обыкновенных расходов.

К концу 1918 г., когда полностью разгорелась гражданская война, было утрачено всякое значение в делении расходов на обыкновенные и чрезвычайные, и в бюджете на первое полугодие 1919 г. такое деление отсутствовало. Правилами был установлен порядок

составления смет и права их составителей. На расходы, не предусмотренные сметой, разрешалось резервировать не более 10 проц. всего объема сметы. Сметы должны были составляться не позднее 15 июня 1918 г. При каждом наркомате были созданы особые совещания с участием Наркомфина, госконтроля и ВСНХ для предварительного рассмотрения представленных смет. Затем сметы передавались на окончательное рассмотрение особого междуведомственного совещания, после чего представлялись на утверждение СНК. Одновременно госконтроль присылал в СНК свое заключение. После утверждения каждой сметы Совнаркомом они сводились Наркомфином в государственный бюджет и с объяснительной запиской последний представлялся на утверждение ВЦИК.

Порядок использования сметных кредитов был построен по следующим принципам: 1) своевременность и срочность финансирования госучреждений путем рассылки временных расходных расписаний до окончательного утверждения сметы, которая рассматривается в предварительном совещании в пределах месячной суммы сметы; после утверждения сметы госучреждениям передаются полные ассигнования в полной сумме назначенных кредитов; 2) обязательность расхода точно по сметному назначению; 3) экономия и бережливость в расходовании государственных средств.

Декретом от 3 июня 1918 г. было установлено, что «никакой новый расход, не предусмотренный сметами, не может быть произведен без испрошения на то сверхсметного кредита через Совет Народных Комиссаров». СНК, утверждая декретом от 11 июля 1918 г. бюджет первого полугодия, предписал госконтролю наблюдать за правильным проведением расходов, чтобы все расходы, произведенные до утверждения сметы, относились на соответствующие кредиты. Льготный срок действия кредитов был продлен до 31 июля, а затем по 31 августа 1918 г.

Составление смет и бюджета на второе полугодие проходило уже значительно лучше. Однако для составления бюджета нужно было преодолеть ряд трудностей. Запоздание с окончанием работ по бюджету первого полугодия отражалось на своевременности составления бюджета второго полугодия. Затруднения создавались в связи с отсутствием данных об исполнении предыдущего бюджета. К моменту составления второго бюджета сведения о поступивших доходах почти отсутствовали. Довольно многочисленны были случаи нарушения принципа единства кассы. Многие местные учреждения, получавшие общегосударственные доходы, сдавали их в бюджет неполной суммой. Часть доходов они обращали непосредственно на свои нужды, в большинстве случаев может быть и очень существенные, но на которые в свое время не были испрошены необходимые кредиты в достаточном размере. Это преуменьшало данные о доходах, поступавших в центральные органы.

В мае 1918 г. в целях борьбы с нарушениями был издан декрет о соблюдении единства кассы. Все денежные средства должны были вноситься в кассу Государственного казначейства. На хранении в учреждениях могли находиться лишь авансы, отпускаемые

на мелкие операции и командировочные расходы. Все доходы учреждения должны были полностью вносить в бюджет, не имея права производить расходы из этих сумм непосредственно. Все же нарушения единства кассы приводили к неполноте данных о доходах. Безостановочный процесс формирования новых органов, необходимость ассигнований на оборону страны, на борьбу с врагами советской страны, изменения территории и тому подобные обстоятельства влияли на планирование расходов. 1 октября 1918 г. Совнарком вынес решение о скорейшем окончании сметных работ, для чего было снова создано особое совещание под председательством наркомфина, которое, закончив работы в середине октября, представило на утверждение проект бюджета.

Особое значение для бюджетного строительства имела Конституция РСФСР, утвержденная V съездом Советов. Советская Конституция установила, что все доходы и расходы РСФСР объединяются в общегосударственном бюджете и от Всероссийского съезда Советов или ВЦИК зависит определение видов доходов и сборов, входящих в общегосударственный бюджет и поступающих в распоряжение местных советов, а также установление пределов обложения.

Конституцией было установлено деление доходов и расходов на общегосударственные и местные. Местные налоги и сборы устанавливались местными советами и обращались исключительно на нужды местного хозяйства. Общегосударственные нужды удовлетворялись за счет средств государственного казначейства. Ни один расход не мог быть произведен без предоставления на него кредита в государственном бюджете или без особого постановления правительства.

Конституция определила и бюджетную дисциплину. Она установила, что все ассигнования из государственного бюджета в распоряжение местных советов на нужды общегосударственного значения, а также кредиты, отпускаемые по сметам на местные нужды, должны расходоваться в пределах сметных подразделений по прямому назначению и не могут быть израсходованы без разрешения правительственных органов на другие потребности. Все эти принципы и были положены в основу при составлении бюджета.

Во всем бюджетном строительстве преследовалась задача сокращения расходов. В связи с этим следует указать на ту борьбу, которую вели Ленин и Сталин за сметную дисциплину, за экономное расходование бюджетных средств, за строжайшую отчетность. В целях борьбы за экономию государственных средств был создан Особый комитет при ВСНХ по сокращению государственных расходов. 20 февраля 1918 г. было издано положение об этом комитете[1]. На Особый комитет возлагалось: сокращение и отмена ассигнований, пересмотр кредитов, уже разрешенных и вошедших во временные расходные расписания и в росписи государственных расходов, рассмотрение положений об отпуске

[1] „Газета Рабочего и Крестьянского правительства" № 28, 1918 г.

средств на расходы мирного времени, предварительное рассмотрение финансовых смет ведомств и учреждений, рассмотрение всех без исключения заявок ведомств о сверхсметных ассигнованиях.

Характерными являются такие примеры. 26 марта 1918 г. Совнарком принял проект постановления, предложенный Лениным, о контроле над расходованием сумм ВСНХ. Специально созданной комиссии «поручается во 1-х, особо рассмотреть вопрос о формах отчетности; во 2-х, затребовать точные письменные акты за подписью всех заинтересованных лиц, удостоверяющие участие этих лиц в ассигновании денег и в ведении хозяйственных операций разных отделов В. С. Н. Х.

Сверх того, затребовать от этих руководящих лиц, чтобы они в ближайшее время предъявили соответств[ующие] документы от всех подведомственных им учреждений и лиц, чрез посредство коих происходит расходование сумм В. С. Н. Х-ва» [1].

Второй пример. Центросибирь, получая еженедельно до 150 млн. руб., требовала дополнительных ассигнований. Ленин предложил проверить точно расчеты и сообщить, на какие цели нужны эти ассигнования. Не получая долго ответа Центросибири, Ленин телеграфирует: «...Заявляю, что такое отношение к делу, когда не отвечают, на какие цели употреблены сотни миллионов и почему и сколько нужно сверх нормы, недопустимо» [2].

Наконец, укажем и на такой факт: рассмотрев просьбу Московского совета об отпуске ему 5 млн. руб., не подкрепленную детальной расшифровкой, на какие нужды испрашивался кредит, а также доводами о невозможности покрытия расходов за счет местных доходов, СНК 2 декабря (19 ноября) принял такое постановление: «Совет Народных Комиссаров обращает внимание всех местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на то, что они, в качестве власти на местах, обладают также и налоговыми правами, вследствие чего все обращения к центральной государственной власти за субсидиями, не подкрепленные достаточными доказательствами невозможности получения необходимых денежных средств путем введения местных налогов, будут оставаться без удовлетворения. Всякие обращения за финансовой поддержкой должны быть мотивированы и сопровождаться точными финансовыми и экономическими документальными справками» [3].

Борьба за сокращение расходов нашла отражение и в работах междуведомственных совещаний. Заявки ведомств были значительно сокращены. Так, по данным госконтроля заявки ведомств составляли 30 972 млн. руб., совещание сократило их до 17 602 млн. руб., т. е. на 43 проц.; на второе полугодие требование 42 130 млн. руб. утверждено было в 29 074 млн. руб., т. е. сокращение составило 33 проц. Из смет прежде всего исключались те кредиты, в отношении которых после тщательного обсуждения выяснилось, что фактически расходы за счет этих кредитов не будут

[1] XXI Ленинский сборник, стр. 159 — 160.

[2] Там же, стр. 173.

[3] „Декреты Октябрьской революции", т. I, стр. 133.

произведены ни до конца сметного периода, ни до конца льготного срока действия смет. Кроме того, исключались кредиты, которые испрашивались без учета изменений территории. Так же поступали и с требованиями, не отвечавшими интересам Советской страны или являвшимися излишествами; наоборот, всячески проверялись и дополнялись кредиты на мероприятия, важные для пролетарского государства, недостаточно учтенные наркоматом, представившим смету. Так строились первый, а затем второй бюджеты Советского государства.

Бюджет на второе полугодие 1918 г., составленный на основании декрета от 3 июня, естественно, значительно более приближался к действительным потребностям и являлся более реальным.

Необходимо отметить, что буржуазное Временное правительство за все время своего существования оставалось без бюджета, продлив лишь кредиты по бюджету 1916 г. на 1917 г.

Советское же правительство буквально уже в первые месяцы своей работы составило первый, а затем и второй бюджет. Этот факт можно расценивать как показатель исключительной заботы об улучшении финансового положения государства, в результате чего уже в 1918 г. были достигнуты заметные успехи.

Анализ исполнения бюджетов 1918 г. (см. стр. 102—103) показывает прежде всего значительное недовыполнение доходов, достигшее 32,4 проц., или почти трети всех запроектированных поступлений. Доходов оказалось в действительности меньше, чем было утверждено по бюджету; однако нужно иметь в виду то, что таблица исполнения доходов является неполной, ибо сведения о доходах за оба полугодия поступили всего от 26 губерний [1]. Но очень важно отметить следующее обстоятельство: и при неполноте сведений получается, что недовыполнение доходов во втором полугодии было равно всего 9,1 проц., в то время как недобор в первом полугодии составил 54,6 проц. Уже только один этот итог сам по себе свидетельствует о значительных улучшениях в поступлении государственных доходов. Если все доходы бюджетов разбить на три большие группы (как это сделано в таблице), то нетрудно установить, что при суммарном недовыполнении доходов по каждой группе удельный вес последних почти один и тот же по исполнению в сравнении с росписью. Имеются совсем незначительные отклонения в бюджете второго полугодия 1918 г.

	Удельный вес в бюджете	
	по росписи	по исполнению
Доходы от государственных предприятий . . .	63,0	62,1
Доходы от налогов	32,3	31,0
Разные доходы	1,7	6,9
Итого	100%	100%

[1] А также по некоторым таможенным кассам и за первую половину 1918 г. по полевым казначействам.

Д О Х
государственных
(в млн.

№№ по порядку	Наименование доходов	Январь—июнь 1918 г.				
		назначено по росписи		фактическое исполнение		
		сумма	% к итогу	сумма	% к итогу	% исполнения
1	*Доходы от государственных предприятий*	1 834	64,3	651	50,3	35,5
	В том числе:					
	железные дороги	639	22,4	475	36,7	—
	морской и речной флот	256	9,0	1	0,1	—
	промышленные предприятия и совхозы	5	0,2	3	0,2	—
	связь	209	7,3	63	4,9	—
	лесной доход	40	1,4	13	1,0	—
	другие доходы от предприятий . .	685	24,0	96	7,4	—
2	*Доходы от налогов*	954	33,4	568	43,9	59,5
	В том числе:					
	прямые	368	12,9	199	15,4	—
	косвенные	410	14,4	298	23,0	—
	пошлины	176	6,1	71	5,5	—
3	*Разные доходы*, включая и возмещение расходов государственного казначейства	65	2,3	76	5,8	117,0
	В с е г о	2 853	100	1 295	100	45,4

[1] Таблица доходов и расходов (стр. 107) государственных бюджетов за 1918 г. составлена на основании:

Росписи доходов и расходов на январь—июнь 1918 г.

Росписи доходов и расходов на июль—декабрь 1918 г.

Сводных данных о росписи в сборнике „Социальная революция и финансы", стр. 117—122.

Ю Д Ы[1]

бюджетов в 1918 г.

руб.)

Июль—декабрь 1918 г.					За весь 1918 г.				
назначено по росписи		фактическое исполнение			назначено по росписи		фактическое исполнение		
сумма	% к итогу	сумма	% к итогу	% исполнения	сумма	% к итогу	сумма	% к итогу	% исполнения
1 801	66,0	1 537	62,1	85,3	3 635	65,2	2 188	58,0	60,2
430	15,8	1 197	48,3	—	1 069	19,2	1 672	44,2	—
302	11,1	61	2,5	—	558	10,0	62	1,6	—
116	4,2	6	0,3	—	121	2,2	9	0,3	—
115	4,2	80	3,2	—	324	5,8	143	3,8	—
164	6,0	29	1,2	—	204	3,7	42	1,2	—
674	24,7	164	6,6	—	1 359	24,3	260	6,9	—
880	32,3	768	31,0	87,3	1 834	32,9	1 336	35,4	72,8
367	13,5	360	14,5	—	735	13,2	559	14,8	—
393	14,4	311	12,6	—	803	14,4	609	16,1	—
120	4,4	97	3,9	—	296	5,3	168	4,5	—
45	1,7	171	6,9	380,0	110	1,9	247	6,6	224,5
2 726	100	2 476	100	90,1	5 579	100	3 771	100	67,6

Данные об исполнении составлены на основании:

Материалов, опубликованных в „Статистическом ежегоднике 1918—1920 гг.“, выпуск II (использованы лишь данные о доходах).

Данных статей Дементьева и др. об исполнении бюджетов в газетах „Экономическая жизнь“ за 1918 и 1920 гг. и „Торгово-Промышленной газете“ за 1918 г.

Данных статей в журнале „Известия НКФ“ за 1919 и 1920 гг.

Анализа архивных материалов.

Это подтверждает вывод об улучшении бюджетной работы во втором полугодии.

Две трети всех доходов в первом полугодии должны были поступить от государственных предприятий. Наибольшие суммы доходов должны были дать железнодорожный и водный транспорт, связь и сахарная монополия; фактическое поступление по этой группе составило лишь 35,5 проц. То обстоятельство, что от железных дорог не поступила значительная часть доходов (поступило 475 вместо 639 млн. руб.), объясняется главным образом тем, что они сдавали не всю выручку в государственное казначейство, обращая большую ее часть на свои расходы. По той же причине почти полностью отсутствуют доходы от эксплоатации водного транспорта. Здесь следует учесть то, что в первом полугодии и центральные, и местные органы только формировались и еще не приспособились к эксплоатации недавно национализированного флота, в результате чего и были нарушены сметные расчеты. Неполная сдача своей выручки отчасти объяснялась недостаточностью и часто несвоевременностью ассигнований кредитов. Несколько преувеличены были доходы связи, лесной доход и другие доходы от предприятий, особенно от сахарной монополии. На доходах от последней особенно отразились кризис сахарной промышленности, закрытие ряда предприятий и др.

Поступления от налогов составили значительно больший процент исполнения — 59,5. Недобор по этой группе объясняется тем, что большая часть доходов поступала в распоряжение местных органов власти, минуя государственный бюджет. Местные органы власти осуществляли прогрессивное обложение буржуазии в форме контрибуции. Выше указано, что в то время в податных финансовых органах на местах еще работали старые чиновники, в большинстве своем не способные провести действительное прогрессивно-подоходное обложение буржуазии, а зачастую и саботировавшие взыскание налогов. В этих условиях только новые, созданные революцией местные органы власти — советы и ревкомы — могли действительно проводить экспроприацию буржуазии. Именно они сумели взыскать налоги с буржуазии. Эти же доходы на первых порах и явились источником финансирования мероприятий советской власти. Поэтому по данным о поступлении налогов не только нельзя судить о всей сумме взысканных налогов, но и об удельном весе отдельных их видов. В действительности, во-первых, общая сумма взысканных налогов была в несколько раз выше и, во-вторых, основное место в них занимали прямые налоги и контрибуции.

В целом недовыполнение доходов явилось результатом общего тяжелого состояния хозяйства страны. Только невероятными героическими усилиями рабочего класса и беднейшего крестьянства под руководством коммунистической партии страна выводилась из разрухи, и по мере этого улучшалось состояние финансов. Данные о доходах второго полугодия 1918 г. подтверждают это положение. Прежде всего следует отметить, что при утверждении доходной части бюджета второго полугодия, очевидно, было учтено общее недовыполнение в первом полугодии. При продолжавшемся

падении покупательной силы рубля доходы второго полугодия были запроектированы в меньшей сумме, чем доходы первого полугодия (2 726 млн. руб. против 2 853 млн. руб.) как по общему итогу, так и по отдельным группам доходов, если не считать 10-миллиардного налога. По росписи на второе полугодие было утверждено 12 726 млн. руб., из которых 10 млрд. руб. составлял чрезвычайный налог, отразившийся в бюджетах 1919 г.

Поэтому в таблице (стр. 102—103), в графе «Назначено по росписи», мы показываем сумму за исключением 10-миллиардного налога.

	I полугодие	II полугодие	III разница в назначениях
	(в млн. руб.)		
Доходы от государственных предприятий	1 834	1 801	33
Налоги	954	880	74
Разные доходы	65	45	20
Итого	2 853	2 726	127

В общем итоге разница в назначениях по бюджетам первого и второго полугодий 1918 г. без чрезвычайного налога достигала 4,4 проц. Из таблицы видно, что исполнение доходов во втором полугодии составило 90 проц. и вряд ли будет неверным утверждение, что при учете неполноты данных бюджет по доходам можно считать фактически выполненным полностью.

Из отдельных статей обращает на себя внимание доход железных дорог, поступивший во II полугодии в сумме, превышающей записанную в бюджет в 2½ раза. Это был первый результат постепенной ликвидации нарушений бюджетной дисциплины транспортом. Большая часть выручки теперь сдавалась в государственный бюджет. Превышение поступлений от железных дорог покрыло значительные недопоступления по водному транспорту (61 вместо 302 млн. руб.), связи (80 вместо 115 млн. руб.), лесному доходу (29 вместо 164 млн. руб.), промышленным предприятиям (6 вместо 116 млн. руб.). При столь большом недопоступлении доходов по этим статьям, объясняемом в основном теми же причинами, что и для первого полугодия, все же четко обнаруживается тенденция к росту доходов по всем без исключения статьям. Сказанное в полной мере относится и к статье «Другие доходы», в числе которых наибольшая сумма относится к сахарной операции. По этой статье вместо 664 поступило 164 млн. руб., но и здесь имеется значительный рост по сравнению с прошлым годом (164 вместо 96 млн. руб.).

Что касается налогов, то по этой группе не только было достигнуто относительно высокое исполнение, но, что самое главное, наибольший рост поступлений произошел от прямых налогов (360 вместо 199 млн. руб. в предыдущем полугодии). В это время совершался переход от контрибуции к прогрессивно-подоходному обложению. Поэтому более значительная часть поступлений вносилась в государственный бюджет. Несомненно, поступление прямых налогов находилось в зависимости от происходившего процесса экспроприации экспроприаторов.

Оценивая исполнение бюджетов за 1918 г., следует указать на небольшую общую сумму доходов в сравнении с расходами, что объясняется разрухой хозяйства, полученного в наследство советской властью от феодально-капиталистического режима (см. табл. стр. 107).

Всего по бюджетам было предположено к расходованию 46 706 млн. руб., фактически же было израсходовано, включая и значительную часть сверхсметных кредитов, 30 962 млн. руб., или 66,3 проц. Надо полагать, что данные о расходах являются, подобно данным о доходах, неполными в результате наличия упомянутых выше ненормальностей в области бюджетного строительства, вызванных условиями переживаемого в то время периода. На неполноту этих данных указывает и следующее обстоятельство. Если принять фактический расход в сумме 30 962 млн. руб., а доходы в 3 771 млн. руб., то дефицит в целом за 1918 г. составляет 27 191 млн. руб. Выпуск денег в обращение составил 33 676 млн. руб. Таким образом, за вычетом бюджетного дефицита остается 6 485 млн. руб., израсходованных помимо бюджета. Бесспорно, большая часть этих средств была направлена в хозяйство через кредитные операции Народного банка. Однако, учитывая в общем сравнительно небольшой объем операций Народного банка, можно утверждать, что некоторые сверхсметные ассигнования в таблице исполнения расходов не учтены. Достаточно указать на расходы по НКПС: при ассигнованиях в 7 489 млн. руб. было использовано лишь 1 504 млн. руб., или 21,4 проц. Большая часть кредитов была закрыта. Действительный расход транспорта во много раз превышал использованные кредиты, но он покрывался путем непосредственного обращения в расходы большей части сумм железнодорожной выручки.

Несмотря на сокращения заявок наркоматов, произведенные ведомственными и междуведомственными совещаниями, все же ряд обстоятельств — новизна дела, трудности предвидения даже при полугодовых бюджетах, неналаженность связи — привел к преувеличению некоторых статей. Однако главную роль в сокращении фактических расходов бюджета сыграла борьба партии и правительства за всемерную экономию расходов. Выпуск денег в обращение строго лимитировался, сжимались все расходы, без которых можно было обойтись.

Значительно более реальными были расходы, утвержденные по бюджету на второе полугодие. Они были использованы на 76,3 проц. против 49,7 проц. в первом полугодии. Наибольший

РАСХОДЫ

государственных бюджетов в 1918 г. (в млн. руб.)

№№ по порядку	Наименование расходов	Утверждено по бюджету						Фактическое исполнение								
		на январь — июнь 1918 г.		на июль — декабрь 1918 г.		на весь 1918 г.		за январь — июнь 1918 г.			за июль — декабрь 1918 г.			В целом за 1918 г.		
		сумма	%% к итогу	сумма	%% к итогу	сумма	%% к итогу	сумма	%% к итогу	%% исполнения	сумма	%% к итогу	%% исполнения	сумма	%% к итогу	%% исполнения
1	Расходы по хозяйственным Наркоматам	8 889	50,5	12 514	43,0	21 403	45,8	3 666	42,0	41,2	10 957	49,3	87,6	14 623	47,2	67,3
	в том числе:															
	ВСНХ	3 088	17,5	4 575	15,7	7 663	16,4	999	11,4	—	7 145	32,2	—	8 144	26,3	—
	Наркомпрод	1 416	8,1	3 265	11,2	4 681	10,0	1 183	13,6	—	2 838	12,8	—	4 021	13,0	—
	Наркомзем	185	1,1	472	1,6	657	1,4	93	1,1	—	318	1,4	—	411	1,3	—
	НКПС	3 839	21,7	3 650	12,6	7 489	16,0	1 307	14,9	—	197	0,9	—	1 504	4,9	—
	Наркомпочтель	361	2,1	552	1,9	913	2,0	84	1,0	—	459	2,0	—	543	1,7	—
2	Народное просвещение и здравоохранение	1 132	6,5	3 245	11,1	4 377	9,3	292	3,3	25,8	1 626	7,3	50,0	1 918	6,2	43,8
3	Расходы законод., администр., судебн. и контр. учреждений	1 742	9,8	2 562	8,8	4 304	9,3	1 014	11,6	58,2	1 068	4,8	41,7	2 082	6,7	48,3
4	Расходы по ликвидации государственного долга	150	0,9	577	2,0	727	1,6	2	—	—	577	2,6	100,0	579	1,9	79,5
5	Фонд на сверхсметные и др. расходы	100	0,6	100	0,4	200	0,4	99	1,1	99,0	100	0,5	100,0	199	0,6	95,5
6	Расходы по обороне Советского государства	5 590	31,7	10 105	34,7	15 695	33,6	3 676	42,0	65,8	7 885	35,5	78,0	11 561	37,4	73,7
	Всего	17 603	100	29 103	100	46 706	100	8 749	100	49,7	22 213	100	76,3	30 962	100	66,3

удельный вес в расходах бюджета занимали расходы на хозяйство. Некоторая часть средств была ассигнована на новое строительство через специально созданный Комитет государственных сооружений. Эти суммы — около 2 млрд. руб. — в таблице проходят по ВСНХ. Кроме этих сумм, основная масса ассигнований направлялась на валовые расходы отраслей народного хозяйства.

Бюджет играл очень большую роль, содействуя борьбе партии и советской власти за восстановление народного хозяйства, за ликвидацию разрухи. В группе расходов на хозяйство на первом месте находились ассигнования по линии ВСНХ — 5 млрд. руб., Комгоссора — 2 млрд. руб. и Главвода — 1 млрд. руб. Расходы по ВСНХ проходили в порядке, отличном от всех других видов расходов. Особое значение их привело нас к необходимости рассмотреть всю систему и итоги финансирования промышленности в 1918 г. отдельно (см. стр. 111—125).

На организацию продовольственного дела в стране было отпущено свыше 4 млрд. руб. Эти ассигнования в большей части являлись оборотными. После реализации трудящимся заготовляемых фондов снабжения Наркомпрод должен был возвратить часть средств бюджету, оставив себе лишь оборотные средства. Ассигнования Наркомпроду во втором полугодии возросли в 2½ раза по сравнению с первым полугодием. Это соответствовало тому развороту заготовительной работы, которая началась с лета и особенно с осени 1918 г. Наркомпрод часть полученных им сумм начал возвращать в 1919 г.

В целом почти половина всех расходов бюджетов — около 11 млрд. руб. — была направлена на развитие создаваемых социалистических предприятий в результате национализации, проводимой диктатурой пролетариата. Уже одно это свидетельствует о большой роли советских финансов и, в частности, советского бюджета с самого начала существования диктатуры пролетариата.

Велика была роль бюджета в деле обороны Советской страны. В первом полугодии из 3 676 млн. руб. по статье «Оборона» большая часть была израсходована на ликвидацию последствий войны. Обанкротившееся буржуазное Временное правительство, свергнутое пролетарской революцией, оставило «наследство», которое пришлось ликвидировать советской власти. Начавшаяся летом 1918 г. гражданская война привела к необходимости концентрации всех материальных и финансовых ресурсов для разгрома внутренних и внешних врагов. Около 8 млрд. руб. во втором полугодии было израсходовано на оборону страны. Это, конечно, оказало значительное влияние на размер всех расходов и образование дефицита в бюджете.

Кроме того, из бюджета финансировались народное просвещение, здравоохранение и содержание государственных органов. В момент мобилизации всех сил страны на ликвидацию разрухи и отражение натиска врагов социально-культурные расходы не могли быть значительными, но небольшая сумма, составлявшая 6,2 проц. всех расходов бюджета, была направлена на нужды народного просвещения и здравоохранения и использована в интересах трудящихся.

Такова характеристика основных статей расходов бюджетов 1918 г.

Дефицит государственных бюджетов был большим. В первом полугодии общая сумма дефицита составила 7 454 млн. руб., причем почти половина этой суммы — 3 676 млн. — явилась результатом расходов на ликвидацию последствий империалистической войны. За вычетом этой суммы дефицит составлял лишь 74,5 проц. Если же принять во внимание, что в 1917 г. дефицит составил 85 проц. и что в 1915, 1916 и 1917 гг. он возрастал ежегодно более чем на 50 проц., станет ясно, что в 1918 г. страна выводилась из финансового краха. Начатая буржуазией гражданская война вызвала рост дефицита.

Улучшение финансового состояния страны мы сможем проследить и на факте сокращения темпа эмиссии весной и летом 1918 г. (см. стр. 144). Уже здесь обнаруживается принципиальное отличие советских финансов от финансов царской России и финансов капиталистических стран.

С момента установления диктатуры пролетариата началось социалистическое планирование народного хозяйства и финансов страны. При огромных трудностях, которые преодолевала советская власть, при бешеном сопротивлении классового врага большое значение имело организующее воздействие государства на все хозяйство и финансы страны. Элементы планирования вначале, естественно, были слабы, но по мере укрепления советской власти развивалось и планирование.

Составление и исполнение бюджетов, проходившее под неослабным наблюдением Ленина и Сталина, являлось важным элементом планирования народного хозяйства. В этом смысле очень большую роль играли междуведомственные совещания. Выше уже было указано, что все представляемые сметы предварительно и затем окончательно рассматривались в особых междуведомственных сметных и бюджетных совещаниях. Роль сметных и бюджетных совещаний не сводилась только к проверке смет. На этих совещаниях происходило ознакомление наркоматов с состоянием сметного дела; тут же обсуждались и попутно давались указания по важнейшим вопросам составления и исполнения смет; тут же накапливался опыт бюджетного строительства. Участие в междуведомственных совещаниях представителей наркоматов вместе с представителями Высшего совета народного хозяйства помогало осуществлять план использования материальных и финансовых ресурсов страны более полно и точно, в интересах диктатуры пролетариата. Процесс овладения буржуазной государственной машиной и ломки ее создал на первых порах неизбежную оторванность одной системы государственного аппарата от другой. Нередко проекты и планы отдельных наркоматов строились без увязки их с другими. В таких условиях развертывание сметно-бюджетной работы являлось одним из существенных моментов народнохозяйственного планирования.

Если учесть особенности того периода, насыщенность его революционными преобразованиями, ожесточенную борьбу с внутрен-

ними и внешними врагами народа, отсутствие опыта хозяйственной работы, трудности с кадрами организаторов хозяйства, невозможность сразу широко осуществить государственное планирование и регулирование, — можно со всей определенностью утверждать, что несовершенные бюджеты 1918 г. являлись государственными планами очень большего значения. Рассмотрение смет базировалось на учете наличных материальных и финансовых ресурсов отраслей народного хозяйства, причем уточнялись задачи и планы их хозяйственной деятельности в увязке с задачами каждой отрасли и хозяйства в целом.

Очень глубокий смысл в то время имело сосредоточение предварительного рассмотрения смет не в Наркомфине, который должен был их только сводить в единый бюджет, а в Высшем совете народного хозяйства— органе, объединяющем и направляющем деятельность всех хозяйственных наркоматов и руководившем отраслями промышленности. Смета отражала состояние предприятия, главка, центра, а возможности отпуска кредитов были в некоторой мере лимитом для развертывания плана того хозяйственного органа, которым не были учтены общегосударственные интересы. Текущая деятельность малого Совнаркома (впоследствии комиссии Совнаркома), подготовлявшего сметы к заседанию Совнаркома, показывает, что при рассмотрении смет попутно решались многие важные вопросы хозяйственного строительства.

Ленин придавал большое значение сметам, бюджету, бюджетной дисциплине, как важнейшему средству укрепления диктатуры пролетариата. Решениями Совнаркома в 1918 г. неоднократно подчеркивалась важность смет и бюджета. Часто отказ в ассигновании средств вызывался отсутствием сметы.

Бюджеты 1918 г. коренным образом отличались от дореволюционных тем, что это были бюджеты страны диктатуры пролетариата. Некоторые авторы пытались утверждать, что бюджеты 1918 г. не отличались от прежних бюджетов, так как они составлялись на основании старых классификаций и номенклатур. Руководствуясь формальными, чисто внешними признаками, они неправильно оценивали бюджеты 1918 г., игнорировали самое существенное — роль бюджетов, как орудия диктатуры пролетариата. Конечно, верно то, что новая классификация доходов и расходов не была составлена, и таким образом формально бюджет составлялся применительно к старой классификации. Однако следует отметить, что исключение из росписи значительной части старых доходных и расходных статей и введение ряда новых вызывали коренные изменения в старой классификации бюджета. В действительности эта классификация совершенно ломалась. Достаточно отметить, что каждый наркомат составлял сметы по-своему, не придерживаясь строго классификации, и лишь в междуведомственных совещаниях, сначала в ВСНХ, а затем в Наркомфине, при разборе и предварительном утверждении смет суммы соответственно группировались и подгонялись под остатки старой классификации. Такое состояние сметного дела, конечно, не содействовало бюджетному единству, однообразию норм ассигнований на одни и те же потребности разным наркоматам и

бюджетному, и финансовому планированию вообще. Вместе с тем это свидетельствует, что старые классификации и номенклатуры по существу не сохранялись.

Бюджеты 1918 г., как бюджеты Советской страны, были принципиально отличны от дореволюционных бюджетов, ибо они являлись орудием пролетариата в борьбе за подавление сопротивления эксплоататоров, за победу в гражданской войне, способствовали развитию народнохозяйственного планирования. Бюджеты 1918 г. оказывали финансовую помощь социалистическим предприятиям с самого начала национализации, помогали снабжать население продовольствием и предметами первой необходимости при остром недостатке этих предметов, помогали снабжать ударные предприятия и участки, финансировали хозяйство, оборону страны. Путем бюджетных ассигнований в значительной мере планировалось развертывание организации и охраны труда, здравоохранения и просвещения, осуществлялось финансирование верховных органов нашей страны, мобилизовывались ресурсы на оборону молодого государства от внешних и внутренних врагов.

3. Финансирование промышленности

14 ноября 1917 г. ЦИК принял декрет о рабочем контроле. Рабочий контроль над производством, куплей-продажей продуктов и материалов, хранением их, а также над финансовой деятельностью вводился в интересах планомерного регулирования всех отраслей народного хозяйства. Контроль осуществлялся рабочими через выборные органы, главным образом через фабрично-заводские комитеты с участием представителей служащих и инженерно-технических работников.

Для каждого крупного города, губернии или промышленного района создавался местный совет рабочего контроля. Органы рабочего контроля имели право наблюдать за производством, устанавливать минимум выработки предприятия, выяснять себестоимость производимых продуктов. Органы рабочего контроля имели право проверять всю деловую переписку предприятия. Коммерческая тайна была отменена. Владельцы всех предприятий обязаны были предъявлять представителям рабочего контроля все книги и отчеты. Решения органов рабочего контроля были обязательны для владельцев предприятий и могли отменяться только вышестоящими органами рабочего контроля. На владельцев предприятий и представителей рабочих и служащих, осуществляющих рабочий контроль, декретом возлагалась ответственность перед государством за строжайший порядок, дисциплину и охрану имущества.

Воззванием Совета Народных Комиссаров от 12 декабря рабочие и служащие призывались к организованному переводу предприятий, работавших на военные потребности, на нормальную хозяйственную деятельность, призывались к усилению трудовой дисциплины и ответственности за работу предприятий. В этом воззвании указывалось: «Все требования теперь должны обращаться к самим себе; если рабочий класс сумеет организовать производство, рас-

пределение и обмен, железные дороги и заводы, — все его требования этим выполняются» [1].

Закон о рабочем контроле имел в виду частные предприятия. Но во всех случаях, когда собственники или администрация предприятий препятствовали осуществлению контроля над производством или разоряли предприятие, местные органы возбуждали ходатайство, а правительство декретировало национализацию предприятия и его имущества в собственность республики.

Национализация промышленных предприятий началась с первых же дней Октябрьской социалистической революции. Этот процесс не носил характера национализации целых отраслей промышленности или крупных групп предприятий. Саботаж предпринимателей заставлял рабочих брать в свои руки отдельные предприятия и продолжать на них производство. Естественно, что в то время национализация не проводилась по определенной системе, не носила планового характера. Товарищ Молотов, руководивший Советом народного хозяйства Северного района, так оценивал национализацию в начале Октябрьской социалистической революции:

«Национализация касалась в большинстве случаев отдельных крупных предприятий и имела репрессивный характер. Национализировалось предприятие за неподчинение рабочему контролю, за противодействие новой советской власти, за саботаж и т. д. В этих случаях и не могло быть системы» [2].

На I съезде Советов народного хозяйства сообщалось, что до 1 июня 1918 г. было национализировано 521 предприятие, из которых 51,4 проц., или 271, — областными советами народного хозяйства, 124 предприятия, или 24 проц. общего числа, — местными организациями и лишь около 100 предприятий, или 20 проц., — Советом народных комиссаров и ВСНХ (27 предприятий принадлежали к ранее национализированным или казенным предприятиям).

Через некоторое время национализация начинает приобретать характер планового перехода в руки Советского государства целых отраслей промышленности:

«Если вначале национализация предприятий применялась в большинстве случаев как мера карательная, как репрессия против того или другого капиталиста, то постепенно на первое место стали выдвигаться другие мотивы. Национализировались заводы и фабрики потому, что правление вело сознательную злостную игру на остановку или закрытие предприятия с целью избавиться от рабочих организаций и ненавистного рабочего контроля, национализировалось потому, что на предприятие было затрачено много государственных средств, национализировалось для того, чтобы развязать узел недоразумений и конфликтов между предприятием и рабочими или в целях поднятия производительности работ предприятия, в особенности поднятия производительности труда, действуя на вновь национализированном предприятии от лица Советской республики, национализировалось потому, что предприятие имело осо-

[1] „Газета Рабочего и Крестьянского правительства", 1917 г., № 30.

[2] В. М. Молотов, Журнал „Новый путь" № 3, 1918 г., стр. 3.

бенно важное значение для промышленности в целом или непосредственно для государства и т. д. Но особенно важно, что все больше стал выдвигаться принцип планомерной национализации целых отраслей промышленности, в которых особенно была заинтересована государственная власть. Так были национализированы водный транспорт, сахарная промышленность, недавно нефтяная, и намечены к национализации ряд других» [1].

Подготовительным мероприятием к дальнейшей национализации промышленности явилось обязательное постановление Народного комиссариата торговли и промышленности о запрещении: 1) продажи и покупки, сдачи в аренду или в залог, переход, передача или переуступка полностью или частично торговых и торгово-промышленных предприятий; 2) образование и открытие новых предприятий; 3) преобразование единоличных предприятий в товарищества и преобразование существовавших единоличных предприятий и товариществ в акционерные общества и 4) всякое изменение в составе членов товариществ и пайщиков [2].

Декретом от 23 апреля 1918 г. была национализирована вся внешняя торговля. Торговые сделки по закупке и продаже всякого рода продуктов добывающей и обрабатывающей промышленности Советской республики с иностранными организациями и отдельными торговыми предприятиями за границей проводились Советом внешней торговли при Народном комиссариате торговли и промышленности или специально уполномоченными лицами. Помимо этого органа, всякие торговые сделки за границей для вывоза и ввоза были воспрещены.

Неподчинение рабочему контролю, саботаж капиталистов и развертывавшаяся гражданская война требовали дальнейшего развития и укрепления командных высот диктатуры пролетариата и в первую очередь национализации важнейших отраслей промышленности. Органы рабочего контроля являлись школой подготовки пролетарских командных кадров по управлению промышленностью. Тем самым создавалось одно из важнейших условий для осуществления национализации.

I Всероссийский съезд советов народного хозяйства принял постановление о необходимости перехода от национализации отдельных предприятий к последовательной национализации отраслей промышленности в целом и в первую очередь металлообрабатывающей, машиностроительной, химической, нефтяной и текстильной.

Декретом от 28 июня 1918 г. национализация вступила в новую фазу. По этому декрету были объявлены собственностью государства все принадлежащие акционерным обществам и паевым товариществам предприятия важнейших отраслей промышленности, а также частные железные дороги. Декрет от 28 июня 1918 г. являлся новой исторической вехой. Осуществлялось решающее мероприятие в деле экспроприации экспроприаторов. С этого момента в основном вся российская промышленность стала собственностью ре-

[1] В. М. Молотов, Журнал „Новый путь" № 3, 1918 г., стр. 4.

[2] „Известия ВЦИК", № 78 от 21 апреля 1918 г.

публики. Созидательная, творческая работа пролетарской диктатуры получала новый, широкий размах.

Вначале внешнее положение в национализированных предприятиях не изменялось. Все они признавались находившимися в безвозмездном арендном пользовании прежних владельцев и бывшие собственники должны были финансировать их на прежних основаниях, получая от предприятий доходы (п. 3 декрета). Весь служебный, технический персонал и рабочие, а также директора, члены правлений и ответственные распорядители объявлялись состоящими на службе советской власти и могли получать содержание по норме, существовавшей до момента национализации предприятия, из доходов и оборотных средств предприятия. Такое положение могло оставаться для всех предприятий, подпадавших под действие декрета, впредь до особого распоряжения ВСНХ по каждому отдельному предприятию (п. 3 декрета).

Имея в виду предупредить возможность обескровливания предприятий их владельцами путем перевода сумм со счетов предприятий на свои личные счета и изъятие их, правительство установило: «Накладывается арест на личные суммы, принадлежащие членам правления, акционерам и собственникам национализированных предприятий впредь до выяснения вопроса об отношении этих сумм к оборотному капиталу и средствам предприятий» (п. 6 декрета).

«Тем самым, вполне справедливо, государство распространяет свою власть на источник, получивший свое начало от той же прибавочной стоимости, что и основной капитал предприятий и в свою очередь щедро питающий паразитов общества и их участие в преступной спекуляции» [1].

Предприятия, находившиеся в единоличном владении, пока не национализировались. Они в большей части были мелкими предприятиями, не имевшими в то время для государства такого решающего значения, как акционерные предприятия. Кроме того, владельцы этих предприятий стояли к производству значительно ближе и безусловно были более заинтересованы в работе предприятий, чем акционеры, вся «деятельность» которых сводилась главным образом к получению дивидендов.

В результате уже к 1 января 1919 г. количество национализированных предприятий повышается до 1 047 против 513 на 1 июня 1918 г. Процесс национализации продолжался и в дальнейшем и был завершен в последующие годы. Преодолевая огромные трудности, советская власть налаживала разрушенное производство.

Огромное значение имело создание Высшего совета народного хозяйства и совнархозов на местах. Положение о ВСНХ, принятое ВЦИК 1 декабря 1917 г., определяло, что «задачей ВСНХ является организация народного хозяйства и государственных финансов». ВСНХ разрабатывал план регулирования экономической жизни страны, объединяя деятельность центральных и местных регулирующих учреждений, ряда наркоматов и органов рабочего контроля. Тем самым создавался совершенно новый орган диктатуры

---

[1] В. М. Молотов, Журнал „Новый путь" № 3, 1918 г., стр. 4.

пролетариата, который должен был организовать развитие народного хозяйства.

Руководство предприятиями в период национализации отдельных предприятий складывалось в виде тройной системы органов, контролирующих и регулирующих производство: правительственных правлений, контрольных комиссий и отделов Совнархоза. С переходом к национализации целых отраслей промышленности такая исторически сложившаяся система организации руководства должна была измениться. Контрольные комиссии, как органы рабочего контроля, сыгравшие большую роль в период, когда предприятия еще находились в руках капиталистов, теперь должны были быть заменены контролем государственных органов.

Для руководства фабрично-заводскими управлениями создавались в составе областных советов народного хозяйства органы управления по отраслям производства (областные правления национализированных предприятий). В их руках находилось снабжение, финансирование и распределение продукции группы предприятий. По такому же принципу были построены управления национализированных предприятий в составе ВСНХ.

Создающаяся социалистическая промышленность требовала быстрого налаживания и правильной организации финансирования. Национализируемые предприятия, переходившие в руки государства, в большинстве случаев находились в состоянии полной дезорганизации, нуждались в значительной финансовой поддержке со стороны пролетарского государства, требовали чрезвычайно бережного и заботливого отношения к себе, особенно в области организации работ и финансирования.

В первые месяцы 1918 г., когда еще не была проведена сплошная национализация предприятий, финансы предприятий складывались так: средства за выработанную и отправленную по директивам правительственных органов продукцию предприятие вносило на свой текущий счет в Народном банке и с этого счета покрывало свои расходы, а недостающие суммы получало либо из особого фонда по бюджету, либо в порядке ссуды из банка.

По государственному бюджету на первое полугодие 1918 г. (в это время ВСНХ только формировался и предприятия своих смет ему не представляли) смета ВСНХ проходила лишь в сумме 14,8 млн. руб. на административные расходы. Что же касается кредитов на операционные расходы промышленности, то по смете ВСНХ они не были предусмотрены.

Учитывая необходимость финансовой помощи, несмотря на отсутствие смет предприятий, в бюджет был внесен особый фонд на покрытие перерасходов по национализированным предприятиям и на операционные расходы ВСНХ в сумме 2 млрд. руб. Этот фонд проходил в бюджете по параграфу «особо последнему» и из него в каждом отдельном случае, по специальному постановлению Совнаркома, отпускались кредиты на операционные расходы (остальная сумма ассигнований, утвержденных по бюджету и показанных в таблице на стр. 107 по статье ВСНХ, направлялась на финансирование Комитета государственных сооружений и др.). В начале про-

цесса национализации финансирование отдельных предприятий производилось на выплату заработной платы и приобретение необходимых для производства сырья и материалов.

Вначале особый фонд распределялся без подтверждения отпускаемых сумм подробными сметными расчетами. В конце марта 1918 г. Совет народных комиссаров обязал ВСНХ добиться представления смет, рассмотреть их и представить через президиум ВСНХ на утверждение Совнаркома.

При общем тяжелом состоянии промышленности и большой нуждаемости предприятий, переходивших одно за другим в руки государства, следовало всячески облегчить условия получения средств. В объяснительной записке ВСНХ к предложению о выдаче авансов так описывалось состояние многих национализированных предприятий: «Почти с первых случаев национализации и секвестра предприятий для них создавалось такое неопределенное положение, что питание их деньгами было слишком затруднено. Известно, — указывалось далее, — ...как важно предприятию получить финансовую поддержку в нужный момент и какие колоссальные убытки приходится ему нести в случае неполучения во-время необходимых средств. Многие предприятия страшно пострадали из-за сложных способов получения средств... Органы управления предприятиями не имели опыта в составлении смет и установленный сметный порядок не выводил нуждающееся предприятие из тупика, тем более, что и для смет был установлен длинный и тернистый путь» [1].

Для устранения ненормальностей в финансировании предприятий Совнаркомом создан был за счет особого фонда по бюджету оборотный фонд ВСНХ. Этот фонд предназначался для удовлетворения неотложных нужд предприятий и расходовался по установленной производственным отделом ВСНХ, после обследования на месте положения предприятия, потребности предприятия до утверждения его сметы. Получив сумму из оборотного фонда, предприятие обязано было представить смету в срок не позднее двух месяцев. После утверждения сметы выданные суммы погашались из ассигнований по смете, и оборотный фонд восстанавливался. Из оборотного фонда финансировались также национализированные предприятия, находившиеся в переходном состоянии (когда еще не было правительством назначено правление предприятия). Они получали средства в форме срочных процентных ссуд под обеспечение договоров с заказчиками либо причитающихся платежей от советских учреждений и государственных предприятий, а также под обеспечение запасами сырья, полуфабрикатов и готовых изделий. Для финансирования предприятий местного значения ВСНХ отпускал местным СНХ часть фонда, которая погашалась Совнархозом за счет своих сметных ассигнований либо за счет поступлений от предприятий, получивших средства [2].

Идя далее по пути облегчения условий получения средств национализированными предприятиями и учитывая, что сметное дело

[1] ЦАОР, фонд 130, опись 8, дело № 60, лист 326.

[2] Там же, лист 68.

начало налаживаться, СНК 17 мая 1918 г. принял декрет «О выдаче авансов национализированным и секвестрованным предприятиям». Этим декретом разрешалось выдавать авансы национализированным предприятиям по постановлениям и распоряжениям ВСНХ из сумм государственного казначейства на основании удостоверений соответствующих общегосударственных центров управления и регулирования промышленности или областных СНХ (по отраслям, не имевшим общегосударственных центров) о том, что смета ими рассмотрена, одобрена и представляется на утверждение государственных органов. Авансы могли выдаваться в размере не более двухмесячной потребности по проекту сметы.

Разрешение вопроса о выдаче авансов было возложено на Авансовую комиссию ВСНХ. В отчете о работе Авансовой комиссии ВСНХ было указано, что «Авансовая комиссия была создана в апреле с. г. для предварительного рассмотрения ходатайств о выдаче ссуд частным предприятиям и авансов — национализированным. Комиссия собирала весь необходимый при рассмотрении ходатайств материал от заинтересованных отделов ВСНХ, учреждений и организаций и направляла их в президиум или в другие инстанции: Учетно-ссудный комитет, Комиссию смет, департамент государственного казначейства и др.» [1].

Однако получение средств облегченным порядком наталкивалось на сопротивление в Государственном казначействе, которое принимало на себя функции рассмотрения ходатайства по существу.

Между тем, «никаких прав Государственному казначейству в этой области декретом не предусматривалось, — указывалось в докладной записке ВСНХ по поводу выдачи авансов, — за все время существования указанного декрета (3 месяца с лишком) ВСНХ разрешил около 10—12 авансов, прибегая к этому способу в случаях самой неотложной нужды в деньгах, считаясь со всеми условиями, в которых приходится работать правлениям предприятий и учреждений в центре. Но установившийся было упрощенный способ снабжения предприятий в критический момент необходимыми средствами был нарушен руководителями Государственного казначейства, пожелавшими вопреки точному смыслу декрета СНК от 17/V входить в рассмотрение ходатайств по существу, требуя представления всех материалов по каждому делу и тем самым задерживая выдачу». Отмечая вызывавшуюся этим затяжку в выдаче средств, ВСНХ указывал, что «несвоевременное получение денег значительно уменьшает их ценность, так как при данных условиях неустановившихся цен каждый день промедления вызывает непроизводительные переплаты» [2]. В результате были приняты дополнительные меры, облегчавшие финансирование. В распоряжение ВСНХ был предоставлен авансовый фонд в сумме 200 млн. руб., который давал возможность немедленно проводить необходимые мероприятия.

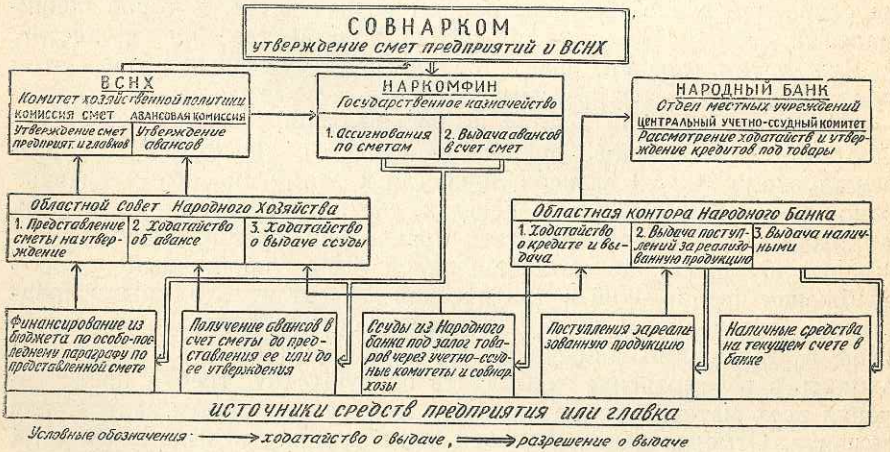
---

[1] ЦАОР, фонд 3429, опись 1, дело № 133, лист 132.

[2] Из объяснительной записки ВСНХ к его предложению по вопросу о выдаче авансов национализированным и секвестрованным предприятиям. ЦАОР, фонд 130, опись 8, дело № 60, лист 326.

Наряду с бюджетным финансированием значительную роль, особенно в первом полугодии 1918 г., играли кредиты Народного банка. В апреле 1918 г. на совещании в Народном банке было установлено, что предприятиям может предоставляться вексельный и подтоварный кредит. Совещание определило, что основной формой кредитования являются контокоррентные кредиты, которые «...открываются лишь под обеспечение причитающихся и имеющих причитаться предприятиям платежей по исполненным и исполняющимся работам, по представлении всех сведений и документов, необходимых для оформления прав на принимаемые в обеспечение платежи к Народному банку» [1]. В решениях этого совещания выражено стремление по возможности более четко разграничить кредитование от финансирования. По вопросу о финансировании было решено: «Открытие кредитов, если оно имеет целью увеличение недостаточных оборотных средств в случае расширения предприятий, или если оно делается в виде временного аванса в счет операции финансирования, может производиться лишь порядком, принятым для финансирования предприятий, а не в форме кредитования» [2].

Вся система снабжения предприятий средствами до декрета от 28 июня о национализации основных отраслей может быть грубо приближенно представлена следующей схемой:

Разрешение и выдача

Предприятия снабжались средствами и в порядке финансирования и кредитования. Финансирование носило характер прямой выдачи средств на оборотные нужды предприятий и восстановление их, с разграничением цели каждого ассигнования лишь по смете, причем источником сметных ассигнований был «особо последний» параграф бюджета. Иногда то же финансирование принимало харак-

---

[1] ЦАОР, фонд 2324, опись 38, дело № 185.

[2] Там же.

тер выдачи авансов в счет сметы. Наряду с финансированием существовало и кредитование предприятий Народным банком.

Трудно установить, какой из этих видов снабжения средствами был преобладающим, из-за недостаточности итоговых данных. Но, бесспорно, можно сказать, что эти два вида дополняли друг друга. Если бы предприятия сразу же после национализации лишались права на кредиты банка, они, несомненно, испытывали бы особые трудности ввиду того, что, во-первых, вначале национализации подвергались отдельные предприятия и, во-вторых, что недостаточно была налажена система бюджетного финансирования. Предприятия быстро не получали бы средств, хотя у них и имелись бы наличные товарные запасы.

Отсутствие финансирования в свою очередь ставило бы в очень тяжелое положение те предприятия, которые к моменту национализации не имели товарных запасов. Между тем, помощь государства такому предприятию выдачей средств из бюджета создавала возможность налаживать производственную деятельность. Прямое финансирование было рассчитано, главным образом, на покрытие разрыва между доходами и расходами предприятия, вызванного общей разрухой в хозяйстве. Таким образом, в первом полугодии национализированные предприятия получали ссуды из банка, при поступлениях за реализованную продукцию могли рассчитываться с банком, распоряжались наличными средствами, находящимися на их текущем счете и на разрывы между расходами и доходами предприятия, субсидировались государством. Такой порядок был зачаточной формой хозяйственного расчета.

Если в первом полугодии 1918 г. все финансирование шло не по смете ВСНХ, а по «особо последнему» параграфу бюджета, то в бюджет на второе полугодие уже по смете ВСНХ был внесен фонд финансирования предприятий на сумму сальдо их доходов и расходов. Однако слабость хозяйственного планирования, трудность предвидения необходимых сумм на случай затруднений и ряд других моментов вызывали то, что ассигнования по параграфу «особо-последнему» и во втором полугодии занимали большое место.

Следует, между прочим, отметить, что даже введение финансирования промышленности в рамки параграфа «особо-последнего» имело положительное значение, ибо здесь создавались и развивались элементы народнохозяйственного планирования. Кроме этих фондов, действовал и фонд авансирования предприятий.

Об удельном весе каждого из указанных фондов можно судить по данным ВСНХ, полученным в результате обследования, проведенного в 1919 г., охватившего 34 главка и центра, созданных в 1918 г. По этим данным полученные в порядке финансирования средства распределялись по фондам следующим образом [1]:

---

[1] „Два года диктатуры пролетариата", изд. ВСНХ, 1919 г., стр. 61. Данные относятся к 4 главкам и центрам, деятельностью свыше полугода, 5 главкам — от 3 до 6 месяцев и 25 главкам до 3 месяцев.

	Всего открыто кредитов	Из них:			По параграфу „особо-последнему“
		по смете ВСНХ		из фонда авансирования	
		по производственным расходам	по орг. и операционным расходам		
В первом полугодии 1918 г.:					
а) в млн. руб.	758,95	—	13,99	—	744,96
б) в процентах	100,00	—	1,80	—	98,20
Во втором полугодии:					
а) в млн. руб.	4 528,71	1 994,29	266,66	229,78	2 037,98
б) в процентах	100,00	43,80	5,80	5,00	45,40

Из этих данных видно, что в первом полугодии финансирование промышленности происходило не по смете ВСНХ, а главным образом, по параграфу «особо-последнему» государственного бюджета (не считая всех других ресурсов, использованных предприятиями).

Во втором полугодии за счет параграфа «особо-последнего» промышленность финансировалась лишь в размере 45,4 проц. всех открытых кредитов. Около половины последних проходило по смете ВСНХ. Отсюда нужно сделать вывод, что за короткий срок были достигнуты серьезные успехи в охвате сметами (а стало быть и планированием) значительной части хозяйственной деятельности. Если учесть молодость производственных организаций, еще ярче выступают успехи созидательной, творческой работы советской власти в борьбе за планирование и налаживание хозяйства.

Разрешенные ВСНХ кредиты на народное хозяйство в 1918 г. состояли из следующих сумм (в тыс. руб.) [1]:

1. Кредиты по сметам ВСНХ и за счет параграфа «особо-последнего»	5 286 610
2. Разные кредиты других ведомств, переданные ВСНХ	417 460
3. Фонд по авансированию национализированных предприятий	200 000
	5 904 070

Эти кредиты были отпущены наличными выдачами и переводами на текущие счета.

1. Отделам (производственным) ВСНХ	836 995
2. Местным советам народного хозяйства	161 682
3. Финансируемым учреждениям (главкам, центрам и т. п.)	3 483 865
4. Национализированным предприятиям	505 567
5. Финансово-счетному отделу (тек. счет ВСНХ) . . .	15 898
	5 004 007

[1] „Два года диктатуры пролетариата“, изд. ВСНХ, 1919 г., стр. 61.

Кроме того, по дополнительно открытым кредитам в счет сметы 1918 г. было использовано 498 127 тыс. руб.

Остальные кредиты остались неиспользованными: в первом полугодии — 3 948 тыс. руб. и во втором — 397 886 тыс. руб.

Наибольшая сумма кредитов отпущена была предприятиям через главки и центры. Отпуск средств непосредственно предприятиям из ВСНХ производился лишь в случае, если национализированное предприятие еще не объединялось главком. Кредиты предприятиям через производственные отделы отпускались тогда, когда последние выполняли роль главка или центра в отношении к предприятию.

Финансирование в разрезе отдельных отраслей промышленности характеризуется такими данными [1]:

Отрасли промышленности	I полугодие 1918 г.		II полугодие 1918 г.		Всего за 1918 г.	
	в млн. руб.	в % к общей сумме	в млн. руб.	в % к общей сумме	в млн. руб.	в % к общей сумме
Металлург. промышл.	249,40	33,6	396,50	8,4	645,90	11,8
Текстильная „	177,60	23,5	2 316,70	48,8	2 494,40	45,3
Химическая „	46,10	6,0	667,90	14,4	714,09	13,0
Нефтяная „	100,00	13,2	—	—	100,00	1,8
Горная „	2,10	0,3	6,42	0,1	8,58	0,2
Угольная „	8,00	1,1	31,80	0,6	3,80	0,7
Лесная „	99,60	13,1	483,60	10,2	583,30	10,6
Электротехнич. „	5,70	0,7	48,90	1,0	54,60	1,0
Торфяная „	20,00	2,5	15,10	0,3	35,10	0,6
Пищевая „	—	—	59,70	1,2	59,70	1,1
Кожевенная „	20,00	2,5	128,80	2,6	148,80	2,7
Бумажная „	—	—	31,98	0,6	30,90	0,6
Разная „	16,46	—	289,73	6,1	305,73	5,8
Общие расходы по упр. и содержан. отд. ВСНХ	13,99	1,8	266,76	5,6	280,75	5,1

Быстрее всех организовалась металлургическая и текстильная промышленность. Кроме того, у них были относительно значительные запасы металла и нефти. Это отразилось и на финансировании. В первом полугодии 1918 г. на первом месте по размерам отпущенных средств стояла металлургическая промышленность, на втором — текстильная, на третьем — нефтяная и лесная (топливный кризис требовал особенного внимания к разработке лесов), затем химическая и, наконец, угольная и горная промышленность. Во втором полугодии картина менялась. Не только Украина, но и Урал уже были оккупированы. Основное место по финансированию занимала лишь текстильная промышленность. Но это уже было в результате начавшейся гражданской войны.

[1] „Два года диктатуры пролетариата", изд. ВСНХ, 1919 г., стр. 61.

В целом финансирование по бюджету (в порядке сметы ВСНХ, фонда и параграфа «особо-последнего») не охватывало ресурсов промышленности. В 1918 г. не было ни одного главка или центра, которые имели бы единственным источником финансирования средства государственного бюджета. Кроме кредитов по смете ВСНХ и фондов, главки использовали кредиты банка и доходы от реализации продукции.

Таким образом, финансы промышленности складывались: 1) из поступлений в счет смет; 2) из авансов и фондов; 3) из поступлений из государственного казначейства в обеспечение выполнения плановых заказов; 4) из кредитов Народного банка; 5) из поступлений от продажи готовых изделий. Последние две статьи после декрета от 28 июня 1918 г. о национализации основных отраслей промышленности стали быстро суживаться.

Так как вначале предприятия оставались временно в арендном пользовании у их бывших владельцев, последние обязаны были финансировать их на прежних основаниях до полного перехода управления к соответствующему органу Совета народного хозяйства. Поэтому было установлено, что договоры, векселя, подтоварные ссуды, валютные и другие обязательства являлись для этих предприятий обязательными и оплачивались за счет их оборотных средств.

Порядок кредитования промышленности был определен специальным декретом Совнаркома от 9 августа 1918 г., изданным в дополнение к декрету от 28 июня. Народный банк должен был на прежних основаниях продолжать кредитование национализированных предприятий до особого распоряжения ВСНХ о переходе управления ими к соответствующим органам республики. Кредитование должно было производиться... «как за счет ранее разрешенных кредитов и ссуд, так и путем допущения к пользованию новыми кредитами и ссудами, на существующих основаниях, за исключением обеспечения кредитов залогами земли, зданий, оборудования и инвентаря» [1].

С момента перехода этих предприятий из арендного содержания в управление советских органов все выданные кредиты должны были погашаться за счет сметных ассигнований [2].

Декретом было установлено, что выдача кредитов национализированным предприятиям, находящимся в полном управлении ВСНХ и его органов, прекращается, и, таким образом, финансирование должно было производиться исключительно в сметном порядке [3].

Это постановление Совнаркомом направлено было в Народный банк 21 августа 1918 г. [4], а банк лишь 22 октября 1918 г. отдал распоряжение конторам и отделениям «прекратить открытие кредитов и выдачу ссуд национализированным предприятиям» [5].

---

[1] ЦАОР, фонд 3429, опись 1, дело № 183, лист 87.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] ЦАОР, фонд 2324, опись 26, дело № 165, лист 168.

[5] Там же, лист 251.

На этом основании можно предполагать, что окончательно прекратилось кредитование национализированных предприятий лишь в конце 1918 г. Таким образом, и во второй половине 1918 г. производилось банковое кредитование промышленности наряду со сметным финансированием. Это подтверждается сообщением на совещании в Наркомфине 14 ноября 1918 г. о действовавших источниках финансирования государственных предприятий: «Необходимые для нужд производства оборотные средства национализированные предприятия до сего времени получали или 1) в общебюджетном порядке, или 2) из особого фонда, предоставленного для нужд национализированной промышленности в распоряжение ВСНХ, или же 3) посредством получения ссуд через Центральный Учетно-ссудный комитет при Народном банке (из средств банка)» [1].

Народный банк кредитовал, кроме государственных, и частные предприятия. Банк, обязывая свои органы продолжать кредитование на прежних основаниях, указывал, что при кредитовании предприятий частных либо находящихся во временном арендном пользовании у прежних владельцев, необходимо «прежде всего принимать во внимание степень кредитоспособности предприятия и его значение с точки зрения общегосударственных интересов. В частности, следует в каждом отдельном случае выяснить, имеется ли в наличии действительная потребность в оборотных средствах, вызывающая необходимость в обращении за помощью в учреждение Народного банка» [2].

Для кредитования частных предприятий распоряжением Народного банка в его областных конторах открывались кредиты районным экономическим комитетам, преобразованным в дальнейшем в Советы народного хозяйства. Порядок кредитования наглядно виден на примере из практики Московской конторы.

Распоряжением Центрального управления Народного банка от 27 апреля 1918 г. Московской конторе банка было предложено открыть кредит в 50 млн. руб. заводам Московского округа по указанию Московского совета народного хозяйства и под его контролем на 6-месячный срок из 8 проц. годовых с установлением формы пользования кредитом по соглашению с СНХ [3].

На этом основании Московский совнархоз, по соглашению с конторой банка, принял следующий порядок использования кредита. Признав необходимым выдать предприятию ссуду, комитет уведомлял контору банка о своем постановлении с указанием суммы кредита и срока пользования ссудой. На этом основании контора банка открывала предприятию кредит под обеспечение соло-векселями, со взятием залогового обязательства на всю сумму кредита из 8 проц. годовых. Получение денег с открытого таким образом специального счета предприятия производилось каждый раз только по чекам, имевшим визу СНХ, — «Выдача разрешается». О произведен-

---

[1] ЦАОР, фонд 2324, опись 38, дело № 185.

[2] Там же.

[3] Из письма Московской конторы Народному банку от 7 июня 1918 г. ЦАОР, фонд 2324, опись 38, дело № 33, лист 13.

ных операциях контора банка извещала СНХ, причем последний оставлял за собою право фактического контроля над использованием выдаваемых сумм по назначению.

Собранные Совнархозом «в процессе подготовительной работы материалы о финансовом и имущественном положении предприятия, сведения о его задолженности и другие справки, могущие говорить о кредитоспособности предприятия, коему назначается ссуда, сообщает Московской конторе Государственного банка» [1]. Беспокоясь за судьбу своих средств, выданных в виде ссуды, банк еще в апреле принял решение об установлении со своей стороны контроля, который выражался «в личном и постоянном участии представителей банка, назначаемых из среды компетентных лиц, в качестве полноправных членов органов управления, без предоставления этим представителям права единоличного наложения «Veto» на постановления и решения органов управления» [2].

Неповоротливость аппарата банка, косность и скрытый саботаж лишали эффективности установленный порядок, вызывали дополнительные трудности при развертывании работы промышленности и приводили к некоторому сужению роли банка. Часто бывало так, что главк, получивший по решению Учетно-ссудного комитета ссуду, превращал ее в источник выдачи ссуд отдельным своим предприятиям. Тем самым главк становился как бы маленьким банком: он выдавал ссуды, получал их обратно и пр. При таком положении нарушался принцип единства кассы, росла потребность в наличных денежных средствах. Роль Народного банка, как кредитного и расчетного центра в народном хозяйстве, сужалась.

Это происходило в результате прежде всего недостаточной перестройки банка, неорганизованности счетоводства, затрудненности получения средств каждым предприятием непосредственно из банка и по расчетам с ним. В этом смысле большое значение имело указание ВСНХ от 30 июля 1918 г. Комиссариату финансов — упростить контрольный банковский аппарат [3].

При этом кредиты, получаемые в банке, все же обязательно проходили через Учетный комитет. Это подтверждается сообщением представителей Народного банка и Московской конторы о работе Центрального и Московского учетно-ссудных комитетов на совещании в Наркомфине 14 ноября 1918 г.: «Все позаимствования из кредитов, проходивших через комитет, получались исключительно из средств банка. Кредиты иногда закреплялись за правительственными органами (центрами, главками) с тем, что затем из общей суммы выделялись уже кредиты отдельным предприятиям. Распределение это сначала хотели делать без участия Учетного Комитета, но потом все же проводили его через комитет» [4].

В целях устранения нарушений принципа единства кассы и для организации безналичных расчетов постановлением ВСНХ был

---

[1] Из письма Московского районного экономического комитета от 30 апреля 1918 г., ЦАОР, фонд 2324, опись 38, дело № 33, лист 6.

[2] Там же, дело № 185.

[3] Там же, дело № 33, лист 29.

[4] Там же, дело № 185.

установлен новый порядок расчетов между национализированными предприятиями и государственными учреждениями. Предприятия обязаны были сдавать всю свою продукцию по нарядам главков и от них же получать необходимое сырье, материалы и др., используя безналичные расчеты. Лишь в случае сдачи или получения продукции помимо распределительного центра расчет должен был производиться чеками на Народный банк. Каждое государственное предприятие все поступления обязано было вносить на свой текущий счет в Народном банке, оставляя в кассе лишь самое ограниченное количество денежных знаков.

* * *

В одно и то же время происходила национализация промышленности, строилась бюджетная система, создавался Народный банк. Быстро проходил процесс установления социалистических форм хозяйства, создавались командные высоты диктатуры пролетариата и вместе с тем развивалась и оформлялась система финансирования социалистического хозяйства. При всем своем несовершенстве и недостатках финансирование и кредитование промышленности сыграли большую роль в восстановлении народного хозяйства, в ликвидации разрухи. Эта роль финансов выступает очень ярко при рассмотрении материалов о системе финансирования промышленности Северного района, которая восстанавливалась под руководством товарища Молотова. В результате правильной организации руководства заводами, учета всех ресурсов, налаживания быстрой финансовой помощи предприятиям и по линии Народного банка и со стороны бюджета в этом районе оказалось возможным разработать реальный план, программу работы металлических заводов Петрограда.

Эта программа, говорил товарищ Молотов, «...намечающая план работы металлических заводов г. Петрограда, теперь рассматривается нами, как такая программа, которая в деле организации народного хозяйства будет первым крупным шагом, насколько мне известно, для всей России» [1]. Эта программа имела «особое историческое значение как для нашей страны, так и для всемирного социализма» [2] именно потому, что это «был первый шаг в новой, неизведанной, неиспробованной еще до сих пор нигде в мире области планомерной организации промышленности в интересах трудящихся. Эти программы — п е р в ы й о п ы т, конечно, несовершенный, но тем не менее заслуживающий самого пристального внимания рабочих, опыт строительства социалистического хозяйства» [3].

Так под руководством партии большевиков восстанавливалась разрушенная промышленность, строилось социалистическое производство. Развитие планирования народного хозяйства укрепляло и финансовую систему, которая в возрождении и росте социалистической промышленности играла большую роль.

---

[1] В. М. М о л о т о в, Речь 7 сентября 1918 г. „Пример социалистического строительства хозяйства", Петроград, 1918 г., стр. 20 — 24.
[2] Т а м ж е.
[3] В. М. М о л о т о в, Как рабочие строят соц. хозяйство, стр. 12.

4. Строительство Народного банка советской республики

Главнейшие задачи в области социалистической организации кредитной системы были определены Лениным:

«Без крупных банков социализм был бы неосуществим.

Крупные банки есть тот «государственный аппарат», который нам нужен для осуществления социализма и который мы берем готовым у капитализма, при чем нашей задачей является здесь лишь отсечь то, что капиталистически уродует этот превосходный аппарат, сделать его еще крупнее, еще демократичнее, еще всеобъемлющее. Количество перейдет в качество. Единый крупнейший из крупнейших государственный банк, с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике — это уже девять десятых социалистического аппарата. Это — общегосударственное счетоводство, общегосударственный учет производства и распределение продуктов, это, так сказать, нечто вроде скелета социалистического общества» [1].

Согласно этим указаниям было необходимо коренным образом реорганизовать Государственный банк, завершить процесс национализации частных банков, централизовать все кредитные учреждения и расширить сеть кредитных филиалов. Нужно было организовать кредитование хозяйства так, чтобы обеспечить превращение банка в единый расчетный и кредитный центр социалистического общества.

Декретом Совнаркома от 27 января 1918 г. руководящие органы банка реконструировались именно в этих целях. Особый совет по финансированию, состоявший главным образом из капиталистов, был ликвидирован. Совет Народных Комиссаров постановил, что только Центральный учетно-ссудный комитет под руководством Высшего совета народного хозяйства имеет право выдавать всякие авансы и ссуды. Тем самым дело кредитования сосредоточивалось в едином Народном банке. Влияние капиталистов на предоставление кредитов не только государственным, но и частным предприятиям было уничтожено. Представители советских государственных организаций получили полное преобладание при решении всех относящихся сюда вопросов.

За деятельностью Учетно-ссудного комитета систематически наблюдал Совет Народных Комиссаров. 11 мая 1918 г. Совнарком слушал вопрос об издании дополнительного декрета об учетно-ссудных комитетах и выделил комиссию для подробного изучения вопроса [2]. Внимание правительства способствовало улучшению работы учетно-ссудных комитетов, и они постепенно стали занимать видное место во всем хозяйственном организме. На местах, при отделениях и конторах банка, также создавались учетно-ссудные комитеты; они получали от Центрального учетно-ссудного комитета лимиты, в пределах которых вправе были самостоятельно разрешать кредиты. Все же остальные ходатайства о кредитах долж-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXI, стр. 260.
[2] ЦАОР, фонд 1235, опись 53, дело № 1, лист 57.

ны были проходить и через Центральный учетно-ссудный комитет. Так создавалась система кредитования.

При слиянии частных банков с Государственным банком в отделениях бывших частных банков учетно-ссудные комитеты не создавались. Все дело кредитования сосредоточивалось при основном отделении (б. Государственного банка), которое рассматривало все ходатайства об открытии кредита, выдаче ссуд и приеме к учету векселей и свидетельств на срочные платежи. В тех городах, где не было основных отделений, — там все отделения б. частных банков на основании распоряжений Центрального управления Народного банка создавали только один Учетно-ссудный комитет [1].

На протяжении 1918 г., в связи с преобразованиями, во всем народном хозяйстве изменялась структура Центрального управления Народного банка; она окончательно сложилась и оформилась к началу 1919 г. Одним из важнейших отделов Центрального управления банка был отдел общих вопросов государственного кредита и банковой политики, занимавшийся разработкой общих вопросов денежного обращения, кассового планирования и государственного кредита. Этот же отдел ведал кредитованием Государственного казначейства, осуществлял, до слияния казначейства с Народным банком, общее руководство его текущими счетами и проводил ликвидацию дел государственной комиссии погашения долгов. Отдел разрешал вопросы, относящиеся к банковской сети, и производил ревизии контор банка. В нем согласовывалась работа всех отделов по инструктированию контор и отделений банка.

Решающая оперативная роль принадлежала отделу по финансированию национализированной промышленности и народнохозяйственных операций государственных учреждений. Этот отдел проводил финансирование государственных предприятий в сметном порядке за счет Государственного казначейства (после слияния с ним), а также финансировал товарные закупочные, заготовочные операции государственных учреждений, в первую очередь Наркомпрода и Наркомзема; он вел расчеты между государственными предприятиями и учреждениями.

Кроме того, были созданы отделы: железнодорожный, кооперативный, активных операций, пассивных, отдел международных расчетов и ряд других [2].

Организация единого кредитно-расчетного центра страны требовала не только оформления Центрального управления Народного банка, но и создания для него крепкой периферии.

В своей работе «Очередные задачи советской власти» Ленин писал в апреле 1918 г.: «Чтобы продолжать дальше национализацию банков и идти неуклонно к превращению банков в узловые пункты общественного счетоводства при социализме, надо прежде всего и больше всего достигнуть реальных успехов в увеличении числа отделений Народного банка, в привлечении вкладов, в облегчении для публики операций внесения и выдачи денег, в устранении «хвостов», в поимке и расстреле взяточников и жуликов и т. д.» [3].

[1] ЦАОР, фонд 2324, опись 38, дело № 54, лист 49.
[2] Там же, опись 14, дело № 5, лист 46 — 47.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. XXII, стр. 449.

Для этого нужно было организованно провести сложную работу по завершению национализации б. частных акционерных коммерческих банков и, как было указано в декрете от 27 декабря 1917 г., создать, на основе слияния их с отделениями Государственного банка, единые отделения Народного банка.

Ленин в своих тезисах о банковой политике, имевших решающее влияние на построение советской кредитной системы, так определил конечную цель этой работы.

«Банковая политика, не ограничиваясь национализацией банков, должна постепенно, но неуклонно, направляться в сторону превращения банков в единый аппарат счетоводства и регулирования социалистически организованной хозяйственной жизни всей страны в целом» [1].

Ленин требовал проведения строгой централизации банковой системы. В тезисах была развернута конкретная программа строительства социалистического банка.

В частности, Ленин указывал на необходимость составления отчетов каждым частным банком, приведения в полный порядок всех дел банка и представления баланса на 27 декабря 1917 г. и на последний день операций. Но даже при выполнении этой функции частные банки должны были действовать в качестве только отделений единого Народного банка. Для проведения этой работы были приглашены некоторые специалисты, в том числе некоторые бывшие сотрудники банка.

«Мы знаем, что это сложная мера... — говорил о национализации банков Ленин. — Мы позовем специалистов, занимающихся этим делом, но только тогда, когда ключи будут у нас в руках. Тогда мы даже сумеем завести консультантов из бывших миллионеров. Кто хочет работать — милости просим, лишь бы не превращать всякий революционный почин в мертвую букву, — на эту удочку мы не пойдем. Слова — диктатура пролетариата — мы произносим серьезно, и мы ее осуществим» [2].

Для руководства работой созданных при частных банках ликвидационно-технических коллегий и для разработки ряда мероприятий по практическому осуществлению национализации в целом в Народном банке РСФСР был создан Совет экспертов.

Совет экспертов возник из совещания, созванного главным комиссаром банка, с участием около 100 человек. В числе участников совещания имелись и бывшие члены советов, члены правлений и директоры государственных и частных банков, а также чиновники старых министерств и кредитной канцелярии, представители частных предприятий и объединений.

Совещание и Совет экспертов были созданы согласно указанию Ленина о приглашении к участию в осуществлении государственных мероприятий в области банкового дела ряда прежних служащих буржуазии.

Задачей Совета экспертов, сформулированной в проекте программы его работы, являлось установление «плана национализации

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXX, стр. 379.
[2] Там же, т. XXII, стр. 143.

с чисто технической стороны (ликвидационный баланс банков, слияние его с балансом Государственного банка, установление взаимоотношений между различными банковыми учреждениями одного и того же города и т. д.)»[1].

Эта задача должна была решаться на основе принципиальной установки программы Совета о том, что «немедленной национализации подлежат все кредитные учреждения, действующие на территории Российской социалистической советской республики, за исключением (и то временно) безусловно кооперативных организаций, а именно кредитных и ссудосберегательных товариществ, их союзов и Московского Народного Банка»[2]. В целом работа Совета экспертов должна была заключаться в деловом содействии для проведения в жизнь плана завершения национализации банков путем централизации банкового дела.

Как оказалось впоследствии, значительная часть бывших служащих буржуазии, привлеченных к участию в работе Совета, вместо помощи вредительски саботировала завершение национализации, действуя по указке организации своих бывших хозяев — комитета съездов акционерных коммерческих банков, согласовывая с ним каждый свой шаг. Вместо того, чтобы решать конкретные вопросы, заседания Совета превращались в говорильню, где поднимались якобы «принципиальные вопросы» о сущности национализации, рабочего контроля и т. д.

Агенты буржуазии старались оттянуть время. Они надеялись на восстановление власти капиталистов и помещиков. Они добивались водворения бывших частных банков в их прежние помещения, возвращения прежних правлений и предоставления им полной свободы действий, возвращения служащих в те банки, в которых они работали до 27 декабря 1917 г., и т. п.

Они договорились до того, что декрет относится лишь к промышленным банкам, что он не касается земельных банков, обществ взаимного кредита, так как последние являются якобы кооперативными организациями. Когда было разъяснено, что декретом от 27 декабря вопрос о земельных банках и обществах взаимного кредита предрешен, они все же добивались хотя бы оттяжки его исполнения. Совет экспертов высказался за очередность проведения национализации с тем, чтобы общества взаимного кредита были национализированы значительно позднее, чем коммерческие банки.

Они добивались замены в программе слов «немедленной национализации» словами «планомерной национализации» и тем самым старались обеспечить хотя бы временно самостоятельное существование частных банков. Они исключили из программы работы Совета экспертов указание о временном характере сохранения самостоятельности кооперативных кредитных предприятий.

[1] Краткий проект работы комиссии специалистов-теоретиков и практиков банкового дела, создаваемой комиссариатом Государственного банка для разработки плана национализации банкового дела в России и других вопросов банковой политики. ЦАОР, фонд 2324, опись 38, дело № 189, лист 8—9.

[2] Там же.

Особо характерной в Совете экспертов являлась дискуссия о том, как должна происходить передача активов и пассивов частных банков. Стремясь уменьшить финансовый эффект национализации банков для государства, они старались расчленить активы и пассивы так, чтобы предоставить возможность реализации — до слияния — тех счетов, когда это было выгодно хозяевам банков. В частности, по вопросу о ликвидации онкольных счетов, обеспеченных преимущественно аннулированными займами, они выдвигали положение, по которому долг кредитному учреждению, национализированному государством, обеспеченный аннулированными займами, не следовало взыскивать в части, покрытой этими «ценностями».

Очень важным был вопрос о политике финансирования и кредитования промышленности. В проекте работы Совета экспертов указывалось: «Банк (именно банк, а не казначейство) финансирует не только частную промышленность, но также национализированную. В этой области его дело твердо и неуклонно проводить политику покровительствования национализированной промышленности в ее борьбе с частной»[1]. Эта принципиальная установка взята была в штыки и «подправлялась» фразой о том, что Госбанк финансирует и кредитует и национализированные, и частные предприятия; при этом делалось ничем не обязывающее дополнение, что Госбанк должен широко итти навстречу процессу национализации.

Особенно не по душе агентам банкового капитала был рабочий контроль над деятельностью банков и, главным образом, невозможность получения денег в банке без удостоверения органов рабочего контроля. Не решаясь выступить открыто против контроля, они стремились снизить его эффект. Было выдвинуто предложение, что для получения денег из Госбанка частными промышленными предприятиями достаточно засвидетельствование Комиссией контроля лишь соответствия требуемой суммы смете и финплану. Расчет был на то, что рабочие не смогут разобраться в тонкостях финплана и сметы, и поэтому можно будет увернуться от рабочего контроля. Наряду с этим эксперты всячески добивались ограничения прав контроля со стороны Госбанка. Они говорили, что «в живом банковом деле учреждать какой-либо особый контроль было бы нецелесообразно».

На совещании был также поставлен вопрос о сети банковых учреждений. Программа работ Совета экспертов, в соответствии с установками Ленина о создании единого крупнейшего Государственного банка со специальными отделениями банка на местах, с широко разветвленной сетью филиалов, ставила задачей разработку «плана развития широчайшей сети контор, отделений и агентов банка по всем городам, заводам, селам и т. д.»[2]. Она выдвигала и вопрос «о целесообразности разделения банка на строго разграниченные отделы: эмиссионный, сельскохозяйственный, железнодорожный и транспортный, промышленный, торговый,

---

[1] ЦАОР, фонд 2324, опись 38, дело № 139, лист 8—9.
[2] Там же.

экспортный и др., с самостоятельной организацией, фондами, балансами и кругом деятельности, при условии направления общей политики центральным органом Государственного банка»[1]. Стремясь протащить решение о сохранении старых банков, агенты банкового капитала в Совете экспертов превратили этот вопрос в проблему разделения эмиссионных и кредитных функций банка и организации ряда банков. Они обнаглели до того, что старались сохранить даже старые названия банков, прикрываясь смехотворным доводом о том, что изменение названий может якобы вызвать много недоразумений в сношениях банков между собою, их филиалами, клиентурой и корреспондентами.

Уже этих примеров достаточно, чтобы установить, что Совет экспертов, заседавший в течение почти двух месяцев, с 10 апреля по 4 июня, саботировал проведение национализации. Одна из основных задач работы комиссии специалистов и практиков банкового дела — разработка плана национализации банков — с технической стороны упорно игнорировалась. В Совете экспертов велась классовая борьба, эксплоататоры противодействовали пролетарской диктатуре.

Характерно, что в дальнейшем, когда развернулась гражданская война, банковские тузы России, выброшенные пролетарской революцией со своих насиженных мест, пристально следили за мероприятиями советского правительства по национализации банков, получая подробную информацию от своих прислужников, находившихся в банках. Об этом свидетельствует несколько протоколов заседаний съезда представителей акционерных коммерческих банков, происходившего в Самаре в августе—сентябре 1918 г. в момент хозяйничанья там белогвардейцев. Банкиры имели претензию влиять на финансовую и банковую политику не только на территории, охваченной чехо-словацким и другими белогвардейскими восстаниями, но и на советской территории. Члены комитета съездов акционерных коммерческих банков давали директивы своим агентам, притаившимся в советских банковских учреждениях, творившим там свою гнусную вредительскую работу. Особый интерес представляет заседание этого съезда, заслушавшего информацию о положении банков в Петрограде. Банкиры остались довольны сообщениями и работой своих прислужников, разрушавших важнейший для страны кредитный аппарат, с трудом создаваемый рабочим классом[2].

В борьбе с саботажниками, вредителями и всякого рода врагами рабочего класса преодолевались трудности, развертывалась централизация банков.

4 июня 1918 г. «деятельность» Совета экспертов была прекращена. 5 июня Совнарком принимает развернутое решение по поводу работы банков. Для осуществления централизации банкового дела Совет народных комиссаров предлагает Наркомфину, который должен руководить всей кредитной системой, «принять энергичные меры к действительному слиянию всех банков».

[1] ЦАОР, фонд 2324, опись 38, дело № 189, лист 8 — 9.
[2] Там же, опись 37, дело № 11, лист 251.

Совнарком за подписью Ленина и народного комиссара финансов тов. Гуковского рассылает такую телеграмму: «Совет народных комиссаров подтверждает, что все банки, как Государственные (Народные банки Российской Республики), так и бывшие частные банки находятся в заведывании Комиссариата Финансов и подчинены комиссару финансов. Все комиссары каких бы то ни было банков, кем бы они не были назначены, а равно и сберегательных касс, обязаны исполнять распоряжения Народного комиссара финансов. Совет народных комиссаров напоминает всем банковым учреждениям, что строжайшая национализация всего банкового дела с абсолютной неизбежностью вытекает из всей политики советской власти, из всех изданных ею декретов» [1].

Но и после этого централизация затягивалась. Инструкция о порядке слияния не издается. На местах национализация проводилась беспланово. Комиссары банков проводили работу по своему усмотрению, почти без всякого согласования с Центральным управлением Народного банка и Наркомфином.

В результате проведения Совнаркомом ряда мероприятий и издания постановления от 20 сентября 1918 г. о неукоснительном проведении в жизнь декрета о монополизации банкового дела органы, призванные правительством осуществлять эти директивы, зашевелились. Народный банк выработал инструкцию о порядке национализации частных банков. Эта инструкция, утвержденная Наркомфином 10 декабря 1918 г., устанавливала все организационно-технические основания объединения бывших частных банков с бывшим Государственным в единый Народный банк республики.

Централизация банков в Петрограде

Централизация банков в Петрограде проводилась сначала Центральным управлением Народного банка, а затем, после переезда последнего в Москву, — Петроградской конторой. При конторе так же, как и при Центральном управлении Народного банка, был создан Совет экспертов, на который было возложено «составление инструкций по ликвидации б. частных банков и обсуждение всех вопросов, связанных с ликвидацией» [2]. При каждом бывшем частном банке существовала техническая коллегия, «обеспечивавшая руководство всеми ликвидационными работами банка» [3]. В Петрограде было создано 4 отделения Народного банка, из которых каждое должно было централизовать группу частных банков. В феврале 1918 г. во всех отделениях уже была проведена централизация касс и заканчивалась централизация текущих счетов. Так, 2-е отделение планировало закончить слияние текущих счетов всех банков, входящих в отделение, к 18 февраля; 1-е и 3-е отделения — к 23 февраля и 4-е отделение — к 1 марта. Что касается отдела переводов, товарного и вексельного, то здесь дело обстояло значительно хуже. По 1-му отделению централизация начата была только в одном банке. По 2-му отделению централизация перево-

[1] ЦАОР, фонд 130, опись 26, дело № 3, 1918 г., лист 9 — 10.
[2] ЦАОР, фонд 2324, опись 07, дело № 20, лист 1.
[3] Там же, лист 11.

дов произведена не была, товарных отделов только начинала налаживаться, по вексельным отделам сконцентрирован был вексельный портфель лишь части банков. По 3-му и 4-му отделениям к 19 февраля начал работать товарный отдел, а вексельный и переводов централизованы не были [1]. Вскоре было открыто еще десять отделений банка, а затем и еще одно отделение, специально для обслуживания продовольственных операций. Так происходило организационное оформление системы Народного банка в Петрограде.

Постановление Совнаркома от 5 июня 1918 г. обязывало Наркомфин «назначить ревизионную комиссию по обследованию деятельности как государственного, так и бывш. частных банков» [2]. Это было тем более необходимо в отношении частных банков, что и сам Совет экспертов, который руководил проведением национализации, не знал, как она проходит во всех отделениях. Об этом свидетельствует и рассылка на места анкеты с самыми элементарными вопросами. Национализация проводилась во многих местах вне органа, которому правительство поручило возглавлять проведение в жизнь декрета о национализации. В письме всем отделениям Совет экспертов писал в июне 1918 г.: «Нам прежде всего необходимо знать, где, как и когда проведен в жизнь декрет о национализации, в каком отношении каждое отделение какого-нибудь из бывших частных банков состоит с отделениями других банков и с ближайшим отделением быв. Государственного банка» [3]. Об этом же сообщала и «Торгово-промышленная газета»: «Не имея достаточно данных о положении дел после национализации банков на местах и, считаясь с крайней важностью этих данных, совет экспертов предпринимает обширную анкету о положении, взаимоотношениях и порядке деятельности местных отделений б. частных банков» [4]. Это положение лишний раз подчеркивает всю важность установки, данной Лениным в мае 1918 г. на I съезде финотделов, о необходимости строжайшей финансовой централизации.

Завершение организационного оформления системы Народного банка в Петрограде упиралось в отсутствие правил централизации. Вражеское сопротивление строительству Народного банка также немало тормозило централизацию. В материалах ревизии IV отделения Народного банка, охватывавшего четыре бывших частных банка, указывалось: «Произведенные до сих пор попытки слияния носили чисто формальный, механический характер и заключались лишь в свезении в одно место книг и ценностей и то только в части» [5]. «Отсутствие органического слияния приводило к тому, что вскоре книги ликвидируемых банков частью были возвращены в прежние помещения» [6], что, естественно, крайне затрудняло

---

[1] Из отчета о ходе работ по отделениям Народного банка, журнал „Народное хозяйство", 1918 г.

[2] ЦАОР, фонд 130, опись 26, дело № 3, лист 9 — 10.

[3] ЦАОР, фонд 2324, опись 07, дело № 20, лист 34.

[4] «Торгово-Промышленная газета» № 50 от 23/10 июня 1918 г.

[5] ЦАОР, фонд 3628, дело № 22, лист 48 — 52.

[6] Там же.

работу отделения. «Органического слияния между четырьмя б. частными банками и IV отделением не произошло. Взаимоотношения между ними до сих пор точно не выяснены. Нет даже однообразия в отношении к разным банкам: решающий момент случайный и в большинстве территориального характера, в зависимости от места нахождения ликвидируемого банка» [1]. Больше того, «деятельность IV отделения, — указывали ревизоры, — является как бы движением по инерции, полученной от прежних банков» [2]. Это было уже прямым извращением политики партии и правительства в области финансов. Кроме саботажа, игравшего значительную роль и в работе IV отделения банка, главной причиной отмеченных выше фактов было отсутствие надлежащего руководства отделениями со стороны управления Народного банка, отсутствие разработанного порядка и правил проведения слияния. «Невыясненность до сих пор, — писали ревизоры, по поводу слияния, — методов практического осуществления, отсутствие конкретного плана, определенных инструкций затрудняют служащих, кои во что бы то ни стало хотели осуществить поставленные им задачи, и побуждает их только к партизанским, не связанным между собой и часто противоречащим друг другу действиям» [3]. Большим злом было отсутствие долгое время инструкции о порядке приведения балансов б. частных банков в однородное состояние, составления заключительного (б. частных банков) и вступительного балансов отделений Народного банка, о порядке реализации активов и пассивов, а также ряд других не разрешенных организационно-технических вопросов.

Когда банки были уже национализированы, то все дело централизации в значительной степени упиралось в организационное оформление и создание мощного централизованного разветвленного аппарата Народного банка, способного играть большую роль в осуществлении планов социалистического строительства, намеченных Лениным, партией большевиков. В результате преодоления саботажа постепенно происходила централизация, и отделения Народного банка принимали на свой баланс балансы б. частных банков.

Приводимые ниже данные о балансовых остатках по главным счетам б. частных банков на 14 декабря 1917 г. и отделений Народного банка в Петрограде на 25 октября 1918 г. (см. стр. 135) свидетельствуют о том, что значительная часть отделений успела ликвидировать дела б. частных банков, вошедших в их состав, приняв на свой баланс большую часть актива и пассива баланса коммерческих банков (в тыс. руб.) [4].

Таблица показывает, что по 2, 3 и 4 группам счетов отделения Народного банка приняли почти всю массу активов и пассивов б. частных банков к 25 октября 1918 г.

---

[1] ЦАОР, фонд 3628, дело № 22, лист 48 — 52.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Газета „Финансы и народное хозяйство", № 38, 7 ноября 1918 г.

Наименование отделений	Текущие счета и вклады		Онколь под товары и тов. документы		Онколь под ценные бумаги и срочные ссуды		Учет векселей и торговые обязательства	
	на 14/XII 1917 г.	на 25/X 1918 г.	на 14/XII 1917 г.	на 25/X 1918 г.	на 14/XII 1917 г.	на 25/X 1918 г.	на 14/XII 1917 г.	на 25/X 1918 г.
1	426 832	108 080	33 424	67 669	343 495	345 569	304 728	299 083
2	458 182	153 946	11 619	3 853	238 143	1 791	147 022	89 879
3	398 280	202 435	26 020	10 027	386 596	294 185	357 043	263 940
4	262 086	13 124	39 008	4 369	133	124	179 953	101
5	32 229	27 283	15 361	13 714	8 677	8 768	1 857	1 664
6	33 795	34 727	11 930	13 927	9 039	9 043	3 52+	3 491
7	5 325	5 407	—	3 057	1 375	1 395	—	—
8	435	508	242	127	2	—	—	—
9	4 715	1 104	—	—	6 286	1	1 714	1
10	7 795	4 466	—	—	865	671	327	320
11	152	305	1 700	610	39	—	180	—
12	2 584	1 221	—	4	3 780	—	199	10
13	6 725	2 917	619	71	524	—	41	—
14	3 300	—	—	—	1 218	—	6	—
15	151 961	18 234	—	35 979	83 000	95 153	35 698	30 780
Итого .	1 794 396	573 757	140 242	123 403	1 083 172	757 000	1 032 292	689 269

Данные о текущей работе отделений Народного банка показывают, что наиболее интенсивно были развиты товарные операции отделений. Так, 15-е отделение за время своего существования — с мая по октябрь — выдало 35,9 млн. руб., 7-е — свыше 3 млн. руб. Значительный размер ссуд, выданных 15-м отделением, объясняется тем, что в нем было сосредоточено кредитование продовольственных и кооперативных организаций.

Централизация банковой системы в Москве

В Москве централизация банков проходила с неменьшими трудностями. Контроль над деятельностью частных коммерческих банков до национализации банков осуществлялся Московским советом через созданный им Финансовый совет. Однако этот контроль оказался недостаточно эффективным: банки обходили его всякими путями. Финансовый совет не мог непосредственно наблюдать за работой каждого отделения частного банка, а сведения, представляемые банками, оказывались часто фиктивными. После захвата частных банков Московским советом были назначены комиссары в каждое из их отделений. Руководство работой этих комиссаров осуществлялось Финансовым советом. Он разработал план постепенной централизации различных отделов банков, план организации единого Народного банка.

К концу декабря 1917 г. была осуществлена централизация отделов текущих счетов. В одном банке были сконцентрированы книги

и документы по текущим счетам всех 18 московских банков, и с 4 января стал работать Центральный I отдел текущих счетов. Централизация именно этого отдела была сравнительно более легким делом и проведена была в первую очередь потому, что операции по текущим счетам не допускали никакого перерыва, ибо с ними была связана выплата зарплаты рабочим. Централизация этого отдела дала сразу значительную экономию сил и возможность тщательного контроля. Лишь к началу марта начата была тщательная проверка счетов и объединение счетов одного и того же клиента в разных банках в одном счете. Эти централизованные счета переносились в новые книги и, выделенные в особый отдел, составили собственно Центральный отдел текущих счетов Народного банка.

К 1 мая 1918 г. из общего количества 175 тыс. номеров текущих счетов бывших частных банков было перенесено 52 500, которые по объединению дали 25 700 счетов на сумму 623,5 млн. руб. Ускорилась централизация счетов тогда, когда были запрещены выдачи с нецентрализованных текущих счетов, так как до того заявки о централизации исходили лишь от тех клиентов, которые вынуждены были часто брать суммы с текущих счетов.

Отдел утопал в массовых требованиях о выдаче с текущих счетов. Буржуазия всеми правдами и неправдами старалась выкачать деньги с текущих счетов. Противостоять этому наплыву было очень трудно, особенно почти целиком обновленному аппарату служащих. Тем не менее новые служащие умели отличать действительную необходимость выдачи денег для расплат от выкачивания, и это давало возможность эффективно использовать и направить по назначению подкрепления из Государственного банка.

При отделе текущих счетов был открыт расчетный отдел, принимавший чеки и переводы для записи на текущие счета. За январь—апрель 1918 г. было оплачено 73 755 чеков на 819 092 тыс. руб., из которых около половины — наличными и чеками на бывший Государственный банк и около половины — занесением на текущие и другие счета. Поступления за это же время выразились в сумме 402 005 тыс. руб., в том числе наличными — 33 213 тыс. руб.

Централизация других отделов представляла большие трудности. Прежде чем проводить централизацию, требовалось восстановить массу записей за последние месяцы 1917 г. и сверить все записи. К тому же весь высший состав служащих частных банков саботировал и не приступал к работе вплоть до середины марта.

Активные операции развивались очень слабо. Буржуазия не хотела вносить наличные деньги, она готовилась к тому, чтобы помериться силами с советской властью иными способами, она не желала подчиниться не только национализации банков, но и вообще советской власти. Незначительность аккумулируемых сумм приводила к значительному сужению кредитования промышленности и торговли. Подкрепления Государственного банка использовались для покрытия пассивов банков, главным образом по оплате текущих счетов, и в части вкладов и переводов — по разрешению контрольной комиссии при Наркомфине. Активные операции ограничивались несколькими случаями выдачи ссуд под обеспечение

векселями, переучетом некоторых векселей по заключению Московского районного экономического комитета.

Реализация актива б. частных банков проходила также очень медленно. Портфель векселей и прочих учтенных обязательств на 15 декабря 1917 г. составлял 948 956 тыс. руб., из которых к 1 мая 1918 г. было реализовано лишь 18 266 тыс. руб. Реализация ссуд под товары шла более успешно. Значительное количество грузов, находившихся на складах банков, были продовольственные, и к тому же реквизированные продовольственным комитетом. Хотя уплата по этим ссудам не производилась, но государство имело в своем распоряжении товары. По сводному балансу на 15 декабря 1917 г. сумма долга по специальным счетам под товары и по ссудам под товары составляла 273 444 тыс. руб. На 1 мая 1918 г. по товарным операциям поступило 26 994 тыс. руб. — 9,87 проц. суммы долга.

Централизация товарного отдела затруднялась тем, что каждый б. частный банк вел специализированные товарные операции. Централизация затруднялась ввиду необходимости строго индивидуализированного подхода к каждому б. частному банку. Все сделки б. частных банков по товарному отделу проверялись, выяснялись, а затем переносились в Центральный отдел. Без затруднений прошла централизация учетно-ссудных отделов. К июню вексельный портфель почти всех б. частных банков был передан учетно-ссудному отделу. Оплата векселей, учет и переучет сосредоточены были исключительно в названном отделе. В этом же отделе предполагалось сосредоточить выдачу ссуд под соло-векселя, выдачу авансов под сметы национализированных предприятий и другие формы финансирования.

В отдел вкладов, открытый с 1 июня, переданы были все вклады б. частных банков. По балансу на 15 декабря они составляли сумму 207 553 000 руб. На 1 мая из них было оплачено 3 376 650 руб. Отдел производил: 1) прием новых вкладов на срок от 6 месяцев и свыше с начислением по вкладам 4 проц., по срочным на год 4,5 проц. и 2) свободную выдачу вкладов вновь принятых и просроченных, а остальных — по разрешению руководства. Для разгрузки центральных отделов в Москве были открыты в первых числах июня девять городских отделений, которые должны были производить операции по текущим счетам, прием и оплату переводов, прием на комиссию чеков (оплата которых разрешалась контрольной комиссией), прием чеков и переводов для занесения на текущие счета в Народном банке [1].

Так как Финансовый совет не мог справиться со все увеличившейся работой, было создано «Временное правление Московского отделения Народного банка» для управления бывшими частными

[1] Приведенные выше данные о процессе централизации национализированных б. частных банков в Москве изложены на основании сохранившихся в Центральном архиве Октябрьской революции материалов Временного правления Московского отделения Народного банка РСФСР и его предварительной докладной записки (ЦАОР, фонд 2324, опись 37, дело № 11, лист 63 — 74).

банками и для их слияния. В дальнейшем на основе слияния бывших частных банков с Московской конторой бывшего Государственного банка было предположено создать единую Московскую контору Народного банка.

При Временном правлении Московского отделения Народного банка состояла коллегия комиссаров отделений банков, проводивших на местах решения правления. Но это Временное правление не руководилось ни Московской конторой бывшего Государственного банка, ни Центральным управлением Народного банка. В своей докладной записке Временное правление указывало на то, что оно «работало совершенно самостоятельно, не имея никаких указаний от центра и связей с ним. Московская контора Государственного банка получала директивы от Центрального управления Государственного банка в виде циркуляров и отдельных распоряжений и организационной связи с центром не разрывала, Временное же правление, созданное местной властью, никак не укладывалось и не укладывается в общие установленные рамки бывшего Государственного банка и до сих пор существует почти «нелегально» [1].

Таким образом, вследствие неналаженности работы Центрального управления Народного банка и нерегулированности взаимоотношений между центральным и местными органами, в Москве создалось два параллельно существующих отделения Народного банка. Это не могло не порождать ряда недоразумений, отражавшихся на работе. Правда, эти органы как будто разграничили сферу своей деятельности: все вопросы, касавшиеся бывших частных банков, проходили через Временное правление, а кредитование национализированной промышленности — через Московскую контору б. Госбанка.

Между ними происходили даже конфликты на почве ненормальностей в их взаимоотношениях, в особенности вследствие неурегулированности вопросов о снабжении денежными знаками и об объединении счетов бывших частных банков в Госбанке с их счетами по балансу Временного правления. Наконец, создавшееся в Москве положение вносило путаницу и в порядок подчинения провинциальных отделений бывших частных банков. В пунктах, где имелось отделение бывшего Государственного банка, отделения бывших частных банков сливались с органами Народного банка; там же, где отделений бывшего Государственного банка не было, отделения бывших частных банков обращались к своим бывшим московским центрам и включались в сферу деятельности Временного правления.

В отдельных случаях Временное правление посылало некоторым отделениям подкрепления наличными или переводами на местные казначейства, хотя абсолютно все отделения должны были слиться с Народным банком (б. Государственным). Отсутствие единого положения на периферии также отрицательно влияло на строительство системы единого Народного банка.

---

[1] ЦАОР, фонд 2324, опись 37, дело № 11.

Существование в Москве двух параллельно действовавших банковских органов решительно ничем не оправдывалось. Деятельность Временного правления принесла пользу в отношении централизации дел всех бывших частных банков. Но финансовая политика партии и правительства требовала не раздробления, а централизации финансовой системы. Декрет правительства о национализации банков требовал слияния бывших частных банков с бывшим Государственным и создания единого Народного банка Республики.

Постановлением правительства и основанным на нем приказом по Народному банку от 20 ноября 1918 г. Временное правление и правление Московской конторы бывшего Государственного банка были упразднены. Вместо них была образована Московская окружная контора Народного банка.

Несмотря на сложность и новизну дела, организационные неполадки, саботаж и прямое вредительство, организация единого Народного банка все же продвигалась вперед, и к первой годовщине Октябрьской социалистической революции, т. е. 7 ноября 1918 г., значительная часть отделений бывшего Государственного банка успела ликвидировать дела перешедших в их ведение частных банков, приняв на свой баланс большую часть актива и пассива балансов коммерческих банков.

19 декабря была издана инструкция, вносившая ясность во все важнейшие вопросы порядка слияния [1].

В начале 1919 г. в Народном банке был образован особый отдел по национализации и ликвидации банков коммерческого кредита, и началась планомерная работа по завершению централизации. На вновь образованный отдел возложены были две задачи: заведывание и руководство работами по переустройству преобразованных учреждений Народного банка и отделений б. частных банков и руководство ликвидацией обществ взаимного кредита и городских общественных банков. Последующие указания (14 июня 1919 г.) еще более уточняли порядок завершения работ. Особой комиссией была разработана единая схема баланса Народного банка и указан способ перехода на единообразный баланс. В результате ряда мероприятий была закончена работа по централизации банковского дела и составлен сводный баланс всех бывших частных банков, принятых единым Народным банком Республики.

Приводимая ниже таблица содержит данные о количестве балансов бывших отдельных банковских организаций, вошедших в сводный баланс единого банка [2] (см. табл. 1 на стр. 140).

Общий итог сводного баланса выразился в сумме 12 669 млн. руб. Ниже приводится распределение этой суммы между петроградскими, московскими и другими банковскими организациями (см. табл. 2 на стр. 140).

Из приведенных данных видно, что преобладающая часть петроградских и московских отделений банков вошла в сводный баланс. Если допустить, что сумма балансов 129 иногородних отделений

[1] ЦАОР, фонд 2324, опись 19, дело № 110, лист 36.

[2] По данным, приведенным в „Известиях НКФ", № 10—11 за 1920 г. стр. 21.

Таблица 1

	Петроградских отделений	Московских отделений	Отделений других городов	Всего
Количество отделений, имевшихся к сентябрю 1919 г.	56	46	238	340[1]
Количество балансов, представленных к сентябрю 1919 г. и вошедших в сводный баланс,—в единицах	50	43	109	202
в процентах . . .	89,3	93,5	45,8	—

Таблица 2

	Петроградских отделений	Московских отделений	Отделений других городов	Всего
Суммы сводного баланса в млн. руб.	6 962	4 959	748	12 669
„ „ „ в процентах	55,0	39,1	5,9	100,0

банков, не вошедших в сводный баланс, была равна сумме включенных в сводный баланс 109 иногородних отделений, — а несомненно, что она была значительно ниже этой суммы, — то и тогда надо считать, что сводный баланс охватил значительно более 90 проц. суммы включенных в него балансов всех бывших частных банков.

В конце 1918 г. была проведена национализация Московского Народного (кооперативного) банка. Национализация этого банка целиком вытекала из политики партии большевиков и советского правительства, направленной на создание единого монопольного банка Республики.

Национализация Московского Народного банка преследовала иную цель и проводилась совершенно иными методами, чем национализация частных банков. Одной из важнейших задач национализации частных банков была экспроприация буржуазии, подрыв ее экономической мощи и пресечение контрреволюционного использования кредитной системы и денег; национализацией Московского Народного банка преследовалась цель оказать государственную помощь кооперации. Декретом Совнаркома от 2 декабря 1918 г. Московский Народный банк был преобразован в кооперативный отдел Народного банка; на этот отдел было возложено кредитование кооперативных организаций для производства закупки и сбыта предметов продовольствия и первой необходимости, сельскохозяй-

[1] Из общего числа 572 отделений б. частных банков поддерживали сношения с центром 340, которые и принимались в расчет при составлении сводного баланса.

ственного сырья, сельскохозяйственных машин, орудий и т. п. На этот отдел возлагалась также и предварительная разработка всех вопросов, связанных с финансированием кооперации.

Ликвидация городских общественных банков и обществ взаимного кредита

Национализация всех банковых кредитных учреждений должна была завершиться ликвидацией обществ взаимного кредита и городских общественных банков. Правительство придавало этому большое значение. Необходимо было ускорить окончательное оформление единого Народного банка республики. Обсуждая 19 сентября вопрос о дальнейшем проведении национализации и ликвидации кредитных учреждений, Совнарком постановил: «1) признать, что декретом 14 декабря 1917 г. установлен принцип монополизации банковского дела в России путем национализации (или ликвидации) всех существовавших тогда частных и общественных кредитных учреждений; 2) поручить Народному Комиссару Финансов срочно провести в порядке управления национализацию (или ликвидацию) всех еще существующих кредитных учреждений»[1]. Совнарком потребовал представления периодической информации о ходе ликвидации еще не национализированных кредитных организаций.

К этому времени операции городских общественных банков сильно сократились. Важнейшие операции этих банков по залогу домов и выдаче под них ссуд, а также выдача ссуд под процентные бумаги были прекращены в связи с запрещением сделок с городскими недвижимостями и аннулированием процентных бумаг. Производившиеся еще операции по учету векселей, главным образом по переучету их, и частичная уплата по ним, а также оплата чеков были тождественными с операциями отделений Народного банка. Контроль над выдачей по чекам и другим операциям приблизил возможность ликвидации этих банков. Их дальнейшее существование было вредным, противоречило политике централизации финансовой системы, усложняло осуществление единой линии по выдаче кредитов и способствовало частному капиталу укрыться от контроля со стороны государства.

Инструкцией Наркомфина от 24 ноября и 3 декабря 1918 г. был установлен принцип и порядок ликвидации. Принцип ликвидации городских общественных банков и обществ взаимного кредита был построен на удовлетворении кредиторов этих учреждений из сумм, выручаемых от реализации активных счетов, с тем, однако, что должны были быть удовлетворены малоимущие вкладчики. Тем самым и здесь последовательно были защищены интересы трудящихся и подрывалась экономическая мощь буржуазии. Местными советами для ликвидации создавались особые комиссии, которые руководили составлением ликвидационных балансов на 1 декабря 1918 г. и заканчивали расчеты. Все операции банков и обществ прекращались, за исключением приема

[1] ЦАОР, фонд 130, опись 26, дело № 3, лист 253.

сумм, вносимых в кассу банка по обязательствам. Вся денежная наличность ежедневно вносилась в Народный банк; суммы, подлежащие выдаче вкладчикам и по другим пассивным операциям, выдавались из кассы отделения Народного банка по разрешению в каждом случае финотдела совета и ликвидационной комиссии. Ликвидация этих учреждений неизбежно принимала затяжной характер, так как удовлетворение малоимущих вкладчиков требовало реализации активов. Поступление долгов от дебиторов протекало медленно, поэтому ликвидация, ускоренная циркуляром от 23 июля 1919 г., технически была завершена лишь в 1920 г.

* * *

Так происходила коренная переделка старого кредитного аппарата. Это была творческая, созидательная работа по строительству единой, мощной, централизованной советской кредитной системы — Народного банка Республики. Тяжелое экономическое положение страны, кратковременность передышки, разгоревшаяся гражданская война — все это не давало возможности сразу и полностью развернуться новой кредитной системе. Народный банк создавался в жестокой классовой борьбе. Пролетариат боролся за создание такой организации советского кредита, которая была бы мощным орудием, командной высотой диктатуры пролетариата, служила делу социалистического строительства.

Народный банк явился детищем Ленина и Сталина. Под их неустанным руководством рабочий класс создавал советскую кредитную систему. Даже в условиях разрушенной экономики и финансов, доставшихся от старого феодально-буржуазного строя, в условиях длительного, беспрерывного и многообразного саботажа, когда необходимо было разрушать старое и одновременно создавать новое, Народный банк играл большую роль в борьбе за восстановление народного хозяйства. Сведения о фактической деятельности Народного банка довольно скудны, но и они свидетельствуют о значительности его роли в то время.

Народный банк кредитовал народное хозяйство, собирал вклады, провел организационно-технически весь процесс аннулирования ценных бумаг, проводил кредитование нужд государства, а после слияния казначейства с органами банка вел кассовое обслуживание исполнения государственного бюджета. Вскоре было проведено также слияние системы сберегательных касс с Народным банком.

Весь процесс создания Народного банка был подытожен и записан в программе РКП(б), принятой на VIII съезде в марте 1919 г.

«Избегнув ошибки Парижской коммуны, Советская власть в России сразу захватила Государственный банк, перешла затем к национализации частных коммерческих банков, приступила к объединению национализированных банков, сберегательных касс и казначейств с Государственным банком, создавая, таким образом, остов единого Народного банка Советской республики и превращая банк из центра экономического господства финансового капитала и орудия политического господства эксплоататоров в орудие рабочей власти и рычаг экономического переворота».

5. Денежное обращение

Денежное обращение являлось предметом неустанных забот партии и правительства с самого начала существования советской власти.

В ожесточенной классовой борьбе, на основе диктатуры пролетариата, создавалась денежная система Советской страны. Создание единого Народного банка республики давало возможность централизовать все дело кредитования, финансирования и расчетов народного хозяйства.

Этим были созданы условия для развития советского денежного обращения как важного инструмента диктатуры пролетариата в планировании и регулировании народного хозяйства.

Деньги использовались диктатурой пролетариата в борьбе за социалистическую переделку народного хозяйства. Их функции и назначение менялись коренным образом в пользу социализма. Использование эмиссии ставилось под контроль правительства и партии. Создание советского государственного бюджета, высокое обложение буржуазии, борьба за сокращение государственных расходов, борьба за ликвидацию разрухи в промышленности и сельском хозяйстве, — все эти мероприятия партии и правительства вели к организации здорового советского денежного обращения.

В условиях разрушенного хозяйства, не получая достаточных средств из нормальных источников государственных доходов, правительство стало на путь использования эмиссии для снабжения трудящихся, в первую очередь — рабочих решающих предприятий, для финансирования промышленности, снабжения Красной Армии и для удовлетворения других важнейших нужд.

Значительным источником для покрытия расходов государственного бюджета на финансирование народного хозяйства, на социально-культурные мероприятия, государственное устройство и оборону страны являлась эмиссия.

При огромной нужде в деньгах усилия правительства и партии были направлены на стабилизацию рубля. Это требовало сокращения эмиссии и регулирования цен. К середине 1918 г. уже наблюдались значительные сдвиги в этом отношении[1] (см. табл. на стр. 144).

После некоторого снижения темпа эмиссии в феврале снова происходит увеличение его в марте почти вдвое, а в апреле в $2^1/_2$ раза, причем в апреле эмиссия достигает наибольшей суммы сравнительно со всеми остальными месяцами 1918 г. Наступившая передышка и быстрый разворот восстановления хозяйства сразу потребовали больших средств. Этим, главным образом, и объясняется резкое увеличение суммы и темпа эмиссии в марте и апреле 1918 г. Затем также резко снизившийся темп эмиссии в мае почти закрепляется на протяжении всего лета, достигая наиболее низкого уровня в августе. Происходит фактически стабилизация рубля, особенно явно выраженная в июле, августе и сентябре. Если в июле цены товаров

[1] Таблица составлена по данным сборника „Наше денежное обращение", Москва, 1926 г., стр. 160, 169, 204, 249.

Месяцы 1918 г.	Количество денег в обращении на 1-е число каждого месяца	Выпуск денег в обращение в 1918 г.	Темп эмиссии по номиналу (проц. отнош. выпуска за м-ц к обращению на 1-е число соответств. месяца)	Изменение всесоюзного бюджетного индекса статистики труда ВЦСПС в % к предыдущему месяцу
	в млн. руб.			
Январь	27 650,2	1 913,3	6,9	129
Февраль	29 563,5	1 455,8	4,9	122
Март	31 019,3	2 956,3	9,5	131
Апрель	33 975,6	4 290,6	12,6	132
Май	38 266,2	2 477,2	6,5	122
Июнь	40 743,4	2 968,5	7,3	125
Июль	43 711,9	2 683,0	6,1	114
Август	46 394,9	2 279,1	4,9	92
Сентябрь	48 674,0	2 851,5	5,9	100
Октябрь	51 525,5	2 770,2	5,4	114
Ноябрь	54 295,7	3 074,9	5,7	125
Декабрь	57 370,6	3 955,6	6,9	121

возросли на 14 проц., то в августе они снизились на 8 проц., а в сентябре стабилизировались на августовском уровне. Только с октября начинается рост цен и повышение темпа эмиссии. Но это уже было результатом срыва мирной передышки, результатом начавшейся с лета 1918 г. гражданской войны и интервенции.

Политика укрепления советского рубля уже в условиях весны и лета 1918 г. дала значительные результаты. Большую роль в снижении темпа эмиссии сыграло уменьшение расходов вследствие прекращения империалистической войны, проводимого советским правительством снижения расходов, экономии и т. п.

Эмиссия выполнила большую роль в проведении политики партии и правительства в период завоевания диктатуры пролетариата. С момента установления советской власти она принципиально отличалась от эмиссии царского и буржуазного Временного правительства.

До Октябрьской социалистической революции эмиссия давала возможность выкачивать средства для кровавой империалистической бойни, она обрушивалась всей своей тяжестью на рабочий класс и трудящееся крестьянство, она способствовала безудержной спекуляции капиталистов и была средством борьбы с трудящимися, одним из средств для осуществления экономической корниловщины.

В условиях диктатуры пролетариата эмиссия давала возможность использовать средства для отражения контрреволюции и для нужд созидательной работы пролетарской революции. Она также содействовала проведению экспроприации буржуазии. Банки и промышленность были национализированы, однако экономическая мощь со-

хранялась буржуазией в форме наличных денежных знаков. Эмиссия способствовала обесценению денежной массы, сосредоточенной у эксплоататорских классов. Все же только этим путем полная экспроприация денежных запасов буржуазии была невозможна. В решительной борьбе с буржуазией нужно было принимать иные меры.

В речи на Всероссийском съезде крестьянских депутатов и земельных комитетов 14 февраля 1918 г. В. И. Ленин говорил:

«Большая борьба, борьба классовая, предстоит нам еще внутри страны. Эта борьба — экономическая, с буржуазией, которая прямо или косвенно поддерживает наших врагов, которая будет стремиться к экономическому господству над трудовыми массами... Требования эти — денег — страшно велики. Денег нет, вот где наша слабость, вот отчего мы слабы и отчего страдает наша страна. Есть еще много денег в городе и деревне у крупных кулаков. Эти деньги свидетельствуют об эксплуатации народного труда и они должны быть у народа. И мы убеждены, что трудовое крестьянство объявит беспощадную войну своим угнетателям-кулакам и поможет нам в нашей борьбе за лучшее будущее народа и за социализм» [1].

В связи с этим стояла задача концентрации денежных средств путем принудительного хранения их в банках. Ленин писал:

«1) Деньги класть в банк обязательно (под угрозой конфискации и отмены права на землю).

2) Платить 4% за вклады.

3) Из вкладов 1/3 остается в местных отделениях, а 2/3 в цент[ральный] банк» [2].

Следует учесть, что эмиссия, ведя к дальнейшему обесценению денег, отражалась в определенной мере и на среднем крестьянстве. Борясь за укрепление диктатуры пролетариата и ее основы — союза рабочего класса с крестьянством, Ленин и Сталин считали возможной эмиссию лишь как временную меру. В начале 1918 г., как только были подавлены контрреволюционные восстания, на первый план выдвигается необходимость решения задачи денежного обращения, «ибо хозяйничание при помощи типографского станка, как это практиковалось до настоящего времени, может лишь быть оправдано, как временная мера» [3].

Установка Ленина била по инфляционистским «теоретикам» из лагеря контрреволюционного троцкизма, считавшим, что инфляция и есть правильная политика пролетариата, пытавшимся разбить союз рабочего класса с крестьянством, толкавшим пролетарскую диктатуру к гибели.

Главнейшей задачей в области денежного обращения была задача обмена всех существовавших денежных знаков на новые. Еще в декабре 1917 г., в своем проекте декрета социализации народного хозяйства, Ленин писал:

«Лица богатых классов обязаны держать в Государственном

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXII, стр. 252 — 253.
[2] Ленинский сборник, т. XXI, стр. 166.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 19.

банке и его отделениях, а равно сберегательных кассах, все свои денежные суммы, получая не более 100—125 руб. в неделю (по установлению местных советов) на потребительские нужды, а на производственные и торговые — лишь по письменным удостоверениям учреждений рабочего контроля.

Для надзора за действительным проведением в жизнь настоящего узаконения будут введены правила обмена ныне действующих денежных знаков на иные, и виновные в обмане государства и народа подвергаются конфискации всего имущества»[1] (подчеркнуто мною — *Б. Р.*). Таким образом, еще в конце 1917 г. Ленин выдвинул задачу обмена денежных знаков.

В речи на I Всесоюзном съезде представителей финансовых отделов в мае 1918 г. Ленин полностью развернул сущность этого мероприятия:

«Деньги, бумажки, — то, что называется сейчас деньгами, — действуют разлагающим образом и опасны тем, что буржуазия, храня запасы этих бумажек, остается при экономической власти. Чтобы ослабить это явление, мы должны немедленно принять меры.

Меры эти — строжайший учет имеющихся бумажек путем полной замены всех теперешних денег — новыми. Несомненно, на пути проведения этой меры стоят крупные экономические и политические трудности. Она требует тщательной подготовки, но мы начали уже эту подготовку.

Мы назначим самый краткий срок, в течение которого каждый должен сделать декларацию о количестве имеющихся у него денег и получить взамен новые. Если сумма эта окажется небольшой — он получит рубль за рубль. Если же она превысит норму — он получит лишь часть. Мера эта несомненно встретит сильнейшее противодействие не только со стороны буржуазии, но и со стороны нашего крестьянства, разбогатевшего на войне и зарывшего в земле бутылки, наполненные бумажными деньгами. Мы встретимся грудь с грудью с классовым врагом. Борьба будет тяжелая, но благодарная борьба. Среди нас нет сомнений, что нам необходимо взять на себя все тягости этой борьбы, ибо она необходима и неизбежна»[2].

Ленинский проект обмена старых денег на новые был гениальным проектом денежной реформы. Путем строжайшего учета всех денежных знаков и замены их на новые можно было уничтожить могущество владельцев денежного капитала — буржуазии и кулаков, не затрагивая интересов трудящихся, не имевших запасов денежных знаков. Это и было первой и основной задачей реформы.

Ленинский проект решал и другую задачу — задачу ликвидации всех денежных знаков старых дореволюционных образцов и установления однотипных денежных знаков. Денежное обращение было засорено массой различных типов денежных знаков. Удовлетворение потребности в новых денежных знаках наталкивалось

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXII, стр. 140—141.
[2] Там же, Соч., т. XXIII, стр. 20—21.

на узкую техническую базу, на недостаточную производственную мощность экспедиции заготовления государственных бумаг. В результате этого (в значительной мере) в обращении оставались и денежные знаки старых, дореволюционных выпусков и, кроме того, декретами от 21 января и 16 февраля 1918 г. было узаконено обращение в качестве денежных знаков купонов мелких купюр «Займа свободы», серий и краткосрочных обязательств государственного казначейства.

Следующая таблица характеризует структуру денежного обращения в 1918 г. (в млн. руб.):

Виды денежных знаков	Количество денег в обращении			
	на 1/I 1918 г.		на 1/XII 1918 г.	
	сумма	в %	сумма	в %
Государственные кредитные билеты доревол. образцов	18 059,1	65,3	22 606,6	39,4
Кредитные билеты образца 1917 г. .	5 889,2	21,3	21 407,7	37,3
Казначейские бил. образца 1917 г. .	3 364,4	12,2	12 811,6	22,4
Разменные марки	223,1	0,8	349,8	0,6
Разменные казначейские знаки . . .	114,4	0,4	194,9	0,3

В течение 1918 г. почти прекратились выпуски кредитных билетов старых образцов, и выпуск происходил главным образом за счет кредитных и казначейских билетов образца 1917 г. Приведенная таблица свидетельствует о многих видах знаков, находившихся в обращении. К тому же денежное обращение было засорено многими видами знаков местных эмиссий. Недостаток денежных знаков из-за перерыва или затруднительности сообщения с центром, недостаток денежных знаков мелких достоинств и ряд других причин вызывали к жизни местные эмиссии. Чеки Архангельского городского самоуправления, пензенские боны, временные билеты Царицынского городского управления, временные кредитные билеты Астраханского казначейства, денежные знаки Оренбургского отделения банка, купоны займа г. Калуги и многие другие денежные знаки обращались на местах.

На Северном Кавказе вследствие ожесточенной гражданской войны в течение всего 1918 г. денежное обращение пестрело массой различных знаков. Только в трех северных губерниях Кавказа, кроме государственных денег, обращалось одновременно до 100 различных знаков, выпущенных десятью различными учреждениями. Советским правительством в качестве местной эмиссии был декретирован 3 сентября 1918 г. выпуск временных кредитных билетов Туркестанского края в связи с перерывом Дутовым сообщения с центром, а также дензнаков краевого исполкома Терской области.

Советское правительство вело сильную борьбу за прекращение местных эмиссий, но они все же имели место, засоряя денежное обращение. Уничтожение разнокалиберности и засоренности денежного обращения могло произойти в результате обмена всех обращавшихся денег на советские знаки. Таким образом, если бы не наступила гражданская война и осуществился бы ленинский проект денежной реформы, попутно с основной задачей реформы установилось бы единое денежное обращение, что усилило бы регулирующую роль государства в области денежного обращения. Наконец, третья задача, решаемая реформой, заключалась в том, что, не затрагивая совершенно интересов трудящихся города и деревни, эта мера дала бы в руки государства дополнительные, значительные по сумме ресурсы.

Необходимость обмена возникала наряду с другими задачами экономической политики Советского государства. На основе роста производительности труда возрастали доходы от социалистического хозяйства. Укрепление советского финансового аппарата должно было увеличить налоговые доходы бюджета. Рост товарооборота и ликвидация бюджетного дефицита помогли бы укрепить советский рубль и полностью оздоровить денежную систему и денежное обращение. Ленинское мероприятие — проведение обмена старых денег на новые — являлось важным звеном в общей цепи задач экономической и финансовой политики в условиях начавшейся передышки.

Так же, как и все участки строительства Советского государства, область денежного обращения являлась ареной классовой борьбы. Буржуазия не только использовала деньги для финансирования контрреволюционных генеральских банд, — агенты буржуазии под прикрытием «беспартийной науки», стремились к созданию всяких препятствий советской власти в ее борьбе за укрепление денежного обращения.

Анализ материалов «Комиссии по денежному обращению» при буржуазном Центральном народно-промышленном комитете [1], «изучавшей» в течение первой половины 1918 г. денежное обращение, показывает, что эта комиссия в своем большинстве состояла из ярых врагов советской власти. Она являлась по существу контрреволюционной организацией, «теоретически» подкреплявшей сопротивление буржуазии финансовой политике советского правительства.

Во всех докладах этой комиссии лейтмотивом проходила надежда на падение советской власти, надежда на помощь иностранных государств, которые «выручат» капиталистов, надежда на возможность восстановления капитализма, хотя бы с расчленением страны на куски в интересах иностранного империализма. Свою задачу комиссия видела в борьбе против проведения финансовой политики партии большевиков и советского правительства, в противодействии наступлению на капитал. Для этого она выдвигала различные проекты денежной реформы. В ее вражеском арсенале

[1] „Вопросы денежного обращения", Петроград, 1918 г.

были и «проекты» создания частной денежной единицы, независимой от государственного кредитного билета, и «проект» выделения коммерческого отдела Госбанка с превращением его в учреждение получастного характера на основах акционирования, и «проект» извлечения денег путем получения за переданную крестьянству землю, и тому подобные «установочки».

Все доклады и прения в «Комиссии по вопросам денежного обращения» ярко иллюстрируют положение Ленина о том, что советская власть сразу «встретилась грудь с грудью с классовым врагом». Все и всякие враги выступали в борьбе против ленинского плана денежной реформы. Сокольников, разоблаченный впоследствии как злейший враг народа, троцкистский бандит, также пытался противопоставить ленинскому плану принудительного обмена денег свой «план» конверсии бумажных денег в процентные облигации, т. е. по существу план сохранения буржуазией денежных запасов. Его «установка», высказанная на I съезде Советов народного хозяйства, была направлена на срыв политики партии в области денежного обращения.

Денежная реформа подготовлялась в непримиримой борьбе с врагами народа. Создана была комиссия по разработке технической стороны денежной реформы. Проект программы работ этой комиссии [1] содержал перечисление основных, крайне сложных, задач подготовки реформы.

Следовало определить, какое количество денежных знаков необходимо для осуществления реформы, решить — принимать ли в расчет боны, кредитные билеты и другие суррогаты денежных знаков, выпущенные в разных районах России. Для этого нужно было по возможности более точно определить все количество денег, находившихся в обращении. Количество денежных знаков, выпускаемых экспедициями заготовления государственных бумаг, не удовлетворяло требований, предъявляемых реформой. Поэтому важно было определить, на какую сумму и в каком количестве можно изготовить к началу обмена кредитные билеты нового образца и, в связи с этим, можно ли допустить одновременное циркулирование старых и новых денег и на какой срок мог быть растянут обмен.

Важно было, кроме того, выяснить вопрос, на какие кассы могло быть возложено проведение реформы (Народный банк, казначейства, сберкассы, учреждения мелкого кредита, кассы госучреждений, фабрично-заводские, потребительской кооперации и сельские кассы), а также определить их пропускную способность, разбивку операции обмена на этапы и т. д.

Следовало принять все предупредительные меры, чтобы не допустить искусственного дробления сумм, находившихся в одних руках, между несколькими лицами и одновременного внесения их в разные кассы, так как иначе вся классовая направленность реформы была бы уничтожена.

Большое значение имел вопрос о том, в какой мере проведение

---

[1] ЦАОР, фонд 2324, опись 37, дело № 12, лист 63.

денежной реформы могло отразиться на состоянии товарных цен вообще и всех предметов продовольствия. Наконец, нужно было определить время издания декрета, систему разъяснительной работы среди населения и т. п. Этот перечень нескольких вопросов, от решения которых мог зависеть успех обмена, свидетельствует о сложности и важности проекта реформы.

Подготовка к проведению реформы началась с первых месяцев 1918 г. Под непосредственным руководством Ленина и Сталина в Пензе была организована экспедиция заготовления государственных бумаг и началось печатание советских денежных знаков образца 1918 г. для проведения обмена. Ленин и Сталин придавали огромное значение подготовке реформы. Они всячески стимулировали как можно более быструю организацию экспедиции в Пензе. В апреле экспедиция уже работала полным ходом. До конца 1918 г. деньги, печатаемые в Пензе, не выпускались, так как они предназначались для обмена.

Происходило накопление денег для реформы, разрабатывалась ее техническая сторона, подготовлялась полная перестройка всего денежного обращения. Но уже с лета 1918 г. начала разгораться гражданская война. На первый план выдвигалась защита завоеваний пролетарской революции от внешних и внутренних врагов. Хозяйственное строительство должно было подчиниться задачам военной мобилизации.

Партия и советская власть совершали переход к военному коммунизму. Политика партии в области денежного обращения, рассчитанная на стабилизацию рубля, заменялась политикой, вызванной гражданской войной. Денежную реформу в тот момент осуществить было уже невозможно. Большую часть имевшейся денежной массы нужно было направить на организацию борьбы с интервентами. На очередь выдвинулись новые задачи, решению которых советский рубль помогал в период военного коммунизма.

114853
11074
БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Глава I. **Финансы России во время империалистической войны и к началу Великой Октябрьской социалистической революции** . 3

1. Война и финансовая политика самодержавия 5
2. Финансовая политика Временного буржуазного правительства и наступление финансового краха 16

Глава II. **Финансовая политика партии большевиков — орудие борьбы за подготовку и проведение Великой Октябрьской социалистической революции** 32

Глава III. **Осуществление экономической платформы большевистской партии и финансовая политика советской власти** 49

1. Значение национализации банков 51
2. Захват и подчинение Государственного Банка и казначейства . . 54
3. Национализация банков 63
4. Ликвидация земельных банков 69
5. Аннулирование государственных долгов 75

Глава IV. **Строительство советской финансовой системы** 85

1. Налоговая политика 87
2. Создание советского государственного бюджета 95
3. Финансирование промышленности 111
4. Строительство Народного банка Советской республики 126
5. Денежное обращение 143

Редактор *П. Р. Филиппов*
Техн. редактор *В. Д. Элькинд*
Корректора *В. Игнатьева, С. Израйлева*

Сдано в пр-во 17/VI 1939 г. Подписано к печати 26/IX 1939 г. Уполн. Мособлгорлита В—10106 Тир. 3 500 ГФИ № 31 Ф. бум. 60×92/16 9½ п. л. Зак. 2003

Тип. „Красное знамя"
Москва, Сущевская, 21.

Цена 3 руб. 50 коп.

Переплет 1 руб.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ФИНАНСОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва, Центр, ул. Куйбышева, 9